ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ОБЩЕСТВА

РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ

въ Москвѣ

(1861—1875).

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1875.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ОБЩЕСТВА

РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ

въ Москвѣ

(1861—1875).

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1875.

2007041902

Посвящается памяти

Ѳедора Ивановича Иноземцева

Н. Мамоновымъ.

ОБЩЕСТВО РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВѢ.

Историческій очеркъ.

За послѣднія двадцать пять лѣтъ въ сознаніи, въ жизненныхъ условіяхъ и во взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ слоевъ населенія нашего отечества совершился историческій переворотъ, который всего замѣтнѣе отозвался на поступательномъ развитіи всего просвѣщеннаго русскаго общества и въ частности врачебнаго сословія. Пора исторіи отечественной цивилизаціи еще не настала для нашей эпохи; сравнительная оцѣнка ея съ такими предшествовавшими эпохами, какова Петра Великаго, предстанетъ въ будущемъ какъ одна изъ лучшихъ задачъ для отечественныхъ историковъ; въ настоящее же время желающій уяснить себѣ вліяніе этого переворота на сознаніе просвѣщеннаго русскаго общества не можетъ воспользоваться готовымъ приговоромъ исторической науки, и находится въ необходимости говорить о немъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ,— и по личнымъ впечатлѣніямъ, наблюденіямъ и заключеніямъ.

Мы увѣрены, что въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія русскіе врачи не съумѣли бы повѣрить тому, что совершится въ ихъ личномъ сознаніи, въ условіяхъ ихъ положенія и въ ихъ сословныхъ и общественныхъ стремленіяхъ за послѣднія 20—25 лѣтъ. Подобнаго признанія

можно ожидать отъ представителей всѣхъ специальностей не только въ ученой, но и вообще въ гражданской жизни Россіи.

Въ нашемъ очеркѣ не можетъ быть мѣста перечисленію явленій, изумляющихъ своею значительностію во всѣхъ областяхъ общественной, гражданской и народной жизнедѣятельности въ Россіи. Для нашей цѣли достаточно указать на фактъ, въ которомъ всѣ ряды такихъ явленій отражаются во всей ихъ жизненности. Мы разумѣемъ никѣмъ неоспариваемый фактъ доселѣ небывалаго и намъ современнаго поступательнаго движенія въ русской литературѣ. Въ этомъ движеніи, судя по ежегоднымъ библіографическимъ перечнямъ, историческая область идетъ впереди всѣхъ другихъ. Благодаря глубокосознанной и допущенной въ послѣдніе годы свободѣ ученаго историческаго слова, ученое изслѣдованіе въ областяхъ исторіи, археологіи, археографіи и литературы нашего отечества и народа изъ году-въ-годъ переполняетъ періодическія изданія и увеличиваетъ число самостоятельныхъ капитальныхъ сочиненій, отдѣльныхъ монографій, сборниковъ, мемуаровъ и архивовъ. Въ литературѣ опережаетъ то, что сильнѣе требуется жизнію. Нашему историческому дню выпало на долю вызывать сильнѣе всѣхъ другихъ присущее каждому историческому народу національное требованіе — сознать себя во всемъ исторически-прошломъ, на основаніи этого сознанія оправдать неудержимый подъемъ народнаго чувства и создать національное самоуваженіе для пріобрѣтенія истиннаго могущества и для упроченія истиннаго благосостоянія. Черты этого, выдающагося въ наше время національнаго требованія русской жизни характеризуютъ всѣ ея крупныя и мелкія, положительныя и отрицательныя явленія.

Для примѣра укажемъ на два однородныя, но противуположныя явленія: съ одной стороны мы привѣтствуемъ всѣ современныя правительственныя мѣропріятія, общественныя усилія и частныя пожертвованія въ области народнаго образованія въ самомъ обширномъ и въ самомъ

тѣсномъ значеніи этихъ терминовъ; съ другой стороны мы наблюдаемъ неизвѣстныя доселѣ и преувеличенныя подъ часъ до смѣшныхъ выходокъ, — выраженія такъ называемаго «народолюбія.» И высокое, и смѣшное, какъ двѣ крайности, сходятся въ однородномъ стремленіи.

Но это стремленіе нашей жизни въ національномъ направленіи, — это стремленіе, считаемое нами за присущее намъ свойство и за исполненіе закона необходимости, — представлялось нашимъ предшественникамъ отдаленною, едва сбыточною надеждою, почти мечтою. Тѣмъ не менѣе всѣмъ извѣстно и многимъ изъ насъ памятно, что трудъ мысли, мужество воли и подвигъ всей жизнедѣятельности лучшихъ людей въ прошлыхъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія посвящались стремленію—точнѣе опредѣлить, популярнѣе высказать, перенести въ общественное сознаніе и подготовить къ осуществленію именно эти, тогда несбыточныя pia desideria. Таковы были внутреннія побужденія народной и личной разумной жизни въ Россіи того времени.

Въ силу этихъ побужденій трудились тогдашніе представители Русской ученой и литературной мысли. Трудъ былъ не легкій, упорный, напряженный и съ виду неблагодарный,—неблагодарный, ибо трудились въ такомъ направленіи, которое для сильныхъ умовъ составляло цѣль жизни, а въ большинствѣ и зачастую осмѣивалось, какъ мечта.

Подъ бременемъ такого труда въ иное время слабнутъ силы, изнемогаетъ духъ и тупѣетъ сознаніе. На видъ и у насъ эти вѣстники упадка сказывались въ какомъ-то утомленіи, въ негромкомъ ропотѣ, въ жалобахъ на положеніе и въ общемъ недовольствѣ условіями и формами жизни. Все это было на устахъ и всего этого отнюдь не было въ надеждахъ.

Вѣру въ близкое великое поддерживали тогда уцѣлѣвшіе въ обществѣ современники и питомцы «Пушкинской плеяды,» лучшіе представители науки и литературы того времени. Въ глубокомъ сознаніи жизненности своихъ идей и

потребностей государства и народа, они черпали внѣшнія силы и бодрость во взаимной поддержкѣ и въ рѣшающемъ вліяніи, какимъ владѣли въ разныхъ слояхъ просвѣщеннаго общества. Ученая и художественная жизнь того времени дружила съ общественною болѣе нежели теперь. Притягательнымъ центромъ ученой мысли и вѣскаго ученаго и художественнаго слова вышла изъ всей исторіи Россіи и тогда была — Москва, а въ ней Московскій университетъ. То была сравнительно наилучшая пора Московскаго университета. То было время его преобладающаго вліянія на мысль и жизнь общественную, и, наоборотъ, то было время ободряющаго и возвышающаго вліянія просвѣщеннаго общества на университетъ.—Взаимодѣйствіе университета и общества сказывалось съ такою силою, что «общество не только знало профессоровъ въ лицо и по имени, но слушало ихъ и дорожило ими, какъ глашатаями ученаго и общественнаго прогресса Россіи, — и, благодаря ихъ, отъ студентовъ ожидало близкаго осуществленія своихъ лучшихъ надеждъ. Профессора съ своей стороны искали симпатій и опоры въ обществѣ и были въ большинствѣ любимыми его членами.»

Къ концу пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ взаимныя отношенія общества и университета измѣнились. Чтобы выяснить значеніе перемѣны довольно сравнить два, три однородныя явленія. На публичныя чтенія и ученыя диссертаціи въ университетѣ до этого періода стремился весь цвѣтъ просвѣщеннаго общества. Тогда самъ собою возникъ и вошелъ будто въ обязанность обычай, чтобы всѣ, окончившіе когда бы то ни было курсъ въ Московскомъ университетѣ, собирались на такъ называемые университетскіе обѣды въ годовщины основанія университета. Въ слѣдующій же періодъ залы публичныхъ чтеній были пусты, на эти обѣды являлись немногіе, въ разныхъ мѣстахъ, небольшими кружками. Каждый фактъ въ жизни университета не былъ уже фактомъ и въ жизни общественной. Прежде общество и университетъ были чутки другъ

къ другу, чуткость эта сказывалась не въ однихъ безсильныхъ литературныхъ обличеніяхъ и пререканіяхъ. Правда говорилась, но говорилась иначе и отношенія къ правдѣ были иныя. Въ описываемое время всего этого уже не было. Что разладъ между обществомъ и университетомъ сказался въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, можно видѣть и по тому спеціальному изданію, которое унаслѣдовано и продолжается нашимъ Обществомъ. *Въ № 3 Московской Медицинской Газеты* за 1861 годъ тогдашніе редакторы ея, Ѳ. И. Иноземцевъ и С. А. Смирновъ, не сочли неумѣстнымъ напечатать замѣтку подъ названіемъ: «Университетскій обѣдъ.» Упомянувъ въ ней объ обычаѣ этого обѣда и о лицахъ, говорившихъ рѣчи, они замѣтили, что въ послѣ-обѣденной рѣчи И. К. Бабста,

„обѣдавшіе выслушали нѣчто въ родѣ оправданія въ обвиненіи, падающемъ тамъ и сямъ на настоящихъ профессоровъ за недостатокъ сочувствія къ современному поколѣнію студентовъ," и что „оправданіе заключалось въ требованіи добросовѣстнаго и честнаго труда, безъ котораго у студента не можетъ быть *истинной* связи съ наукою."

По этому поводу редакція высказала отъ себя мнѣніе, имѣющее и теперь общій интересъ и полное значеніе. Потому мы и приводимъ его здѣсь дословно.

„Обвиненіе какъ будто вызвало обвиненіе; а то и другое свидѣтельствовало о какомъ-то внутреннемъ разрывѣ, о какомъ-то взаимномъ недовольствѣ. Откуда же это недовольство? Положимъ, что настоящіе студенты работаютъ меньше прежнихъ, но все-таки въ однихъ-ли студентахъ искать причины этого? Студентъ, по нашему мнѣнію, есть имя собирательное; въ немъ заключаются два неотъемлемыя качества: *юность* и *воспріимчивость*. Эти качества всегда были и останутся тѣмъ же, чѣмъ были за 100 и за 1000 лѣтъ; мы не предполагаемъ, что бы родъ человѣческій былъ на пути къ отупѣнію. Дайте же побольше хорошихъ вожатыхъ, укажите примѣрами путь къ самостоятельному и честному труду—и, мы думаемъ, что вы несомнѣнно привлечете къ себѣ эти свѣжія силы, незамѣтно сформируете ихъ по образцамъ вашимъ, не отобьетесь отъ сочувствія и содѣйствія ихъ, еслибы и захотѣли отбиваться. Мы знаемъ примѣры каѳедръ, тихо и

безплодно влачившихъ офиціальное бытіе свое до тѣхъ поръ, пока не являлись люди, оживлявшіе ихъ и вызывавшіе никогда не закрытыя для таланта симпатіи слушателей. Ихъ появленіе отражалось не только на слушателяхъ, но и на всемъ университетѣ. Пожелаемъ же побольше такихъ дѣятелей нашему доброму, старому университету. А пока порадуемся, что у насъ кончается уже время однихъ взаимныхъ привѣтствій и комплиментовъ и начинается періодъ откровеннаго и громкаго сознанія слабыхъ сторонъ нашего положенія.“ *)

Изъ этого свидѣтельства видно, что публичные обѣды въ день 12-го января утратили тогда общественное значеніе и потеряли право на упоминаніе не только въ спеціальной, но и въ общей періодической печати: они обратились въ товарищескіе, — которые не могли быть ареною для сообщенія общественнаго мнѣнія въ живой импровизованной рѣчи.

Извиняемся за эту вставку въ историческомъ очеркѣ нашего Общества. Но она необходима для характеристики времени, среди котораго родилась мысль объ его учрежденіи. Оно живетъ не внѣ общей жизни; предметъ и явленія, которыхъ мы коснулись, такъ важны, что должны были отразиться на всѣхъ явленіяхъ жизни и, стало быть, на близкомъ будущемъ нашего Общества. Вотъ почему мы еще разъ остановимъ вниманіе читателей на тогдашнихъ отношеніяхъ между университетскими и общественными дѣятелями.

Мы лично не наклонны отстаивать какой нибудь обѣдъ и жалѣть объ устарѣвшихъ и исчезающихъ обычаяхъ. Но въ данномъ случаѣ и теперь не безполезно знать, приходитъ-ли кому, за обѣдомъ или не за обѣдомъ, охота наблюдать и отмѣчать въ печати свидѣтельства «внутренняго разрыва» и «взаимнаго недовольства» между профессорами

*) Здѣсь кстати указать, что и въ 1862 г. обѣдъ 12 января вызвалъ замѣтку въ № 2 Медицинской газеты за тотъ годъ (стр. 28). Въ этой замѣткѣ интересно слѣдующее мѣсто: „Всѣмъ невольно пришла въ голову мысль, почему на обѣдѣ было такъ мало представи-

и студентами, даже между профессорами и обществомъ. Разрывъ этотъ не маловаженъ. Не будь его, не было бы и явленій такихъ напримѣръ порядковъ, каковы: недавнее и ни у одного просвѣщеннаго народа небывалое литературное ополченіе противъ такъ называемой классической реформы въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; не было бы и доселѣ продолжающейся печальной, нескрываемой вражды большинства семей къ подготовленію дѣтей въ ученыхъ школахъ. Этихъ нерадостныхъ и многихъ подобныхъ имъ явленій не могло бы быть, если бы, наравнѣ съ правительствомъ, специалисты и общество пристальнѣе интересовались появленіемъ на университетскихъ каѳедрахъ такихъ «хорошихъ вожатыхъ,» которые съумѣли бы воспользоваться «юностью и воспріимчивостью» студентовъ и ихъ «никогда незакрытыми для таланта симпатіями,» чтобы положить доброе и прочное начало новому періоду «откровеннаго и громкаго сознанія» не такихъ «слабыхъ сторонъ нашего положенія,» какія нагоняютъ на общество панику, а на молодежи отзываются "такъ называемою эпидеміею самоубійствъ. Такъ думаемъ мы не безъ основанія, и это основаніе находимъ въ томъ же недавнемъ опытѣ. Недавно было время, когда общество иначе и лучше нашего относилось къ студентамъ. Учащаяся молодежъ, среди которой теперь не мало несчастныхъ, отъ утраты вѣры въ собственныя силы и въ жизнь, гибнутъ и губятъ себя ранѣе срока, — эта молодежь въ недавнее время была живымъ органомъ живой и чуткой связи общества съ университетомъ. Черезъ прежнихъ веселыхъ, свѣтлыхъ, вездѣ замѣтныхъ студен-

---

телей университета. Еще много знаменательнѣе было отсутствіе поздравительныхъ депешъ изъ" Петербурга, Харькова, Казани и др. городовъ, гдѣ есть университеты." Въ этихъ фактахъ сказались, по нашему мнѣнію, и единство направленія въ нашихъ университетахъ, и одинаковость отношеній ихъ къ обществу,—сказался своего рода протестъ противъ права общества высказывать въ импровизованной бесѣдѣ свое искренное мнѣніе о причинахъ „какого-то разрыва" между профессорами и студентами.

товъ выходили тогда въ общество темы для обычныхъ ежедневныхъ общественныхъ бесѣдъ, заботъ, предположеній, огорченій, и радостей. Чрезъ живую связь просвѣщенныхъ семействъ съ университетомъ росла связь и между разными слоями общества и притомъ не простая салонная, но внутренняя и высшая, во имя высшихъ интересовъ, отъ того и высшіе умственные идеалы и высшія нравственныя стремленія ясно и отчетливо сознавались тогда предъ всѣми и во всемъ обществѣ. Теперь же студенты живутъ забытыми одиночками и нерѣдко, въ тревогѣ отъ разныхъ разрѣшимыхъ и не разрѣшимыхъ вопросовъ, не ладятъ они съ обществомъ и самими собою. За то и общество, чуждающееся студентовъ, а чрезъ нихъ и живой связи съ учеными сферами, въ преобладающемъ большинствѣ терпитъ всѣ невыгодныя послѣдствія праздной мысли и черствѣетъ въ ея косности. Дивиться-ли, что въ то время высшіе умственные идеалы и нравственныя стремленія не исчезали въ одинаково-суетливой и одинаково-холодной борьбѣ за ежедневное существованіе? Дивиться-ли, что въ послѣднее время эта борьба выработалась въ крайность меркантильной, биржевой и рыночной заботы, и этою заботою исчерпывается все существованіе громаднаго большинства въ обществѣ и народѣ? Дивиться-ли, что мы утратили и не находимъ въ жизни и для жизни иныхъ идеаловъ и стремленій? Злобная забота каждаго дня тѣснитъ ихъ, гонитъ изъ жизни и даетъ просторъ пошлымъ развлеченіямъ, низкимъ страстямъ и темнымъ личностямъ. Наука, университетъ, профессора и студенты отодвинуты въ общественномъ вниманіи на далекіе задніе планы; для серьезной ученой или литературной книги изъ-за газетъ не достаетъ времени; сценою завладѣли пряныя мелодрамы, и во всей жизни не досчитывается многихъ существенныхъ условій для здороваго развитія. Дивиться-ли если, вмѣсто выдержанной и мужественной нравственности, мы чаще встрѣчаемся съ полнымъ отсутствіемъ нравственныхъ опредѣленій и нравственной постановки въ людяхъ? Гдѣ общество

безъ оглядки живетъ потворствомъ и поблажками мелкимъ интересамъ и не высокимъ увлеченіямъ, тамъ, кто бы ни поднималъ завѣсу общественныхъ нравовъ, — моралистъ-ли по призванію или ученый другой спеціальности,—невольно каждому вспадутъ на память давнишніе возгласы грубыхъ инстинктовъ: panem et circenses! Гдѣ существуютъ причины для такихъ возгласовъ, тамъ они всегда возможны и всегда способны заставить забыть о высшемъ человѣческомъ и общественномъ призваніи. Забудемъ-ли, что только этимъ однимъ призваніемъ должны опредѣляться всѣ общія и частныя явленія личной и общественной жизне-дѣятельности? Во сколько все высокое плодотворнѣе всего низкаго и понижающагося, во столько слѣдуетъ желать и настаивать, чтобы снова, скорѣе и съ полною силою удовлетворилась нудящая насъ потребность сближенія, взаимодѣйствія и тождества людей науки съ людьми общества, — чтобы исчезли между ними «какой-то разрывъ» и «какое-то недовольство», — чтобы представители науки и общества нравственно отсчитывались другъ передъ другомъ для взаимнаго подъема. Отъ разрыва между ними пораждаются только безплодная растрата и упадокъ нравственныхъ силъ, а за ними апатія, застой и всякія аномаліи въ развитіи......

Но будемъ продолжать характеристику состоянія и направленія умовъ за предшествовавшее непосредственно великому перевороту время.

Въ ту самую цвѣтущую пору московскаго университета точно такъ же, какъ и на первыхъ порахъ его существованія, на разныхъ каѳедрахъ его было не мало чужеземцевъ по рожденію и образованію. Благодарно помнимъ многихъ изъ нихъ, какъ людей отмѣнно способныхъ, отлично ученыхъ, лично весьма достойныхъ и не мало потрудившихся на своихъ каѳедрахъ. Изъ-за личныхъ и ученыхъ достоинствъ они выдвинулись на первые планы въ университетѣ и пользовались рѣшающимъ голосомъ по спеціальнымъ и общимъ его вопросамъ. Но только каѳедрою, какъ ареною ихъ возвышенія, и университетомъ, какъ попри-

щемъ ихъ безраздѣльной гегемоніи, ограничивались ихъ личныя и гражданскія отношенія къ наукѣ въ Россіи и къ самой Россіи. Болѣе глубокихъ связей, болѣе высокихъ личныхъ, общественныхъ и національныхъ интересовъ у нихъ не было и не могло быть въ Россіи. Они могли нравственно признавать эти связи и эти интересы, усиленно вырабатывать ихъ въ себѣ, добросовѣстно подчиняться имъ въ своей нравственной и ученой дѣятельности, но не жить ими. Для этого важнѣйшаго условія у нихъ не было родства ни въ Россіи, ни съ Россіею. Естественное и духовное ихъ родство, природныя влеченія и душевныя пристрастія ихъ были и должны были быть внѣ Россіи, и если при наилучшихъ усиліяхъ съ своей стороны, они оставались чужими ей, то, во имя истины, ни тогда, ни теперь не должны они нести за то укора: что было въ нихъ недостаткомъ по отношенію къ Россіи, то внѣ ея было ихъ высокой добродѣтелію. Въ наше время, — мы увѣрены, — никто не помыслитъ и не потребуетъ, чтобы члены чужихъ національностей относились къ нашей такъ же живо и жизненно, какъ мы сами, граждане родной, сознающей себя и уважающей себя національности. Для этого у самыхъ безпристрастныхъ людей чужихъ національностей нѣтъ и не можетъ быть ни природныхъ свойствъ, ни природныхъ орудій. Безспорно сильнѣйшее изъ природныхъ орудій есть языкъ, и этимъ орудіемъ не могли пользоваться наши учители—иностранцы. Почти всѣ они плохо владѣли или вовсе не владѣли русскимъ языкомъ, а потому въ большинствѣ преподавали на латинскомъ и нѣмецкомъ, а въ меньшинствѣ на французскомъ и даже на итальянскомъ (по каѳедрѣ итальянскаго языка и итальянской литературы). Такъ какъ русскій языкъ не былъ языкомъ преподаванія по тѣмъ каѳедрамъ, за которыми признавалось ученое первенство, почти гегемонія въ наукѣ,—то научныя понятія или вовсе не выражались словами родныхъ намъ корней, или выражались весьма неясно, неточно и неопредѣленно. Вредъ этого явленія шелъ глубже одной, втѣ-

сявшейся въ языкъ, иностранной научной терминологіи, или номенклатуры. Родной языкъ на столько обязываетъ къ извѣстному развитію, на сколько выражаются на немъ и дѣлаются популярными извѣстныя представленія и понятія. Нашъ же русскій языкъ, при профессорахъ-иностранцахъ, въ теченіе долгаго періода не могъ сдѣлаться языкомъ науки въ Россіи, а потому долго не имѣлъ обязывающаго ученаго образовательнаго и просвѣтительнаго вліянія. Эта фальшь въ положеніи роднаго языка въ родномъ университетѣ была неизбѣжнымъ и неустранимымъ въ свое время зломъ, и, какъ всякая фальшь, имѣла прямыя вредныя послѣдствія и, сверхъ того, дала поводъ ложнымъ представленіямъ о Россіи за границею, ложнымъ отношеніямъ со стороны поселяющихся въ ней иностранцевъ и даже къ злоупотребленіямъ. Прямымъ вредомъ было то, что научныя знанія покупались для Россіи дорогою цѣною и не искупались разсчитанными на нихъ послѣдствіями: наука не сдѣлалась популярною, не акклиматизировалась, не натурализировалась въ Россіи. Само собою сложилось у насъ и за границею ложное представленіе о прирожденной намъ неспособности къ ученой работѣ; многимъ казалось, что Ломоносовъ у насъ былъ единственнымъ исключительнымъ явленіемъ, а Тредьяковскихъ не мало. Съ тѣмъ вмѣстѣ укоренилась и распространилась ложная увѣренность, что богатый языкъ нашъ бѣденъ для науки. Конечно, такъ вѣрилось большинству, незнакомому съ наукою, но между специалистами изъ русскихъ не разъ поднимался протестъ противъ этой злой фальши и, какъ одиночное усиліе, бѣдою падалъ на протестовавшихъ. Въ доказательство того, что и въ области нашей специальности не разъ поднимался такой протестъ, сошлемся на нашу газету. Она занесла на свои столбцы выдержку изъ одного очерка, сдѣланнаго профессоромъ Я. А. Чистовичемъ и прочитаннаго въ Обществѣ Русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ. Въ этомъ очеркѣ приводится на память дѣятельность одного изъ нашихъ отдаленныхъ предшественниковъ, «обиженнаго при жизни и

судьбой, и нѣмцами», а въ наше время забытаго и, быть можетъ, весьма немногимъ извѣстнаго «лекціоннаго доктора бабичьяго дѣла» Нестора Максимовича Максимовича-Амбодика. По свидѣтельству Я. А. Чистовича, этотъ лекціонный докторъ

„первый *дерзнулъ* (sic) преподавать науку на языкѣ, какъ говорили, варварскомъ—русскомъ,—трудъ, предъ громадностію коего сломилась не одна добрая воля, стихла не одна жгучая энергія многихъ изъ его предшественниковъ".

Если лично-гибельными послѣдствіями сопровождалась каждая личная попытка распространить законныя права русскаго языка въ Россіи до его естественныхъ предѣловъ, то становится понятнымъ почему мы такъ долго ждемъ и новыхъ Ломоносовыхъ, и исполненія ученаго пророчества—отца русской науки, что будетъ «собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ россійская земля раждать»: не безопасно было выступить русскимъ ученымъ писателямъ. Если же и являлись доблестныя одиночки, не отступавшія предъ личною опасностью, то труды ихъ не могли найти достаточнаго числа русскихъ читателей. Непопулярная наука и непопулярность въ ней русскаго языка были на руку большинству въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ. Все это немногочисленное общество страдало пристрастіемъ ко всему иностранному и во всемъ иностранномъ было только диллетантомъ,—далѣе диллетантизма въ чужомъ идти почти неестественно. Припоминать-ли, какъ недавно миновало время, когда русское общество признавало почти невѣждою каждаго, несвободно говорившаго по-французски? Припоминать-ли, какъ великъ былъ гнетъ этой фальши, если знаменитый, такъ назвать, родоначальникъ той семьи эрудитовъ, которые создали и представляли собою цвѣтущую пору Московскаго Университета, извѣстнѣйшій нашъ ученый филологъ—Крюковъ печаталъ капитальныя свои изслѣдованія по-нѣмецки и подъ псевдонимомъ: dr. Peregrinus? Припоминать-ли, что и въ наши дни встрѣчается немало молодыхъ ученыхъ, которые не сомнѣ-

ваются, что первыя ихъ попытки въ ученомъ писательствѣ покажутся у насъ серьезнѣе, если будутъ напечатаны въ одномъ изъ заграничныхъ періодическихъ изданій?

Таковы были послѣдствія неустранимой—какъ выше сказано,—въ свое время фальши въ положеніи отечественнаго языка въ нашихъ отечественныхъ университетахъ. Профессора-иностранцы сдѣлались монополистами въ области науки и, добросовѣстно преподавая ее ex officio, но не спуская съ высоты своихъ каѳедръ, упрочили за собою и за наукою какую-то особенную, нигдѣ кромѣ Россіи не виданную роль; и какъ сами не могли переродиться въ русскихъ, такъ и науку не сдѣлали достояніемъ и силою русской жизни. Современное имъ денаціонализированное общество довольствовалось знаніемъ, что и у насъ есть ученые и, не видя ни надобности, ни пользы отъ перенесенія ихъ знаній въ свою жизнь, само себя лишало способности отличить роль отъ жизни, напускное отъ природнаго, иноземное отъ роднаго въ наукѣ и въ жизни.

Выше мы замѣтили также, что фальшь въ положеніи отечественнаго языка дала поводъ за границею къ ложнымъ представленіямъ о нашихъ природныхъ свойствахъ. Въ доказательствахъ, доселѣ тяготѣющихъ надъ нами ложныхъ представленій за границею, много распространяться не слѣдуетъ. Извѣстно, что эти представленія возведены тамъ въ теорію. Такъ Ретціусъ *) по черепамъ рѣшилъ, что всѣ Славяне должны принадлежать къ породамъ низшимъ среди арійцевъ, а Духинскій и совсѣмъ исключилъ Русскихъ изъ состава арійцевъ.—Многочисленныхъ злоупотребленій, обусловленныхъ указанною фальшею, перечислять не стóитъ. Происхожденіе и значеніе ихъ достаточно характеризованы въ разныхъ статьяхъ Московской Медицинской Газеты. Такъ напр. въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Есть ли у насъ люди?»—на эти злоупотребленія указано въ слѣдующихъ словахъ:

---

*) М. М. Г. № 33, 1861 г. стр. 261.

„Что касается до приглашенія иностранныхъ профессоровъ, то эта мѣра ни къ чему не поведетъ, кромѣ развѣ новаго нашествія иноплеменныхъ со всѣми тѣми плачевными послѣдствіями, которыя мы имѣли счастіе только что пережить. Пригласить иностранныхъ профессоровъ не откуда, кромѣ Германіи *); а это значитъ обновить нѣмецкій медицинскій элементъ въ Россіи, который столько лѣтъ угнеталъ все русское и которому мы такъ много обязаны за нашу загнанность и неразвитость... Мѣра эта и въ прежнее время принесла въ научномъ отношеніи ничтожные результаты, да оно иначе и не могло быть, потому что всякая иностранная раса на чужбинѣ старается составить коалицію, болѣе или менѣе непріязненную туземной національности. Иностраннымъ нашимъ учителямъ вовсе было не выгодно, что бы Русскіе сравнялись въ умственномъ отношеніи съ ними, а потому учить ихъ поменьше и держать въ черномъ тѣлѣ **) было общимъ правиломъ. Мы очень хорошо знаемъ этихъ иноземныхъ наставниковъ и помнимъ еще, какъ одинъ изъ нихъ прикидывался страшнымъ добрякомъ и ставилъ всѣмъ хорошія отмѣтки за возмутительное незнаніе; помнимъ, какъ другой притворялся удивительнымъ философомъ и, преподавая химію, много говорилъ о Богѣ и вселенной, но изъ химіи дальше фосфора никогда не прочитывалъ (простыя тѣла). Даже лучшіе и самые ученые изъ этихъ иностранцевъ не могли намъ принести той пользы, которой ожидали отъ нихъ. Такъ напр. въ то время, когда въ Московскомъ Университетѣ преподавалъ анатомію знаменитый Лодеръ, университетскіе студенты ходили въ Московское отдѣленіе медико-хирургической академіи слушать анатомію у русскаго профессора Клементовскаго, человѣка, никогда не бывшаго за границей, неучившагося нигдѣ, кромѣ той же академіи, и который, вдобавокъ, по слабости здоровья выпущенъ былъ изъ нея не лѣкаремъ, а кандидатомъ медицины. О томъ, что большая часть теперешнихъ студентовъ не будутъ понимать иностран-

---

*) Въ послѣднее время вошло однакожъ въ неустранимый до времени обычай приглашать профессоровъ и особенно учителей изъ западныхъ славянскихъ земель.

**) Ср. соотвѣтствующее мѣсто въ статьѣ „Медицинскія Общества въ Россіи", которую мы ниже цитуемъ изъ № 30 М. М. Г. за 1861 г. стр. 243.

ныхъ профессоровъ, мы не считаемъ нужнымъ говорить; это очевидно для всѣхъ *). Однородныя указанія встрѣчаемъ и въ другой статьѣ: „Вопросъ объ аптекахъ". Въ этой статьѣ докторъ Л. Змѣевъ говорилъ „медицина наша шла впередъ, пятилась назадъ, спала; просыпалась, чуть ни умирала, была по модѣ и французской, и нѣмецкой, и итальянской немного всегда впрочемъ подражательной, а по временамъ и совсѣмъ никакой. Аптека же какъ укрѣпилась привилегіей, да монополіей, такъ и застыла; и, стряхнувъ только оставшуюся латинскую пыль, засіяла чистотой нѣмецкой! Монополія образованія прикрываетъ и до сихъ поръ твердой броней это нѣмецкое царство. Пройдите изъ конца въ конецъ Россію и укажите мнѣ аптеку, гдѣ бы нѣмецкій языкъ не былъ не только преобладающимъ, господствующимъ, но даже исключающимъ всѣ другіе. Въ большихъ напр. аптекахъ онъ составляетъ conditio sine qua non поступленія. Не удивительно послѣ этого, что нашъ народъ почти не раздѣляетъ этихъ двухъ понятій аптекарь и нѣмецъ. Прилаженныя такимъ образомъ насильно—да еще втридорога, аптеки никогда не имѣли для народа никакого значенія, вѣчно оставались пугаломъ, земскимъ судомъ, если не самымъ застѣнкомъ. Это, кромѣ другихъ многочисленныхъ фактовъ, доказалъ намъ 32 годъ, когда холеру считали выходящей изъ аптекъ. И теперь практикуя въ простонародіи, здѣсь въ Питерѣ, сплошь да рядомъ приходится слышать отъ хотящаго принять лѣкарство: „а что, батюшка, не умру я отъ него: вѣдь оно изъ аптеки, а тамъ все нѣмцы? **)"

Тотъ же авторъ въ той же статьѣ, но нѣсколько выше (стр. 12), привѣтствуетъ начало исчезновенія прежнихъ аномалій въ такихъ выраженіяхъ: «наука, слава Богу, выходитъ изъ плѣненія нѣмецкаго.» ***) Все это повторяемъ, относится къ прошедшему и пережитому времени, давно

---

*) М. М. Г. № 14, 1862 г. стр. 224.

**) М. М. Г. № 1, 1862 г. стр. 13.

***) Нѣсколько выше, на стр. 30, тотъ же авторъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуетъ причину „нѣмецкаго плѣненія" науки; „желаніе скрыть свое невѣжество, корысть заставляютъ поддерживать монополію образованія и постоянно придерживаться иностраннаго языка, какъ вѣрнаго щита незнанія".

сознавалось, но въ недавнее время могло быть высказано въ печати. Наше время много счастливѣе; наше общественное мнѣніе цѣнитъ въ ученыхъ не одну ученость, но и ихъ искреннее и живое сочувствіе къ національнымъ задачамъ науки въ Россіи,—не одну «равнодушную и холодную ученость, добытую и располагаемую на почвѣ космополитизма», но и любовь къ наукѣ въ Россіи и къ самой Россіи. Въ наше время всѣмъ понятно, что и наука, не переставая быть общечеловѣческимъ достояніемъ, можетъ и должна принять и носить своего рода гражданскій характеръ въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ.

Если предположимъ, что не можетъ подлежать спору выше цитованное свидѣтельство, будто «иностраннымъ нашимъ учителямъ вовсе было не выгодно, что бы русскіе сравнялись въ умственномъ отношеніи съ ними,» то и при такомъ предположеніи мы не можемъ не быть признательными нашему правительству за то, что призваніе ихъ въ Россію признано было въ свое время требованіемъ временной необходимости. Допустимъ и такую аномалію, будто многимъ изъ вызванныхъ иностранцевъ казалось выгодно «учить русскихъ поменьше и держать ихъ въ черномъ тѣлѣ». Тѣмъ не менѣе, благодаря лучшимъ изъ иностранцевъ,—хотя бы то и помимо ихъ намѣреній,—наука въ Россіи сдѣлала свое дѣло: ознакомленная съ наукою русская мысль пошла далѣе и глубже ожиданій иностранныхъ учителей, т. е. поставила своею задачею естественное и законное стремленіе къ независимости и самобытности въ наукѣ. Изъ питомцевъ тѣхъ же иностранцевъ, въ лучшую пору Московскаго Университета выдѣлились даровитые представители русской ученой, общественной и національной мысли и смѣло взялись за вопросъ объ отношеніи общечеловѣческаго къ національному въ наукѣ. Въ Германіи еще Океnъ «первый вызвалъ къ жизни мысль о германскомъ единствѣ въ наукѣ,» и эта мысль получила такую популярность, что знаменитый Профессоръ Вирховъ еще въ 1861 году, на 36-мъ собраніи нѣмецкихъ естество-

испытателей въ Шпейерѣ, въ рѣчи своей могъ выхвалять эту мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Ученое образованіе произвело на свѣтъ новую этику; наука пробудила новую силу,—силу, которая дѣлаетъ государства могущественными; а потому задача попеременныхъ съѣздовъ ученыхъ въ Германіи есть задача не только одна научная, но и національная, ибо съѣзды должны поощрять и возбуждать чувство національнаго единства; собранія должны также имѣть задачею образовать народъ; только при этомъ условіи и на этомъ основаніи ученые нѣмцы могутъ сказать: въ часъ опасности мы также готовы на защиту страны своей" *).

Такъ высоко стояло тогда національное чувство въ Германіи и съ такою силою сознанія своихъ правъ и обязанностей въ наукѣ громко высказывалось корифеями науки. По параллельности историческихъ явленій, вызываемыхъ духомъ времени, и у насъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ громко сказалось національное чувство по случаю политическихъ неурядицъ въ при-Вислинскихъ и Западныхъ губерніяхъ. Сила этого чувства волною разлилась и охватила всѣ слои населенія и всѣ спеціальности; отозвалась и въ области науки, хотя и не изошла непосредственно отъ ея имени. Въ научной области и національное чувство у насъ отстало отъ Германскаго. Мы всѣ помнимъ, что въ пятидесятыхъ годахъ литература наша раздѣлилась по вопросу о національности въ наукѣ. Мы всѣ переживали горячіе споры по этому вопросу. Меньшинство стояло за національность въ наукѣ; большинство напротивъ, отстаивало своего рода космополитизмъ подъ фирмою Европейской цивилизаціи. Весь этотъ споръ былъ плодомъ продержавшейся у насъ около столѣтія аномаліи,—былъ плодомъ школы ученой, но лишенной національнаго характера. Припоминая теперь всѣ перипетіи недавней борьбы двухъ направленій въ нашей литературѣ, мы можемъ съ достаточнымъ основаніемъ примѣнить къ нимъ старую правду, вложенную Гёте въ уста Фауста:

---

*) М. М. Г. № 42, 1861 г. стр. 375 и 376.

„Люди поносятъ со смѣхомъ надменнымъ
Все непонятное имъ“.
„Люди враждуютъ съ прекраснымъ, благимъ,
Если оно имъ стѣснительно“.

Не мало «надменнаго смѣха» вынесло меньшинство, стоявшее подъ знаменемъ національности въ наукѣ: самое прозваніе «славянофиловъ» сдѣлалось почти синонимомъ укора за отсталость, невѣжество, нетерпимость, исключительность, даже за худо скрытыя «красныя» демократическія стремленія. Что бы устоять въ неравномъ спорѣ при тогдашней, болѣзненно развитой во всей Европѣ политической подозрительности, «Славянофиламъ» нужно было вооружиться не одною полнотою національнаго чувства, но умственной и нравственной выдержкой, цѣльнымъ характеромъ и гражданскимъ мужествомъ. Благодаря этимъ высокимъ качествамъ, внесеннымъ въ борьбу, славянофилы вышли изъ нея побѣдителями. Правда, большинство литературныхъ органовъ не торжествовало этой побѣды и теперь еще придирчиво не признаетъ, потому что не прощаетъ ея. Но общественное сознаніе безповоротно убѣдилось, что наука есть общечеловѣческое достояніе, что по силѣ этой своей сущности, нигдѣ и никогда не была и не можетъ быть средствомъ ни для безобразныхъ космополитическихъ бредней, ни для узкихъ исключительно-національныхъ тенденцій, но что добываемыя ею истины суть драгоцѣнный вкладъ въ общую сокровищницу творческаго духа человѣческаго, а способы примѣненія этихъ истинъ къ жизни, или—пользованія ими, составляютъ плоды національныхъ свойствъ и вкусовъ и всей предшествовавшей исторіи каждаго отдѣльнаго историческаго народа. Говоря другими словами, въ наше время каждому понятно, что наука никому не чужая; можетъ принадлежать всякому, кто учился и учится, кто хотѣлъ и умѣлъ сдѣлать и сдѣлалъ ее своею. Но столько же понятно, что въ данномъ обществѣ и народѣ, несмотря на исключительныя дарованія и усилія ученыхъ одиночекъ, она можетъ быть чужою

и безплодною, если эти одиночки проповѣдуютъ ее безъ огладки на свои національныя потребности и на свое родное общество. Общество по-неволѣ будетъ сторониться отъ науки, будетъ чуждаться ея и, стало быть, не сдѣлаетъ ее своею. И, на оборотъ, при иныхъ отношеніяхъ со стороны ученыхъ и образованнаго общества къ наукѣ, достояніе ея сдѣлается достояніемъ и силою въ жизни этого общества и его народа. Во сколько данная спеціальная наука въ данномъ обществѣ и народѣ, кромѣ спеціально-научныхъ, преслѣдуетъ цѣли даннаго общества и народа, во столько можно и должно мыслить совершенно правильными такія выраженія, каковы: своего рода гражданское значеніе и своего рода гражданскій характеръ той или другой науки, или русская, нѣмецкая, французская, англійская медицина, математика и т. п. Для Россіи и за всѣхъ русскихъ мы имѣемъ право и обязанность сказать также выразительно и настойчиво, какъ Вирховъ для Германіи: всѣ ученые и учащіеся въ Россіи обязаны въ своей дѣятельности одушевляться возможною для каждой научной отрасли мыслію о русскомъ національномъ единствѣ и въ наукѣ. Только при этомъ условіи національнаго направленія, наука будетъ благотворна для Россіи, и ея труженики получатъ право на почетное имя въ исторіи цивилизаціи въ Россіи. Иначе каждая наука и ея достойнѣйшіе представители не могли бы избѣгнуть справедливаго укора, что «нельзя незаконно жить паразитомъ на почвѣ, сокамн которой питаемся» *).

Выше изложенный очеркъ предшествовавшей исторіи умственныхъ направленій и того состоянія ихъ въ Россіи, которое современно происхожденію Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ, сочли мы за нужное предпослать его исторіи въ тѣхъ видахъ, чтобы оправдать и доказать современную необходимость его учрежденія. Два направленія, недавно господствовавшія въ нашей литературѣ подъ на-

---

*) М. М. Г. № 31, 1861 г. стр. 243.

званіемъ, «славянофильскаго» и «общечеловѣческаго», подготовлялись въ жизни постепенно, а потому естественно должны были заставить предчувствовать и прочувствовать себя во всѣхъ сферахъ и по всѣмъ специальностямъ общественной жизнедѣятельности. Если не всѣ специальности отозвались тогда же сторонниками того или другаго изъ этихъ направленій, то это произошло отъ того, что вообще тогдашняя наша пресса была мало развита и далеко не у всѣхъ специальностей были свои печатные органы. Изъ Русскихъ ученыхъ того времени вождемъ врачебной специальности въ Москвѣ былъ знаменитый въ исторіи медицины въ Россіи Ѳ. И. Иноземцевъ. Большинство учредителей нашего Общества были или его друзьями, или его учениками, стало быть, знаютъ его научное направленіе. Какъ ученики его, мы имѣемъ полное право присоединить свой голосъ къ той памяти, съ какою всегда произносится имя Ѳ. И. Иноземцева въ литературѣ и обществѣ, среди друзей и даже не друговъ. Съ именемъ Ѳ. И. Иноземцева сдѣлалось неразлучнымъ представленіе о человѣкѣ не только даровитомъ, но и отлично образованномъ. Владѣя глубокимъ общимъ образованіемъ, онъ внимательно изучилъ отечественную исторію и пріобрѣлъ въ этомъ изученіи навыкъ и охоту постоянно и сознательно слѣдить за всѣми выраженіями результатовъ русской исторіи въ предшествовавшихъ и современныхъ ему литературныхъ явленіяхъ. Русскій по происхожденію, онъ сдѣлался русскимъ въ своемъ философскомъ міросозерцаніи и въ той ученой специальности, которой посвятилъ свою жизнь. Съ такими готовыми и выдающимися чертами ученаго направленія учился онъ потомъ и въ Дерптѣ и за границею, и отовсюду вынесъ еще болѣе крѣпкое убѣжденіе, что въ средѣ истинно ученыхъ людей нигдѣ нѣтъ и не бывало ученыхъ космополитовъ, что эти послѣдніе серьозно мыслиться не могутъ, что у всѣхъ людей должны быть свои убѣжденія и свой складъ въ нихъ; изъ всего этого слагается и сказывается въ жизни и словѣ каждаго ученаго дѣятеля своя

profession de foi, своя конфессія. Если даже отсутствіе личныхъ убѣжденій выдаетъ себя, какъ своего рода отрицательная конфессія, то ученыя убѣжденія, даже вопреки личной волѣ ученаго, носятъ на себѣ всѣ признаки и свойства своего происхожденія и сложенія. Если это безспорно вѣрно, то истинно ученое убѣжденіе то и жнетъ, чѣмъ посѣяно, и плоды жатвы—продаются ли они, или жертвуются, — сдаются въ общую сокровищницу человѣческаго вѣдѣнія такими, какими они могли вырости на данной почвѣ. Если такимъ образомъ всѣ плоды науки въ общечеловѣческомъ ея складѣ неминуемо являются со всѣми чертами индивидуальнаго и національнаго происхожденія, то не представляется серьознаго основанія ни заботиться объ очищеніи ихъ отъ этихъ свойствъ, ни не заботиться о новомъ оплодотвореніи ими родной имъ почвы. Сдѣлавшись въ свое время носителемъ этихъ простыхъ для нашего времени истинъ, Ѳ. И. Иноземцевъ, вопреки убѣжденіямъ современнаго ему большинства ученыхъ врачей, перенесъ эти истины и обязанности въ сферу своего спеціальнаго призванія. Какъ ученый, онъ былъ вѣренъ своему призванію и своимъ убѣжденіямъ; какъ профессоръ, онъ обладалъ даромъ энергическаго слова и владѣлъ тайною пользоваться *юностію, воспріимчивостію и никогда не закрытыми для таланта симпатіями своихъ слушателей.* Какъ даровитый человѣкъ, онъ относился къ своему дѣлу съ любовью художника,—артистически. Не даромъ часто повторялъ онъ: «одна любовь творитъ.» У него было все, что нужно основателю ученой школы. Съ этими рѣдкими дарами въ своемъ положеніи ученаго врача, профессора и практика, онъ имѣлъ право признавать себя не послѣднимъ дѣятелемъ своего народа и съумѣлъ быть такимъ дѣятелемъ, — на каѳедрѣ, у постели больнаго въ клиникѣ и въ частной практикѣ и во всей своей жизни. Съ одушевленіемъ проповѣдуя свою идею и съ увлеченіемъ отдаваясь ея посильному осуществленію, онъ стремился заручиться довѣріемъ и ближайшихъ сотрудниковъ и своихъ слушателей.

Но каждая ученая школа во столько сильна въ жизни, во сколько дружатъ съ нею, а не противорѣчатъ ей всѣ прочіе факторы жизни. Выше нами выяснено, что тогдашнее общество въ большинствѣ стыдилось даже говорить по русски и «смѣхомъ надменнымъ» осмѣивало всѣ попытки жить и дѣйствовать въ духѣ національномъ. Смѣшными казались увѣренія Ѳ. И. И-ва, что для того, чтобы лѣчить русскихъ, не нужно быть иностранцемъ. Еще смѣшнѣе казался прямо вытекавшій изъ этого увѣренія выводъ, что можетъ существовать не только медицина вообще, но и медицина русская. Основанный на этихъ выводахъ протестъ противъ нѣмецкой медицинской гегемоніи въ Москвѣ и въ Россіи выступалъ уже какъ незаконное посягательство на чужое и заслуженное право, какъ дерзкая выходка какого-то національнаго изувѣрства и такъ называемаго «квасного патріотизма.» Не мудрено, что при такихъ отрицательныхъ отношеніяхъ къ однородной и цѣльной дѣятельности Ѳ. И. Иноземцева, около него лично держали становиться только немногіе изъ его бывшихъ учениковъ — почитателей; за то и эти немногіе осмѣивались въ обществѣ подъ прозваніемъ «молодцовъ»,—какъ будто въ этомъ прозваніи, если понимать его не въ одномъ лавочномъ смыслѣ, есть что нибудь смѣшное. И не одинъ Ѳ. И. съ своими «молодцами», но и люди другихъ спеціальностей, если думали и дѣйствовали въ національномъ направленіи подвергались не однѣмъ насмѣшкамъ, но и личнымъ преслѣдованіямъ. И тѣмъ не менѣе не смотря на этотъ гнетъ извнѣ,—по наблюденію одного изъ чуткихъ изслѣдователей современной жизни въ Россіи,—въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ,

„все лучшее выросло и воспиталось на впечатлѣніяхъ, вызываемыхъ видомъ угнетенныхъ, и все порядочное характеризовалось ненавистью ко всякому притѣсненію съ желаніемъ помочь слабымъ и угнетеннымъ“.

Вмѣстѣ съ подготовлявшеюся тогда эманципаціею крестьянъ, постепенно подготовлялась эманципація русской уче-

ной, художественной и общественной мысли. Въ живомъ чувствѣ внутренней современной дѣйствительности, Θ. И. Иноземцевъ съ своими послѣдователями не ограничился одною теоретическою областью, но и скоро выступилъ въ жизнь общественную съ возможною съ его стороны помощію нуждающимся. Врачебная помощь, быстрая, сподручная и почти даровая была организована въ пріемной Θ. И-ча. Изъ этой пріемной образовалась своего рода поликлиника. Въ ней сбиралось ежедневно не менѣе десяти врачей, которые подъ его непосредственнымъ руководствомъ изслѣдовали приходящихъ больныхъ, подавали имъ совѣты и раздавали рецепты съ особенными отмѣтками для полученія лѣкарствъ изъ аптеки г. Больта, который обѣщалъ отпускать и дѣйствительно отпускалъ ихъ по уменьшеннымъ цѣнамъ. Этотъ рудиментъ и первообразъ частной поликлиники въ Россіи удовлетворялъ двоякой цѣли Θ. И-вича и его друзей: помогать бѣднымъ больнымъ и черезъ нихъ знакомить публику съ врачами, вышедшими изъ его школы. Эта двоякая цѣль была въ обѣ стороны жизненна. Въ средствахъ къ достиженію ея Θ. И. также не ошибся. Все это, вмѣстѣ взятое, на опытѣ выразилось, какъ осуществленіе завѣтной мысли Θ. И.—не въ одной теоріи, но и въ практикѣ—фактически протестовать и доказать возможность и законность протеста противъ преобладанія нѣмецкаго элемента въ медицинской наукѣ и практикѣ. Какъ художникъ относясь ко всякому дѣлу своего призванія, на каѳедрѣ являлся онъ мастеромъ въ учительствѣ и мастеромъ въ исполненіи консервативной хирургіи. Каждый частный случай связывался въ его всегда ширившихся представленіяхъ со всей областью науки, помогающей больнымъ и страждущимъ; каждый разъ онъ умѣлъ претворить свое личное чувство въ сострадание къ нимъ и, подъ вліяніемъ этого чистаго чувства, всецѣло отдавался убѣжденіямъ своей профессіи и не рѣдко весь какъ бы претворялся въ живое олицетворенное убѣжденіе. Кто же изъ насъ не помнитъ не рѣдкихъ, внезапныхъ, неожидано возбужденныхъ част-

нымъ болѣзненнымъ случаемъ, энергическихъ, вдохновенныхъ рѣчей его, которыми онъ убѣждалъ своихъ слушателей всею силою души служить наукѣ, служить черезъ нее всему страждущему въ человѣчествѣ, служить тому, чтобы предупреждались причины, обусловливающія страданія, чтобы врачебная помощь постепенно переставала скрываться подъ средневѣковыми покровами таинственнаго для непосвященныхъ въ дѣйствія вречебныхъ снадобьевъ и зельевъ, чтобы медицина популяризировалась и изъ науки врачебной претворилась, такъ сказать, въ санитарную въ Россіи. Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что въ продолженіе всего курса каждая серія врачей, выходившихъ изъ хирургической клиники Ѳ. И. И-ва, въ отрывочныхъ его поученіяхъ надъ больными успѣвала узнать и современныя ему задачи врачебной науки и намѣтить многія доказательства того общаго нынѣшнимъ врачамъ убѣжденія, что врачебная теорія и практика должны создать не одну каѳедрально-профессіональную, но и общественную гигіену въ Россіи.

Если въ то цвѣтущее время, благодаря не одному Ѳедору Ивановичу, но и многимъ другимъ, по разнымъ спеціальностямъ извѣстнымъ дѣятелямъ, Московскій университетъ такъ зиждительно дѣйствовалъ на своихъ слушателей, то эти послѣдніе, по выходѣ изъ университета, въ своей личной дѣятельности не могли встрѣтить ни средствъ для осуществленія своихъ научныхъ стремленій, ни опоры, ни даже сочувствія. Жизнь, какъ старость, по выраженію Гоголя, скупа, ни съ чѣмъ не хочетъ разстаться, крѣпко держится заматерѣлыхъ преданій и рутины, а потому и не такъ уступчива къ воспріятію новыхъ началъ, какъ бы того желалось. Врачи, питомцы Московскаго Медицинскаго факультета, разсѣянные на разныхъ поприщахъ и по всѣмъ концамъ Европейской и Азіятской Россіи, среди давившихъ рутинныхъ условій своего положенія, въ нуждѣ и борьбѣ за самое скудное существованіе,—позволимъ себѣ сильное выраженіе, — изнывали, а быть можетъ и еще из-

ниваютъ, отъ перваго нравственно-болѣзненнаго соприкосновенія съ непреклонною дѣйствительностью. Ни средствъ къ скромнѣйшему безбѣдному существованію, ни понимания положенія въ обществѣ, — отъ котораго вполнѣ зависятъ средства матеріальнаго существованія,—ни поддержки, ни сочувствія и ободренія ни откуда; на первыхъ же шагахъ борьба съ товарищами по оружію, съ былыми мастерами на нескончаемые рецепты; подъ часъ оскорбленія и даже преслѣдованія, и почти всегда и противъ всѣхъ новыхъ начинаній поднимающійся «надменный смѣхъ; — при такихъ, по истинѣ, безотрадныхъ условіяхъ новаго положенія не мудрено покончить со всякою школою, забыть о ней и не забывать только о матеріальныхъ нуждахъ, да нравственныхъ боляхъ,—не забывать о насущной необходимости устроить свое положеніе до возможности существовать. Кромѣ того созданіе всякаго новаго направленія и во всякой спеціальности глубоко проходитъ во всѣ мелочи жизни, а потому личное служеніе новой идеѣ на самомъ малозамѣтномъ поприщѣ равняется незримому, ничѣмъ незнаемому и непризнаваемому личному подвигу. Ни одна новая идея не осуществлялась въ жизни, прежде чѣмъ въ водоворотахъ и порывахъ ея погибнетъ не мало отдѣльныхъ вѣрныхъ тружениковъ, о которыхъ не суждено знать потомству, которые и въ отзывахъ современниковъ слывутъ подъ такими напр. фирмами: «ему все не удавалось», или «человѣкъ неудавшійся». Чтобы эта безусловно необходимая жертва,—это *chair à canon* всякаго прогресса,—обходилась сколь можно дешевле и не губила тружениковъ, прежде чѣмъ каждый окончитъ отмѣренную ему крохотку дѣла, нужно, чтобы что̀ нибудь хотя издали свѣтило ему на пути, улыбалось сочувствіемъ, манило къ постановленной цѣли и доказывало, что она не праздная мечта, что ею одушевляются и живутъ другіе сверстники и что, наконецъ, сама цѣль эта напрашивается какъ не устранимая для всего общества. Книга, а еще ближе газета могутъ указать отрадныя точки свѣта и опоры и

для городоваго врача среди всякаго холода въ какой нибудь Колѣ, и для военнаго медика, влачащаго свое существованіе по отдаленнымъ захолустьямъ Россіи. Ѳ. И. Иноземцевъ пустилъ бы своихъ послѣдователей, какъ *prolem sine matre*, если бы онъ и друзья его не основали унаслѣдованной нашимъ Обществомъ «Московской Медицинской Газеты.»

Эта важная ученая и общественная заслуга принадлежитъ Ѳ. И—чу вмѣстѣ съ С. А. Смирновымъ—первымъ редакторомъ Московской Медицинской Газеты. Желающимъ познакомиться съ духомъ, направленіемъ и отзывчивостью этой новой Медицинской газеты рекомендуемъ ознакомиться съ нею въ подлинникѣ. Полная характеристика ея слишкомъ отвлекла бы насъ отъ нашего предмета. По этому мы ограничимся перепечаткою (съ сохраненіемъ правописанія) содержанія ея перваго номера того года, въ которомъ она сдѣлалась достояніемъ Общества Русскихъ врачей въ Москвѣ. Въ самомъ перечнѣ статей этого номера видно и ея направленіе. Вотъ это содержаніе: «*О народномъ; врачебно-исправленномъ* леченіи падучей болѣзни настойкою ландыша. Ѳ. И. Иноземцева.—Отчетъ по акушерскому отдѣленію факультетской клиники Императорскаго Московскаго университета за $18^{59}/_{60}$ годъ.—Отвѣтъ на замѣтку въ № 51-мъ Медицинской газеты. Д. Осиповскаго.—Письмо въ редакцію. В. Ельцинскаго. — Фельетонъ: *О направленіи медицинской дѣятельности и средствахъ служенія врачей на пользу науки и народа.* Н. Розова».

Все очерченное нами въ дѣятельности Ѳ. И. Иноземцева доказываетъ, что въ ученой и общественной его мысли рѣшено было многое, а въ жизни не мало зачато. И все это при первой и всегда очередной смѣнѣ на поприщѣ жизни могло остановиться на однихъ зачаткахъ и, пожалуй, на памяти доживающихъ свой вѣкъ сотрудниковъ, исчезнуть безслѣдно для жизни. Къ счастью, такъ легко не исчезаютъ вызываемыя жизнью идеи; такъ или иначе для

нихъ находятся соотвѣтствующія формы. Чтобы возникшее національное направленіе въ медицинѣ не исчезло со смертью своихъ основателей, форма была взята давно готовая.

Въ Москвѣ, съ 1804 года существуетъ, первое во всей Россіи изъ всѣхъ однородныхъ, Московское Физико-Медицинское Общество, которому принадлежитъ честь изданія перваго русскаго медицинскаго журнала, *).

Въ пятидесятыхъ годахъ основано *Общество нѣмецкихъ врачей*, переименовавшееся потомъ въ *Общество практическихъ врачей въ Москвѣ*. Въ 1859 г. образовалось и *Общество Русскихъ врачей въ Москвѣ*, но только въ 1861 году былъ утвержденъ его Уставъ и состоялось офиціальное его открытіе, т. е. первое открытое его засѣданіе, послѣдовавшее 15 Іюня 1861 года **).

И такъ, *Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ* было третьимъ. Чѣмъ болѣе дѣятельности въ извѣстной спеціальности, тѣмъ болѣе различныхъ мнѣній, тѣмъ болѣе выясняется и выигрываетъ дѣло. Съ этой точки зрѣнія мы бы привѣтствовали десятки однородныхъ Обществъ и въ Москвѣ и въ любомъ большомъ городѣ въ Россіи. *Du choc des opinions jaillit la vérité*. Но каждое общественное учрежденіе возникаетъ для удовлетворенія особенныхъ общественныхъ потребностей и, стало быть, съ особенною цѣлью. Сказать, какія *особенныя* потребности вызвали наше Общество Русскихъ врачей въ Москвѣ, значитъ выяснить его *особенности*.

Эти *особенныя* потребности рельефно выражены въ статьѣ д-ра П. Иванова, помѣщенной въ №№ 29 и 30 М. М. Г. за 1861 г. и озаглавленной такъ: «Медицинскія Общества въ Россіи». Въ этой живой и во многихъ отношеніяхъ интересной статьѣ «мечты сытаго, не понимающаго

---

*) М. М. Г, № 29, 1861 г. стр. 282.
**) М. М. Г. № 25, 1861 г. стр. 198.

голоднаго» въ сословіи врачей, выставлены такъ вѣрно, что мы не думаемъ утомить читателей, перепечатывая ее почти дословно.

„Мы такъ мало знаемъ другъ друга и свое"—такъ начинаетъ Д-ръ Ивановъ,—„что не можемъ нарадоваться каждому оклику, обозначающему существованіе наше тамъ и сямъ, и потому съ истиннымъ удовольствіемъ встрѣтили недавно въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ* (№ 15) статью подъ тѣмъ же заглавіемъ, которое даемъ настоящимъ строкамъ нашимъ, считая для себя ближайшимъ долгомъ повторить перечень нашихъ Медицинскихъ Обществъ, сдѣланный въ ней." „Можно навѣрное сказать, говоритъ *Медицинскій Вѣстникъ*, что $^9/_{10}$ русскаго врачебнаго сословія не знаютъ о существованіи не только провинціальныхъ, но и столичныхъ Медицинскихъ Обществъ, а если о нѣкоторыхъ и слыхали, то не могутъ объяснить себѣ: къ чему служитъ то или другое Общество и гдѣ приносимая имъ польза?" „Въ истинѣ сказаннаго, конечно, не усомнится никто, кто знаетъ сколько нибудь положеніе нашихъ сословныхъ дѣлъ. Но невольно хочется спросить себя при этомъ: кто же виноватъ? *) Мы отвѣчали бы на это: 1) *положеніе* Русскихъ Врачей и 2) сами Общества. Говоря *положеніе*, мы разумѣемъ не только тотъ трудъ и нужду, которыми окруженъ у насъ врачь съ самаго перваго шага на практическомъ, особливо служебномъ поприщѣ; но и тѣ нравственныя затрудненія, которыя встрѣчаютъ его при всякомъ соприкосновеніи съ публикою, отъ которой зависитъ все его матеріальное существованіе. Эти соприкосновенія тѣмъ затруднительнѣе и тѣмъ болѣзненнѣе, чѣмъ менѣе развиты въ нашей публикѣ правильныя понятія о врачѣ, чѣмъ грубѣе смотритъ она на него, какъ на ремесленника, чѣмъ болѣе сознаетъ силу своего вліянія на врача и его зависимость отъ себя, чѣмъ болѣе, вслѣдствіе того, считаетъ себя въ правѣ не уважать его труда и досуга и чѣмъ менѣе понимаетъ потребность для врача имѣть свободное время для кабинетныхъ занятій.

„У насъ каждый врачъ долженъ быть все,—и хирургъ, и акушеръ, и окулистъ, и повивальная бабка: публика не признаетъ спеціальностей, да, собственно говоря, у насъ ихъ нѣтъ. Отка-

*) По нашему мнѣнію, и теперь этотъ вопросъ имѣетъ полную свою силу.

жись врачь отъ какого нибудь посѣщенія подъ предлогомъ того, что онъ не занимается глазными болѣзнями, или хирургіей, или женскими болѣзнями,—сейчасъ нареканіе въ невѣжествѣ; а сдѣлай это подъ предлогомъ, что въ назначенный часъ ему некогда, что въ это время онъ работаетъ дома,—тогда уже просто не оберешься и брани, хоть бы требуемое посѣщеніе было просто дѣломъ прихоти. Да, сказать правду, у насъ врачу и неоткуда сдѣлаться спеціальнымъ; въ самыхъ Университетахъ нашихъ истинные спеціалисты—большая рѣдкость. Вступая въ сферу такой, со всѣхъ сторонъ сдавленной дѣятельности, врачь естественно по немногу отдѣляется отъ сознанія своего назначенія, разъединяется со своею корпораціею и смотритъ уже на сословное и ученое соединеніе какъ на мечты сытаго, не понимающаго голоднаго *). Наши Университеты, дающіе ему первое образованіе, какъ скоро онъ вышелъ съ своимъ дипломомъ изъ подъ ихъ ферулы, закрываются для него совершенно **): свѣтъ ихъ свѣтитъ лишь на столько, на сколько нужно для того, чтобы дать право 8 или 9 класса. Для того, чтобы поддержать свое благотворное вліяніе на своего питомца, для того, что бы сохранить съ нимъ общеніе научное, освѣжить и подкрѣпить его въ минуты слабости и унынія, что бы указать, что наука ни въ какомъ положеніи не теряетъ своихъ правъ, перенося своего адепта въ свой свободный и независимый міръ,—для всего этого у нашихъ маяковъ просвѣщенія нѣтъ средствъ. Наши университеты и академіи не имѣютъ органовъ, посредствомъ которыхъ они могли бы постоянно охранять свою ученую связь съ выходящими изъ нихъ воспитанниками. Университеты *обыкновенно довольствуются* городскими вѣдомостями ***), а Академія наукъ, равно какъ и нѣкоторыя ученыя общества—предпочитаютъ говорить на языкахъ

---

*) Сравни тождественные отзывы Н. И. Розова: „О направленіи медицинской дѣятельности" и т. д. въ первыхъ пяти №№ М. М. Г. за 1861 г., или въ статьѣ И. Чистосердова „О правѣ городовыхъ врачей на пенсію"—№ 15, М. М. Г. за 1862 г. и многихъ другихъ.

**) Сравни статью Н. К.: „Есть ли у насъ люди?" Въ №№ 13 и 14 М. М, Г. за 1862 годъ.

***) Не забыты ли авторомъ „Университетскія Извѣстія?" Подъ руками нѣтъ у насъ справокъ, что бы повторить, издавались-ли эти „Извѣстія" въ то время, къ которому относится цитуемая статья.

Гамбурга и Риги, что бы не набросить на себя *позорной тѣни національности и не провиниться передъ европеизмомъ* *). Бывали и опыты имѣть свой органъ, свои записки, но эти опыты длились не долго. Лучше молчать, когда нечего говорить, и потому ученыя записки прекращались сами собою—за недостаткомъ матеріала. При такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, при такой изолированности и безпомощности, нельзя однакоже, что бы въ нашихъ врачахъ не оставалось сознанія нужды въ сословно-научномъ соединеніи. Сознаніе часто бывало темно и отуманено призмою мірскихъ соображеній, но все-таки по временамъ прорывалось въ желаніи устроить и въ самомъ устройствѣ ученыхъ медицинскихъ Обществъ. Понятно, что это устройство всегда было связано съ личными свойствами учредителей, шло не всегда одинакимъ путемъ. Здѣсь представляется два совершенно различныхъ способа, которыми могли образоваться общества. Они образовались *сверху*, путемъ оффиціальнымъ, по указанію и призванію лицъ правительственныхъ, иногда даже можетъ быть просто по *усердію къ службѣ*; или же развивались, какъ выраженіе распространяющейся дѣятельной потребности ученаго и практическаго соединенія врачей извѣстной мѣстности между собою. Таково происхожденіе большей части новѣйшихъ нашихъ Обществъ. Въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствія Обществъ легко могли оставаться безплодными и ничтожными частію по недостатку сочувствія во всей остальной массѣ врачей, частію по ограниченности своихъ цѣлей, нерѣдко останавливавшихся на однихъ удобствахъ личнаго свиданія сочленовъ, безъ всякой мысли о томъ, что могли бы принести подобныя свиданія для всего остальнаго. При этомъ, разумѣется, не было надобности ни въ общепонятномъ въ Россіи языкѣ, ни въ общеполезныхъ изданіяхъ: засѣданія могли совершаться хотя на латышскомъ языкѣ, если они составлялись изъ Латышей и цѣль ихъ достигалась точно также. Для Россіи тоже было все равно, на какомъ бы языкѣ ни выходили въ свѣтъ Abhandlungen или Beiträge этихъ Обществъ: интересъ ихъ ограничивался большею частію не большимъ кружкомъ читателей, а всѣ остальные русскіе врачи знали, что, если уже читать что нибудь въ этомъ родѣ, то лучше чи-

*) Эти слова мы напечатали курсивомъ, какъ вполнѣ справедливыя, по преимуществу для отходящаго времени.

тать подобныя сочиненія, выходящія за границею. Въ этой-то личной ограниченности цѣлей Обществъ, по моему мнѣнію, и заключалась причина, почему лишь весьма не многія изъ нихъ могли удержать свои періодическіе органы; для другихъ же, какъ напр. для Физико-Медицинскаго Общества, поддержаніе этихъ органовъ вскорѣ становилось невозможнымъ, и они уничтожились, какъ уничтожился *Московскій Врачебный Журналъ*. Иныя Общества, какъ напр. Рижское, существовали лѣтъ по 20-ти по основаніи своемъ, безмолвно, довольствуясь обмѣномъ мыслей въ своемъ кружкѣ и не пускаясь въ печать. Иныя печатали свои Abhandlungen въ Лейпцигѣ *).

Общество Морскихъ врачей и ихъ дѣятельность характеризированы авторомъ словами, взятыми изъ перваго тома весьма интересныхъ *Медицинскихъ прибавленій* къ «Морскому Сборнику».

„*Вотъ эти слова:* „какъ самое учрежденіе Общества Морскихъ врачей, такъ и изданіе *своихъ* (?) трудовъ не имѣютъ притязанія на славу или извѣстность; они только *удобряютъ свою ниву* для насущной потребности, предоставляя плоды и жатву будущему“.

Многія изъ существовавшихъ въ то время,—и перечисленныхъ авторомъ,—Обществъ, продолжаетъ онъ,

„очень мало похожи другъ на друга и по ширинѣ цѣлей своихъ, и по устройству. Такое разнообразіе было бы даже хорошо; оно могло бы служить порукою за многосторонность самой дѣятельности, лишь бы въ *общемъ* сойтиться. Но бѣда въ томъ, что до сихъ поръ случалось **) нерѣдко видать какія-то странныя, сказать вѣжливѣе, эгоистическія стремленія въ Обществѣ. Въ нихъ случалось видать ограниченную замкнутость какого нибудь извѣстнаго кружка, безъ всякой заботы о томъ, что дѣлается вокругъ его, и безъ мысли, что нельзя незаконно жить паразитомъ на почвѣ, соками которой питаемся. Это замѣчаніе всего больше относится къ существовавшимъ у насъ до сихъ поръ соединеніямъ, такъ называемыхъ, *нѣмецкихъ* врачей и ихъ органамъ, которыми они выражали и выражаютъ свою исключительную

---

*) М. М. Г. № 29, 1861 г., стр. 230—232.

**) И теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, случается то же.

дѣятельность. Почтенные учителя наши естественно должны были опередить насъ въ стремленіяхъ къ соединенію, которыми мы и безъ того, кажется уже отъ природы, не отличаемся. Но этого мало, что они опередили насъ и скрывали отъ насъ тайну своего могущества въ соединеніи, они мѣшали намъ соединиться, потому что сами соединялись слишкомъ тѣсно не только въ ученыхъ Обществахъ, но и въ обыкновенномъ обществѣ, и въ жизни, и въ службѣ, и вездѣ, гдѣ только они были; а гдѣ ихъ не было? Не понимать этихъ соединеній намъ было нельзя; но говорить о нихъ стало позволено только недавно. Въ нѣжнѣйшемъ дѣтствѣ вертѣли насъ туго въ кое-какія пеленки, хлопоча только объ одномъ, что бы мы какъ нибудь не вышли похожи на самихъ себя, т. е. на то, чѣмъ быть должны, да не спохватились бы, да не поняли бы, что уродливо быть все врозь. Ноги однако по закону физическому стали выростать изъ пеленокъ, на губахъ стало подсыхать молоко, и мы кое какъ залепетали. Оглянешься бывало и видишь, что мы сами у себя—точно какіе-то непрошенные гости. Что ни заговоримъ, что ни придумаемъ, надобно *прихлопнуть*, говорятъ; попросимъ мѣста—занято. И точно, смотришь, кажется, и рядомъ съ нами сидѣли въ Университетѣ и по-плоше насъ работали, вышли съ нами вмѣстѣ, но на другой же день получили казенныя мѣста и хорошія надежды на еще лучшія, а мы—пошли, какъ говорится, узнавать, куда Макаръ телятъ гонялъ. Куда бывало ни посмотришь—вездѣ строгая опека, и мы на правахъ не только малолѣтныхъ, но даже какихъ-то безродныхъ, не помнящихъ родства и не имѣющихъ правъ состоянія. До ученыхъ ли Обществъ тутъ было, до соединеній-ли? Намъ стали говорить, что мы дѣти, что мы фантазируемъ, что намъ грезится, что никогда въ Россіи никакихъ нѣмцевъ и не бывало, что если занимали хорошія мѣста все люди съ нѣмецкими именами, то это не по непотизму какому, а потому, что они были дѣйствительно хорошіе люди,—лучше, чѣмъ другіе люди съ русскими именами. Подумавши и пощупавъ себя за голову и за пульсъ, право, чуть-чуть бывало и не повѣришь. Но вдругъ смотришь, нѣтъ, нѣтъ, да и выскочитъ въ какой нибудь почтенной газетѣ въ родѣ St. Peterburger—Deutsche Zeitung 1859 крупными буквами аннонсъ: Centralorgan des deutschen Lebens in Russland! Какая же эта *нѣмецкая жизнь въ Россіи*? Что же это за status in statu? да еще съ своимъ *органомъ*! Запраздпуютъ

Шиллера, въ газетахъ проскочитъ: „*Нѣмецкая колонія въ Москвѣ* будетъ это праздновать въ Эрмитажѣ! Смотримъ другъ на друга и спрашиваемъ: развѣ есть въ Москвѣ такая колонія? Стало быть есть, говорятъ, когда печатаютъ. Пошлешь статью въ какое нибудь Русское ученое Общество; хорошо, говорятъ, напечатаемъ; дайте только перевести на *употребительнѣйшій* языкъ, по русски —нейдетъ. Этотъ *употребительнѣйшій* *) оказывается, бывало, нѣмецкій! Помнишь, какъ сейчасъ, заключительное въ концѣ года посланіе *Друга Здравія*, сдѣланное редакціей лѣтъ за 5 передъ симъ—къ читателямъ. Въ немъ говорится, что ученая редакція предлагала и русскимъ врачамъ присылать свои статьи, но такъ какъ этого было до сихъ поръ мало, то она обойдется и безъ нихъ. Такъ называемая *русская* газета предполагала обходиться безъ статей русскихъ врачей! Не лучше-ли же въ такомъ случаѣ издавать ее ближе къ ея цѣли и къ источнику—въ Лейпцигѣ? Почему же и каждой отдѣльной національности въ Россіи не имѣть бы своего органа; но имѣйте уже его открыто и честно; не отказывайтесь отъ вашей національности, не отрекайтесь при случаѣ отъ того, что вы нѣмецкіе врачи въ Россіи, или сдѣлайтесь русскими врачами. Это не порокъ,—открытость ваша въ состояніи доставить вамъ наше уваженіе, а кстати и прояснить дѣло. Вѣдь уважаемъ же мы и *Сіонъ* и *Разсвѣтъ*. А то нѣтъ, Petersburger Zeitung на слѣдующій же годъ, какъ будто спохватившись, вычеркиваетъ изъ своего объявленія, что она Centralorgan des deutschen Lebens; Общество нѣмецкихъ врачей въ Москвѣ печатно отрекается отъ того, что оно нѣмецкое; *Другъ Здравія* хочетъ быть Русскимъ; даже, кажется, Петербургскій Verein готовъ назвать себя Всероссійскимъ.

„При такомъ порядкѣ вещей, возникавшія Медицинскія Общества, конечно, должны были имѣть видъ однихъ оффиціальныхъ учрежденій, поддерживавшихся цѣлые десятки лѣтъ всѣмъ тѣмъ,

---

*) И какъ до сихъ поръ много у насъ такихъ *употребительнѣйшихъ* языковъ! Для Кареловъ такимъ дѣлается финскій; для Финновъ—шведскій; для Латышей и Эстовъ—нѣмецкій; для Жмудиновъ и Литвиновъ—польскій. Это все *употребительнѣйшіе* языки въ европейской, а какіе въ прикавказской и азіатской Россіи пользуются тою же ролью, мы не знаемъ. Не притязаютъ ли тамъ на эту роль турецкій и персидскій, или японскій и китайскій?

чѣмъ обыкновенно поддерживались у насъ всѣ подобныя учрежденія, т. е. чинами, орденами, покровительствомъ значительныхъ лицъ и пр. Дѣятельность ихъ иногда бывала полезна для нихъ самихъ; но въ массу русскихъ врачей корней не пускала, для Россіи не существовала. Что же мудренаго, если $^{9}/_{10}$ врачей нашихъ и не вѣдаютъ о ихъ существованіи *).

Для параллели съ этою характеристикою дѣятельности разныхъ Медицинскихъ Обществъ въ Россіи укажемъ еще на одинъ отзывъ. Въ томъ же 1861 г., секретарь Общества Морскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, Д. Голузинскій, въ отвѣтѣ своемъ на приглашеніе нашего Общества къ участію въ Съѣздѣ врачей и естествоиспытателей, писалъ бывшему секретарю нашего Общества, А. И. Клементовскому, между прочимъ, слѣдующее:

„Мы, русскіе врачи, сильнѣе всѣхъ врачей въ мірѣ численностію, но за то и слабѣе всѣхъ единодушіемъ, и натурально прежде всего себя должны обвинить, что наука идетъ у насъ плохо, что учители наши частію лѣнтяи, что живымъ, молодымъ силамъ нашимъ нѣтъ ходу, что на оцѣнку врача въ Россіи все, что хотите, имѣетъ вліяніе, кромѣ труда и познаній. Отъ того шарлатанъ нагло смѣется надъ трудомъ, наукою, а честный труженикъ, разбитый душою, влачитъ жизнь гдѣ нибудь въ захолустьи и, слава Богу, если скоро умираетъ, никѣмъ и ничѣмъ въ жизни не утѣшенный. Грустно, грустно, но грустью поле не засѣемъ а надо работать!“ **).

Извиняясь за повтореніе, сдѣлаемъ сводъ изъ всего, сказаннаго въ этихъ двухъ цитатахъ.

«Мы», Русскіе врачи, «мало знаемъ другъ друга и свое», стало быть «не можемъ не порадоваться каждому оклику, обозначающему состояніе наше тамъ и сямъ».

А между тѣмъ, «мы, Русскіе врачи, сильнѣе всѣхъ врачей въ мірѣ численностію, но за то и слабѣе всѣхъ единодушіемъ».

---

*) М. М. Г. № 30, 1861 г. стр. 243 и 244.
**) М. М. Г. № 40, 1861 г. стр. 342.

Отъ того, наука идетъ у насъ плохо; учители наши часто лѣнтяи; живымъ, молодымъ силамъ нашихъ нѣтъ ходу, на оцѣнку врача въ Россіи вліяетъ все, что хотите, кромѣ труда и познаній».

Всѣмъ этимъ пользуется «шарлатанъ» и «нагло смѣется надъ трудомъ, наукою; а честный труженикъ, *разбитый душою*, влачитъ жизнь гдѣ нибудь въ захолустьи и *слава Богу*, если *скоро умирмѣтъ, никѣмъ и ничѣмъ въ жизни не утѣшенный*».

Не отъ того-ли все это, что «$^{9}/_{10}$ Русскаго врачебнаго сословія не знаютъ», сколько ихъ и сколько разныхъ Медицинскихъ Обществъ,—не знаютъ и, «не могутъ объяснить себѣ: къ чему служитъ то или другое Общество и гдѣ приносимая имъ польза»?

Неразвитое у насъ сознаніе нужды въ сословно-научномъ соединеніи врачей даетъ Медицинскимъ Обществамъ полный и нерѣдко совсѣмъ не научный просторъ: одни въ своей дѣятельности, «по усердію къ службѣ» соображаются только «съ личными свойствами учредителей»; другія ограничиваютъ цѣль своихъ собраній простыми «удобствами личнаго свиданія сочленовъ»; третьи довольствуются только тѣмъ, что «удобряютъ свою ниву для насущной потребности, «предоставляя» однакожъ «плоды и жатву будущему»; четвертыя въ «ограниченной замкнутости» незаконно живутъ «паразитами на почвѣ, соками которой питаются»; большинство опередившихъ насъ въ соединеніи, всегда «мѣшали намъ соединиться», «вертѣли насъ въ кое-какія пеленки, что бы мы какъ нибудь не вышли похожи на самихъ себя», да еще увѣряли, будто «мы дѣти», а потому и должны быть у себя дома «на правахъ не только малолѣтнихъ, но даже какихъ то безродныхъ, непомнящихъ родства и не имѣющихъ правъ состоянія», и на основаніи этихъ соображеній, но отнюдь «не по непотизму», раздавали «лучшія мѣста» людямъ не «съ русскими фамиліями».

Понятно при этомъ, что дѣятельность большинства Медицинскихъ Обществъ въ Россіи «иногда бывала полезна для нихъ самихъ, но въ массу русскихъ врачей корней не пускала, для Россіи не существовала»; ибо сами Общества «скрывали» отъ Россіи и отъ русскихъ врачей «тайну своего могущества въ соединеніи» и, сберегая для личныхъ цѣлей эту тайну, «соединялись» для тѣхъ же цѣлей «слишкомъ тѣсно не только въ ученыхъ обществахъ, но и въ обыкновенномъ обществѣ, и въ жизни, и въ службѣ, и вездѣ, гдѣ только они были; а гдѣ ихъ не было?»

Понятно, что при такомъ безбрежномъ просторѣ для служенія личнымъ цѣлямъ, «не было надобности ни въ общепонятномъ въ Россіи языкѣ, ни въ общеполезныхъ изданіяхъ» и, на оборотъ, была надобность въ разныхъ Abhandlungen и Beiträge, чрезъ что нѣмецкій языкъ продолжалъ беззаконно пользоваться у насъ ролью *употребительнѣйшаго* для научныхъ, будто бы, цѣлей въ Россіи,— но для Россіи-ли?

«Не понимать» намъ всего этого «было нельзя; но говорить стало позволено только недавно.»

Мы ясно видѣли, что всѣмъ этимъ обусловливались и «сдавленное положеніе» врачебнаго сословія въ Россіи, и «неправильныя понятія о врачѣ» въ публикѣ, и какая-то призрачная невозможность организовать у насъ врачебную науку такъ, чтобы въ жизни общественной и народной она поднялась до значенія общественной гигіены и въ этомъ значеніи сдѣлалась однимъ изъ факторовъ русской жизни.

Многолѣтними и тяжкими опытами убѣдились, наконецъ, Русскіе врачи, что «уродливо быть все врозь»; нужно искать спасенія въ соединеніи. Въ обществѣ найдутся и силы, и время, и желаніе счесть общіе для всей и во всей Россіи интересы и врачебной науки. и врачебнаго сословія. Когда эти интересы будутъ дознаны, можно позаботиться и о томъ, чтобы, во первыхъ, положеніе врачей было гарантировано съ матеріальной и нравственной сто-

роны; во вторыхъ, чтобы такая гарантія давала имъ возможность и даже обязывала ихъ постоянно освѣжать и пополнять въ себѣ запасъ научныхъ познаній, и, въ третьихъ, чтобы, вслѣдствіе всего этого, всѣ врачи, при своемъ постоянномъ и непосредственномъ соприкосновеніи со всѣми слоями населенія, заботились столько же о возможно большемъ практическомъ примѣненіи своихъ знаній къ лѣченію болѣзней, сколько и о распространеніи здравыхъ понятій о необходимыхъ условіяхъ охраненія и сбереженія здоровья отдѣльныхъ лицъ, а чрезъ нихъ и общественнаго здоровья. Отвѣтили на эту необходимость русскіе врачи въ Москвѣ, а поняли ее во всей Россіи. Въ Московскую Медицинскую Газету за то время записано множество доказательствъ повсемѣстно развившагося тогда признанія необходимости корпоративнаго единенія. Для примѣра ограничимся однимъ. Едва составившееся Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ задумало о первомъ въ Россіи съѣздѣ врачей и естествоиспытателей и пригласило къ участію въ немъ всѣ заинтересованныя учрежденія. Общество Практическихъ Врачей въ Ригѣ, подобно всѣмъ прочимъ, отвѣтило полнымъ согласіемъ и въ отвѣтѣ своемъ завѣрило, что

„готово содѣйствовать научнымъ стремленіямъ Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ *во всѣхъ направленіяхъ*, и такъ какъ *во взаимномъ обмѣнѣ идей и изслѣдованій* въ обширной области врачебнаго искусства *оно видитъ единственное* средство къ преуспѣванію, то предложеніе Общества Русскихъ Врачей, относительно постояннаго умственнаго обмѣна, оно принимаетъ съ радостію.“

По тому же поводу и въ такомъ же смыслѣ получены были нашимъ Обществомъ многочисленныя заявленія съ разныхъ концовъ Россіи, даже изъ Иркутска.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вѣрно понятые интересы врачей создали въ Россіи болѣе 50-ти провинціальныхъ Медицинскихъ Обществъ.

Когда и какимъ путемъ Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ высказало свою основную цѣль и свои первоначально поставленныя задачи?

Въ архивѣ его есть такіе два рукописные документа, которые ежегодно измѣняются, а потому и перепечатываются для свѣдѣнія сочленовъ. Мы разумѣемъ списки дѣйствительныхъ членовъ и членовъ соревнователей Общества, и перепечатываемъ ихъ въ приложеніяхъ къ нашей книгѣ. Изъ перваго изъ этихъ списковъ видно, что впервые 15-го Октября внесли въ него свои имена и фамиліи 12 членовъ, а потомъ 1-го Ноября того же года записались еще 4 члена. Эти 16 именъ въ слѣдующей графѣ списка обыкновенно оскобляются, какъ «члены—учредители» Общества. Потомъ со 2-го Января по 9-е Апрѣля 1860 года записалось еще 6 новыхъ членовъ, стало быть въ $5^1/_2$ мѣсяцевъ набралось 22 члена. Съ 9-го Апрѣля 1860 года по 15-е Іюня 1861 года, т. е. въ теченіе $13^1/_4$ мѣсяцевъ, прибавилось еще 5 членовъ. Такимъ образомъ, въ полтора съ небольшимъ года собралось 27 членовъ.

Затѣмъ кромѣ общихъ газетъ, первое и самое краткое печатное извѣщеніе о немъ было помѣщено 13 мая 1861 года, въ отдѣлѣ извѣстій на послѣдней страницѣ № 19-го М. М. Г. *) подъ заглавіемъ: «Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ.» Считаемъ нелишнимъ это извѣщеніе, какъ историческій документъ, перепечатать здѣсь дословно:

„Недавно получилъ Высочайшее утвержденіе Уставъ *Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ.* Это Общество, фактически существовавшее уже года два, въ видѣ простаго дружескаго соединенія во имя отечественной медицины, поставило для себя главною цѣлью — способствовать самостоятельнымъ трудамъ отечественныхъ врачей на пользу науки и содѣйствовать какъ общему, такъ и въ особенности спеціальному медицинскому нашему образованію. Эту широкую задачу Общество будетъ выполнять по мѣрѣ развитія средствъ своихъ: а) распространяя медицинскія свѣдѣнія; б) помогая самостоятельнымъ трудамъ и доставляя авторамъ, по мѣрѣ возможности, способы къ обнародованію ихъ оригиналь-

*) Стр. 152.

ныхъ сочиненій; в) способствуя научному, практическому и сословному общенію отечественныхъ врачей между собою. Словомъ, какъ видно, Общество поставляетъ для себя цѣлью не только одни интересы научные, но и возможное приложеніе ихъ къ медицинѣ отечественной. Мы увѣрены, что это опредѣленное и въ настоящее время, можетъ быть, одно изъ существенно намъ нужныхъ, стремленіе найдетъ для себя сочувствіе и опору въ существующихъ уже медицинскихъ обществахъ и во врачахъ въ Россіи. При слѣдующемъ номерѣ нашей газеты мы приложимъ (и дѣйствительно былъ приложенъ) Уставъ этого Общества.“

Этими двумя указаніями—мы пользуемся, чтобы сказать, что 15-го Октября 1859 года, въ квартирѣ Н. К. Беркута *) въ дружеской и дѣловой бесѣдѣ былъ впервые и, такъ сказать, офиціально прочитанъ и подписанъ проектъ устава нашего Общества. Послѣ къ этимъ двѣнадцати прибавилось первою по мѣсту и тринадцатою по счету подпись Ѳ. И. Иноземцева. Стало быть, 15-е Октября 1859 года мы въ правѣ назвать днемъ основанія Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ.

Затѣмъ 24 Іюня 1861 года въ № 25 М. М. Г., на стр. 198, появилось второе и болѣе обстоятельное печатное извѣстіе о нашемъ Обществѣ въ статьѣ, озаглавленной такъ: «Засѣданіе Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ.» Изъ этой статьи видно, что до утвержденія его Устава засѣданія

„происходили поочередно у каждаго изъ членовъ и потому по необходимости ограничивались болѣе замкнутымъ кругомъ врачей.“

И дѣйствительно, эти такъ названныя «засѣданія» по первому началу были болѣе или менѣе срочными свиданіями единомышленниковъ, то въ квартирѣ Ѳ. И. Иноземцева, то у С. А. Смирнова, то у Н. К. Беркута, то у А. И. Блументаля, то у А. И. Клементовскаго, то у А. П. Скопина, И. М. Соколова, П. В. Кивокурцева, Н. Е. Мамонова, К. М. Соколова, В. Н. Бѣлова и др. Въ частныхъ этихъ бесѣдахъ сообщались ученыя статьи, заготовлялся матері-

*) На Пречистенскомъ бульварѣ, д. бывшій Таракановой, нынѣ Явьшина.

алъ для Газеты, обсуждался и проектъ Устава Общества *); въ частныхъ же бесѣдахъ намѣчались и пути его будущей дѣятельности, соразмѣрялись необходимыя на то средства, гадательно указывались источники собиранія ихъ и — что не менѣе важно, — сама собою высказывалась мѣра личныхъ силъ и того искренняго участія, которую каждый сочленъ могъ, намѣревался и серьёзно желалъ внести въ предстоявшую дѣятельность Общества. Касаемся этихъ подробностей, чтобы напомнить, что не обыкновеннымъ способомъ избранія, но единственно силою дознанной искренности участія къ цѣли Общества выдѣлились всѣ первыя должностныя его лица.

И такъ первая дѣятельность нашего Общества началась въ формѣ дружескихъ бесѣдъ. И позднѣе, когда Общество, офиціально открылось и бесѣды его изъ дружескихъ обратились въ срочно-обязательныя и публичныя, оно такъ нуждалось въ средствахъ, что не могло имѣть собственнаго постояннаго пріюта. У него все достояніе складывалось и носилось въ портфелѣ секретаря и казначея, и вся дѣятельность была только на планѣ, in futuro, in possibilitate et potentia. И вся его интеллигентная потенція и цѣлая масса предстоявшихъ ему задачъ воплощались въ небольшомъ числѣ одномысленныхъ, дружныхъ и крѣпко вѣрившихъ въ ея правду членовъ. Сколько же ихъ было и что у нихъ было? Въ первомъ годичномъ собраніи Общества, бывшемъ 2 Января 1862 года, **) почтенный секретарь его, д-ръ А. И. Клементовскій въ отчетѣ своемъ заявилъ, что «къ 15-му Іюня 1861 года, т. е. ко дню офиціальнаго открытія Общества, число членовъ его простиралось до 26-ти, и затѣмъ въ теченіе первыхъ шести мѣся-

---

*) Честь первой редакціи его принадлежитъ А. П. Клементовскому.

**) М. М. Г. №№ 1 и 6 Января 1862 г. Замѣчательны быстрота и акуратность, съ какими А. И. Клементовскій исполнялъ свои обязанности по Обществу. 2 Января было первое годичное собраніе общества, а 6 отчетъ о нёмъ появился уже въ печати.

цевъ вновь поступило 29 членовъ, всего же къ 1-му Января 1862 года было 55 членовъ. Такъ не велики были числомъ ученыя силы Общества. Изъ того же отчета видно, какъ не велики были его средства. Изъ годовыхъ взносовъ членовъ, изъ дохода съ газеты и единовременныхъ пожертвованій составилось всего 1212 р. 80 к.; изъ нихъ «внесено въ государственный банкъ для приращенія процентами 800 руб., израсходовано 134 р. 38 к.» и оставлено въ кассѣ Общества 278 руб. 42 коп. При такихъ средствахъ оно было такъ безпріютно, что вынуждено было, за неимѣніемъ помѣщенія отказаться отъ цѣлой библіотеки, которая была предложена въ даръ послѣ смерти одного изъ врачей. Вотъ почему послѣ офиціальнаго открытія оно собиралось, благодаря любезности А. И. Блументаля, предсѣдателя комитета медико-фармацевтическаго попечительства, въ его домѣ, въ Казенномъ переулкѣ *). Но не эту тѣсноту средствъ члены общества разсматривали, какъ мѣрило и выраженіе нужды насущной. Къ нуждамъ первой необходимости относили они право на общественное довѣріе и на общественное значеніе. Съ этими пріобрѣтеніями можно было пріобрѣсти и новыя силы, и достаточныя средства, безъ соучастія общественнаго пришлось бы остановиться на самомъ первомъ шагу,—то же, что стоять на мѣстѣ, отодвигаться назадъ, или совсѣмъ не быть. Это быть или не быть нашего общества, къ неувядающей славѣ первыхъ собирателей его, разрѣшено ими въ положительномъ смыслѣ. Отъ добраго начала зависѣла половина дѣла, и въ первомъ приступѣ къ дѣлу первые дѣятели не ошиблись.

При крайне ограниченныхъ средствахъ, для Общества весьма важно было объявить свой raison d'être и свое «опредѣленное стремленіе,» т. е. свое направленіе. Широкой дѣятельности безъ средствъ не могло быть, а широкія обѣщанія—ниже достоинства Общества. Отъ того и оповѣстило оно о себѣ въ самыхъ скромныхъ выраженi-

---

* М. М. Г. № 25, 1861 стр. 200.

яхъ; *) отъ того и выступило въ общественную дѣятельность со всякою осмотрительностью. Эта кажущаяся неувѣренность въ силахъ и средствахъ, всегда законное опасеніе за будущее, мудрая робость за себя, осторожность въ словахъ и дѣйствіяхъ,—скажемъ: тѣ свойства опытныхъ людей, при которыхъ обезпечиваются и увѣренность въ цѣлесообразности распоряженій и нѣкоторая надежда на практическій успѣхъ ихъ,—все это нашлось при самомъ первомъ выходѣ нашего общества изъ замкнутаго кружка. Выраженіе всего этого мы находимъ въ первой рѣчи перваго оратора въ первомъ открытомъ его засѣданіи.

Такъ счелъ нужнымъ высказаться тогда передъ всѣмъ Обществомъ и даже отъ имени его одинъ изъ его основателей, первый товарищъ его предсѣдателя, а нынѣ почтеннѣйшій сочленъ нашъ, д-ръ С. А. Смирновъ. Первая рѣчь его интересна и сама по себѣ и какъ первый голосъ рождавшагося Общества. Этотъ двоякій интересъ тѣмъ болѣе обязываетъ насъ занести ее въ нашъ историческій очеркъ, что она можетъ служить и заключительнымъ словомъ къ непомѣрно растянувшемуся введенію въ нашъ очеркъ, и оправданіемъ ему,—она за насъ доскажетъ, что учрежденіе нашего Общества было отвѣтомъ Русскихъ врачей на существенныя внутреннія и внѣшнія потребности нашей медицинской жизни. Она же занесетъ въ нашъ очеркъ «откровенную нашу исповѣдь» въ томъ, почему оно приняло названіе общества врачей *Русскихъ*. Вотъ эта во многихъ отношеніяхъ замѣчательная рѣчь:

„Мм. Гг! Переступая сегодня въ первый разъ за порогъ нашего семейнаго соединенія и переходя къ болѣе обширной общественной дѣятельности, считаю небезполезнымъ оглянуться назадъ и сказать нѣсколько словъ о томъ, что вносимъ мы въ эту новую сферу и чего можемъ надѣяться и желать въ ней. Около двухъ лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые, тогда еще весьма не многіе, изъ

*) См. выше цитованное извѣщеніе въ № 19 М. М. Г. 1861 г., стр. 152.

насъ, проникнутые мыслью о необходимости ближайшаго научнаго соединенія, подали другъ другу руку на совокупное дѣйствіе. Я тоже имѣлъ счастіе быть въ числѣ этихъ немногихъ и потому, свидѣтель возрожденія нашего Общества съ первой его минуты, я позволяю себѣ говорить съ нѣкоторою увѣренностью о его стремленіяхъ и мысли, выразившихся въ настоящее время въ нашемъ Уставѣ. Безъ всякаго притязанія на какой-либо общественный подвигъ, на какую-либо заслугу,—скажу болѣе,—даже безъ особенныхъ надеждъ на успѣшность дѣла, соединяясь такимъ образомъ, мы хотѣли удовлетворить только внутреннему нашему голосу и послужить по мѣрѣ силъ дѣлу общему. Давно и вездѣ уже слышится у насъ броженіе какихъ-то живыхъ силъ, доселѣ замкнутыхъ, подавленныхъ, но уже просящихся на волю и дѣятельность. Давно уже начавшееся движеніе по всѣмъ отраслямъ нашей гражданской и ученой жизни представлялось какимъ-то укоромъ нашему сословію, до сихъ поръ мало откликавшемуся на общій призывъ къ возрожденію. Это чувствовалось всѣми и могло вызвать къ посильной дѣятельности каждаго; каждый имѣлъ право откликнуться на этотъ внутренній призывъ, и начинанія его, каковы бы они ни были, по справедливости не могли навлечь на себя нареканія ни въ самонадѣянности, ни въ исключительности, потому что каждый былъ въ правѣ сдѣлаться такимъ же начинателемъ. Подкрѣпленные этою мыслію и далекіе отъ мысли о самихъ себѣ, мы, не разставаясь шли путемъ нашимъ семейнымъ до этого порога. Съ намѣреніемъ высказываю все это подробно, потому что при самомъ рожденіи нашего Общества мы уже слышали укоръ въ исключительности, мы уже видѣли людей недовольныхъ тѣмъ, что не могли быть между нами. Укоръ въ сущности весьма лестный для насъ, потому что доказывалъ только сочувствіе нашимъ начинаніямъ, но несправедливый, потому что вызванъ съ нашей стороны одною только физическою необходимостью ограничивать вначалѣ число собиравшихся; укоръ падающій теперь самъ собою, потому что съ минуты утвержденія нашего Устава, наши собранія открыты для всѣхъ и нѣтъ физическихъ препятствій для возможнаго расширенія ихъ.

„Чтобы понять цѣль нашего соединенія, стоитъ приглядѣться къ тѣмъ внутреннимъ и наружнымъ потребностямъ нашей медицинской жизни, которыя еще остаются неудовлетворенными и

прислушаться къ тѣмъ живымъ силамъ, которыя начинаютъ высказываться въ нашемъ сословіи и безъ пробужденія которыхъ не было и не будетъ средствъ дойти до какого-нибудь нравственнаго удовлетворенія. Мы приняли названіе Общества врачей *Русскихъ*, и потому всякій въ правѣ спросить насъ, во-первыхъ: что хотѣли мы выразить, прибавляя къ названію нашему прилагательное *русскихъ*?—Откровенная наша исповѣдь должна быть отвѣтомъ на это. Конечно, медицина, какъ наука, *одна* для всѣхъ; заключая сама въ себѣ цѣль и средства, какъ истина, она не допускаетъ раздѣленія ни по странамъ, ни по національностямъ; въ этомъ смыслѣ нѣтъ медицины ни русской, ни французской, ни нѣмецкой; есть одна:—медицина—-наука! Но это идеалъ науки; это ея теорія; сама же наука, въ томъ видѣ, какъ она дѣйствительно существуетъ съ перваго зачатка своего до дальнѣйшаго развитія, никогда не была и не могла быть такою теоретическою. На самомъ первомъ шагу всегда обнаруживалось различіе и въ ближайшихъ цѣляхъ ея, и въ ближайшихъ средствахъ. Это различіе всегда опредѣлялось самымъ различіемъ дѣятелей, выступавшихъ на ея поприще. Если споры *о національности въ наукѣ* могутъ считаться еще не конченными для другихъ наукъ, то въ медицинѣ, мнѣ кажется, объ этомъ спорить можно менѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Никто не отвергаетъ, что въ сущности здѣсь личныя условія дѣятеля всегда становятся на первомъ планѣ. Это тѣмъ болѣе важно и натурально, что, *во-первыхъ*, медицина всегда была и будетъ по преимуществу наукою опыта и наблюденія, всегда тѣсно связанныхъ съ личными качествами наблюдателя, а, *во-вторыхъ*, потому что въ приложеніи ея, какъ науки практической, кромѣ чисто отвлеченныхъ научныхъ истинъ, всегда остается и будетъ оставаться еще многое на долю врача, какъ художника. Медицина никогда не будетъ наукою точною уже по одному безграничному разнообразію своего предмета: жизни органической во всѣхъ ея проявленіяхъ и соприкосновеніяхъ съ жизнію неорганическою и духовною. Мы счастливы, что положительное современное направленіе, усвоивая себѣ всѣ пособія наукъ естественныхъ и точныхъ, даетъ намъ болѣе средствъ для разсѣянія той мглы, которая до сихъ поръ окружала медицину, забрасывая ее по временамъ въ области чисто мечтательныя и отвлеченно-философскія. Но нѣтъ надежды, что бы эти пособія довели ее до желаемой точности, какъ нѣтъ вѣроятія, чтобы всѣ проявленія и уклоненія органической жизни

когда либо могли быть подведены подъ строгіе математическіе законы. Хочу этимъ сказать только то, что сама *неточность* нашей науки поставляетъ ея развитіе въ зависимость отъ внѣшнихъ дѣятелей, отъ страны, отъ племени, отъ народа, въ которыхъ развивается она. Историческія или чисто случайныя обстоятельства, особенности въ свойствахъ ума и способностей у того или другаго народа, которыхъ не отвергаетъ никто, опредѣляютъ въ каждой странѣ направленіе и успѣхи воздѣлываемой науки. Этимъ объясняется, почему напр. во Франціи ранѣе и шире развилась хирургія, почему въ Германіи родилось и раждается наиболѣе различныхъ системъ, почему въ Туринѣ пускаютъ по 6 разъ кровь при началѣ тифозной горячки, почему въ Англіи такъ расточается каломель и опій. Все это особенности, оправдывающія названія: медицина *французская, нѣмецкая, италіянская* и проч. и оправдывающія не въ одномъ только смыслѣ географическомъ, но и въ полномъ смыслѣ слова *національность*.

„Ясно, что такое пониманіе *науки русской* не могло исключать участія въ ея воздѣлываніи ни для какой національности: Французъ, Нѣмецъ, Англичанинъ—для насъ могъ быть врачомъ *русскимъ*; точно также, какъ и врачь русскій по крови, но чуждый интересамъ науки отечественной, могъ для насъ быть врачомъ *не русскимъ*. Не въ крови, а въ духѣ искали мы родства для себя, и не наша вина, если до сихъ поръ, къ сожалѣнію, намъ приходилось всего чаще видѣть, что духъ тѣсно связывался съ кровью, а чужая кровь была такъ чужда нашимъ жиламъ. Таковъ былъ историческій законъ перваго нашего развитія и нельзя упрекать насъ въ той невольной недовѣрчивости, въ которой воспиталъ онъ насъ, и еще менѣе въ томъ законномъ желаніи быть врачами *русскими*, которое мы выразили, принимая названіе Общества *русскихъ* врачей. Съ этой точки зрѣнія смотрѣли мы на медицину русскую, не боясь укора за односторонность и еще менѣе за отсталость отъ бывшаго для насъ столь несчастнымъ, слѣпаго поклоненія европеизму, безъ всякаго сознанія своихъ собственныхъ способностей, безъ всякаго уваженія къ своей собственной природѣ. Доказательствомъ того, что это поклоненіе для насъ было несчастно, можетъ служить то состояніе отсталости въ наукѣ, за которое, къ сожалѣнію, такъ часто и такъ справедливо ложится упрекъ на насъ. Въ такомъ смыслѣ приняли мы и желали, чтобы наше соединеніе носило названіе *Общества врачей русскихъ*, поставивъ себѣ задачею служить по-

сильно воздѣлыванію *не только общихъ истинъ научныхъ, но и интересовъ науки отечественной.*

„Въ заключеніе, Мм. Гг., позвольте мнѣ выразить теплое, искреннее желаніе, чтобы законность нашихъ стремленій нашла для себя возможно большее признаніе и сочувствіе со стороны нашихъ соотечественниковъ врачей, чтобы плодотворность этихъ стремленій подтвердила ихъ законность и чтобы наше прилагательное *русскіе* врачи и осталось для насъ навсегда нашимъ неизмѣннымъ *существительнымъ*".

Въ слѣдъ за этою рѣчью на томъ же первомъ открытомъ засѣданіи нашего Общества

„нѣсколько членовъ предложили принять званіе предсѣдателя Ѳ. И. Иноземцову; но, такъ какъ онъ отказался отъ него, то былъ выбаллотированъ на эту должность И. М. Соколовъ (умершій 22 февраля 1872 г., а въ то время находившійся за границею); товарищемъ предсѣдателя избранъ докторъ С. А. Смирновъ" *).

Этотъ по званію товарищъ, а на самомъ дѣлѣ, на все время отсутствія И. М. Соколова, первый предсѣдатель нашего Общества, во второмъ же его засѣданіи, бывшемъ 1-го іюля 1861 г., поблагодаривъ за совершившееся избраніе его, въ новой рѣчи своей завѣщалъ нашему Обществу тотъ характеръ, какой должна принять личная дѣятельность каждаго должностнаго въ немъ лица и каждаго въ немъ сочлена. Такъ какъ ни самъ С. А. Смирновъ во все время своего предсѣдательства и послѣ въ качествѣ члена не пропускавшаго ни одного засѣданія,—когда случалось ему бывать въ Москвѣ,—ни наше Общество во все время своего существованія ни разу не измѣнили этому характеру, то и эта рѣчь С. А—ча въ томъ видѣ, въ какомъ вошла въ соотвѣтствующій протоколъ Общества, должна войти въ нашъ очеркъ. Вотъ эта рѣчь **):

„Я убѣжденъ, сказалъ онъ, что нѣтъ для человѣка чувства святѣе и законнѣе чувства внутренней *свободы дѣйствія*, и сча-

*) М. М. Г. № 25, стр. 200.

**) Приложеніе къ № 29 М. М. Г. 1861 г., стр. 233 и 234.

стливъ, что могу, не колеблясь, повторить это предъ вами въ настоящую минуту. Въ одной свободѣ дѣйствія я признаю поруку за успѣшность его и если начинанія наши въ сферѣ науки отечественной до сихъ поръ часто были безплодны, то причины этому положительно можно отыскивать въ этой *несвободѣ*, съ которою совершались они. Если это справедливо въ приложеніи къ отдѣльной дѣятельности каждаго изъ насъ, то еще справедливѣе въ приложеніи къ дѣятельности цѣлаго нашего Общества. Только одна внутренняя свобода дѣйствія можетъ служить основаніемъ самостоятельности его; одни твердыя убѣжденія могутъ дать самостоятельность, и одна самостоятельность можетъ быть порукою за плодотворность. Само собою разумѣется, что подъ свободою дѣйствія я разумѣю лишь то внутреннее олицетвореніе закона нравственнаго, которое полагаетъ самому себѣ предѣлъ, не исключая уваженія ни къ какимъ принятымъ формамъ и ни къ чьему убѣжденію. Соединяясь въ настоящую минуту для общественнаго дѣйствія, каждому изъ насъ предстоитъ обязанность—повѣрить себя съ этой точки зрѣнія; иначе всѣ наши начинанія останутся безплодны; пройдетъ время, мы проживемъ годы и оставимъ за собою одни слова и неудавшіяся попытки. При такомъ взглядѣ на общій характеръ нашей дѣятельности, вамъ понятно будетъ, Мм. Гг., почему я былъ при составленіи нашего Устава въ числѣ подавшихъ голосъ за предложеніе имѣть въ Обществѣ изъ оффиціальныхъ лицъ одного секретаря. Но потребность болѣе опредѣленныхъ внѣшнихъ формъ для внѣшнихъ сношеній нашихъ и нѣкотораго концентрированія въ самомъ механизмѣ нашихъ занятій заставила васъ предпочесть другую форму. Обезпеченная Уставомъ увѣренность, что принятіе этой формы не стѣснитъ дѣятельности никого изъ членовъ, вскорѣ сгладила всѣ наши разногласія по этому предмету: *исполняя въ настоящее время обязанность, возлагаемую вами на предсѣдателя, я не могу забыть истиннаго значенія этой обязанности: быть, во имя довѣрія вашего, вашимъ представителемъ внѣ Общества а внутри только служить механизму вашихъ занятій, содѣйствуя свободѣ проявленія каждаго изъ насъ. Первымъ нравственнымъ долгомъ, налагаемымъ вашимъ избраніемъ, я считаю возможное устраненіе всякаго личнаго вліянія на ходъ нашихъ занятій, откуда бы оно ни шло. Достаточная опора для этого я надѣюсь, найдется въ точномъ исполненіи нашего ус-*

*тава, потому что нѣтъ нравственной свободы выше той, которая выражается подчиненіемъ себя началу, признанному нами самими за законъ. Не будетъ сдѣлано ни одного шага безъ совѣта и согласія Общества, но не будетъ упущено изъ виду и ни одного отступленія отъ тѣхъ правилъ, которыя мы создали сами для себя. Такъ я понимаю долгъ, налагаемый вашимъ избраніемъ на ваши должностныя лица" *).*

За тѣмъ коснувшись отношеній Общества къ отечественной наукѣ, д-ръ Смирновъ сказалъ, что

„Всякое ученое Общество тогда только существуетъ законно и съ надеждою на успѣхъ, когда въ появленіи его обозначается потребность отвѣта на возникшую нужду. Нужда же эта заключается въ воздѣлываніи не однѣхъ общихъ научныхъ истинъ, но и въ приложеніи ихъ къ интересамъ отечественнымъ. Будемъ же желать", заключилъ онъ, „чтобы это убѣжденіе не только сохранилось во всей полнотѣ своей для насъ, но чтобы оно проникало и всѣхъ вновь вступающихъ къ намъ членовъ. Преклоняясь предъ личными достоинствами и научною высотою избираемыхъ, не забудемъ что въ наше Общество они должны вносить не одну только науку, но и сочувствіе къ нашей спеціальной цѣли. Не забудемъ тѣхъ печальныхъ примѣровъ изъ исторіи нашей медицины, въ которыхъ мы видѣли въ числѣ нашихъ дѣятелей знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ, не принесшихъ однако намъ никакой пользы только потому, что вмѣстѣ съ любовью къ наукѣ они не вносили никакой симпатіи къ намъ. Въ настоящее же время намъ должно быть столько же дорого само ученіе, сколько и любовь, съ которою оно будетъ входить къ намъ".

Теперь просимъ читателей извинить намъ одну нескромность и одно не большое отступленіе отъ нити нашего разсказа. Дѣятельность зараждающихся частныхъ Обществъ по всѣмъ спеціальностямъ почти всегда и по преимуществу, есть личная дѣятельность тѣхъ немногихъ членовъ, около которыхъ составляются и открываются частныя Общества.

---

*) Курсивъ во всей послѣдней цитатѣ принадлежитъ намъ. Въ подлинникѣ, съ котораго перепечатана эта рѣчь, курсива нѣтъ.

Этимъ соображеніемъ мы оправдываемся въ томъ, что находимъ нужнымъ посвятить часть нашего разсказа почтенной дѣятельности того изъ достойнѣйшихъ сочленовъ нашихъ, который по званію былъ первымъ товарищемъ, а на самомъ дѣлѣ первымъ предсѣдателемъ нашего Общества. Мы позволяемъ себѣ говорить о С. А. Смирновѣ какъ потому, что его дѣятельность по Обществу была публичною, такъ и потому, что скоро онъ долженъ былъ оставить ее *вмѣстѣ съ перемѣною мѣста* службы.

С. А. Смирновъ исправлялъ обязанности предсѣдателя нашего Общества въ теченій первыхъ шести мѣсяцевъ его существованія, т. е. съ 15-го іюня по 15-е ноября 1861 года. (когда возвратившійся изъ за-граничнаго ученаго путешествія И. М. Соколовъ впервые вступилъ въ Общество въ качествѣ его предсѣдателя). Принадлежавъ искони нашему Обществу, С. А. и внѣ Москвы, и до сихъ поръ принадлежитъ ему своимъ вниманіемъ и своими сочувствіями:

„отброшенный случайно на другой конецъ Россіи, головою и сердцемъ я принадлежу и буду принадлежать вамъ и нашему общему дѣлу не менѣе чѣмъ принадлежалъ прежде",

такъ выразился С. А. на первомъ годичномъ (т. е. полугодичномъ) собраніи нашего Общества, когда по службѣ былъ уже на Кавказѣ и только случайно пріѣхалъ въ Москву къ первому годичному собранію Общества *).

Честь избранія въ званіе перваго товарища предсѣдателя нашего Общества предоставлена была С. А. Смирнову, ибо принадлежала ему по праву его заслугъ передъ Обществомъ. Обыкновенный способъ избранія, послѣдовавшій въ день оффиціальнаго открытія Общества, былъ только выраженіемъ общаго признанія тѣхъ давно начавшихся заслугъ Семена Алексѣевича, которыя не могли быть записаны въ протоколъ, потому что начались за-долго до учрежденія Общества; тѣмъ не менѣе онѣ были хорошо извѣстны всѣмъ первымъ его сочленамъ. С. А. былъ однимъ изъ

*) М. М. Г. № 2, 1863 года.

ближайшихъ друзей незабвеннаго Ѳ. И. Иноземцева и выйдя изъ его школы, самъ сталъ во главу тѣхъ немногихъ лицъ, которыя смѣло взялись развить, разширить, упрочить и перенести въ русскую жизнь практическія попытки своего учителя на поприщѣ учено-общественнаго служенія. Говоря такимъ образомъ, мы основываемся на собственныхъ словахъ С-на А-ча, посвященныхъ памяти все того же незабвеннаго русскаго дѣятеля. При жизни Ѳ. И. Иноземцева недостаточно знали его завѣтныя душевныя стремленія, а потому хотя и высоко, но все еще недостаточно цѣнили этого, далеко—нерядоваго человѣка, и потому по смерти его, приходится договаривать многое для будущихъ его біографовъ. Считаемъ не лишнимъ занести въ очеркъ исторіи нашего Общества автобіографическое свидѣтельство самого С. А. Смирнова, что онъ сперва былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, потомъ однимъ изъ ближайшихъ друзей и наконецъ, ревностнѣйшимъ послѣдователемъ и распространителемъ идей Ѳ. И. Иноземцева. Чтобы при записываніи этого интереснѣйшаго автобіографическаго свидѣтельства не посягнуть на полноту впечатлѣнія и пересказать сердечными словами самого С-на А-ча и тотъ хаосъ общественнаго мнѣнія, среди котораго поднялась мысль Ѳедора Ивановича,—и ту безурядицу общественныхъ и народныхъ отношеній къ врачамъ, изъ-за которыхъ началъ Ѳ. И. свои общественныя попытки,—и ту силу, съ какою сказывалась нужда въ русскихъ національныхъ отношеніяхъ къ врачебной наукѣ,—и все то, въ слѣдствіе чего Ѳ. И. «не писалъ трактатовъ о своемъ ученіи, но каждый шагъ его, каждое слово дышало имъ»,—чтобы всѣ черты времени, въ которое началось наше Общество, занести въ нашъ очеркъ и прибавить вѣское слово къ памяти Ѳ—ра И—ча, мы цѣликомъ перепечатываемъ изъ М. М. Г. «воспоминаніе о покойномъ профессорѣ Ѳ. И. Иноземцевѣ, принадлежащее С. А. Смирнову».

„Нѣсколько теплыхъ строкъ въ воспоминаніе о плодоносной дѣятельности на ученомъ поприщѣ покойнаго профессора Ѳ. И.

Иноземцова немного прибавятъ къ біографіи замѣчательнаго русскаго дѣятеля, которую напишетъ для него потомство. Свѣжа еще могила его, и намъ, бывшимъ такъ близко къ нему, трудно говорить о немъ, не навлекая на себя подозрѣнія въ пристрастіи. Но пусть безпристрастная исторія пишетъ свой приговоръ. Самое пристрастіе къ нему его учениковъ (если бы мы не могли избѣгнуть его) есть уже фактъ, который не можетъ не найти мѣста въ исторіи учителя. Вносить истину путемъ честнаго и тяжелаго труда и вмѣстѣ вносить любовь и къ этому труду и къ себѣ выпадало на долю не многихъ вносителей.

„Ѳ. И. появился на поприщѣ русской медицины въ тотъ ея темный періодъ, когда русской медицины, собственно говоря, еще не было на свѣтѣ и когда носилось смутное убѣжденіе, что ея и быть не можетъ. Начиная съ древнихъ временъ, въ убѣжденіи простаго народа, по естественному чувству любившаго свои средства, русскій лѣкарь былъ на какомъ-то неизмѣримо-далекомъ разстояніи отъ нѣмецкаго дохтура, былъ даже чѣмъ-то совсѣмъ другимъ, чѣмъ онъ,—существомъ вовсе въ другомъ родѣ, совсѣмъ не для него. Русскимъ лѣкаремъ могла быть повивальная бабка, знахарь, мельникъ—колдунъ, много—много фельдшеръ; а дохтуромъ непремѣнно долженъ былъ быть нѣмецъ. Въ русскомъ лѣкарѣ, создаваемомъ изъ своей среды, народъ видѣлъ нѣчто свое, нѣчто близкое своимъ нуждамъ и болѣзнямъ; въ дохтурѣ онъ, напротивъ, неясно сознавалъ какое-то послѣдствіе временъ Петровскихъ и видѣлъ, питаясь своими историческими преданіями и предразсудками, нѣчто, скорѣе опасное, чѣмъ полезное. Первые факты, переданные нашею древнею исторіею медицины, въ періодѣ первоначальнаго заимствованія ея изъ Германіи, могли только укоренить въ народѣ странное понятіе, сложившееся о дохтурѣ—нѣмчинѣ. Является моръ, — и вотъ какой нибудь дохтуръ Артманъ рекомендуетъ купить роги инроговы за 5000 руб., скоблить и пить ихъ; скоблятъ и пьютъ; но, разумѣется, черная немочь беретъ свое. Прописываетъ нѣмчинъ *сахару постнаго, нескоромнаго*, но изъ руки его всякій сахаръ кажется скоромнымъ. Эти фактическія преданія древнѣйшаго періода нашей исторіи не остались безъ отраженія и на позднѣйшій періодъ русской медицины. Первое помирилось съ наукою наше высшее сословіе, но за то и наука уже не рисовалась ему иначе, какъ въ видѣ своихъ нѣмецкихъ представителей. Врачи русскіе могли

учиться, какъ хотѣли, но въ жизни и въ мнѣніи публики они все-таки оставались паріями. Не признанные съ одной стороны, не поощренные съ другой, они теряли вѣру въ самихъ себя и готовы уже были отступиться отъ научнаго соревнованія. Изрѣдка раздавался съ каѳедры русскій голосъ (**Мудрова, Мухина, Дядьковскаго**), но и тотъ замиралъ со смертію своихъ глашатаевъ. Личный талантъ возвышался и переходилъ лично, оставляя по себѣ въ потомствѣ одни воспоминанія, походившія потомъ въ сравненіи съ настоящимъ на счастливыя грезы. Таковъ былъ періодъ, въ который вступилъ на поприще русской медицины покойный Ѳ. И. — Свѣтлымъ и любовнымъ взоромъ своимъ онъ скоро проникъ истину и вѣрно оцѣнилъ тогдашнее положеніе русскаго врача въ обществѣ и наукѣ. Онъ понялъ, что и тамъ, и здѣсь не во всемъ онъ былъ виноватъ. Въ Обществѣ за нимъ усвоилась уже по преданію роль второстепенная; почти всѣ современные корифеи были врачи иностранные; не легко было пробиться сквозь кору, наложенную исторіею и скрѣпленную предразсудкомъ и временемъ, и, къ сожалѣнію, нерѣдко оправдывающуюся на дѣлѣ отсталостію въ медицинскомъ образованіи врачей русскихъ отъ иностранныхъ. Но вполнѣ-ли были виноваты въ этой отсталости врачи русскіе?—Вотъ что помнимъ еще мы, старые студенты Московскаго Университета, заставшіе времена до-Иноземцевскія. На нѣкоторыхъ каѳедрахъ были люди, принадлежавшіе къ числу извѣстнѣйшихъ специалистовъ въ тогдашней Европѣ, и отъ этихъ-то именно каѳедръ мы вынесли для себя меньше всего. Обращаюсь къ воспоминанію моихъ товарищей. Причина этому заключалась въ томъ, что въ ученыхъ профессорахъ нѣмецкихъ не было личнаго сочувствія къ намъ, и мы сами имѣли горесть слыхать отъ нихъ, что для русскаго студента они считали своимъ долгомъ выполнять только свою служебную обязанность, т. е. просидѣть на каѳедрѣ отъ звонка до звонка. Я помню еще самъ то почитаніе, которое внушалось намъ значительностью именъ нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ профессоровъ, и не могу забыть того тягостнаго чувства, которое выносилось нами съ ихъ лекцій, когда, проловивъ цѣлый часъ ихъ ученость и прослушавъ разсказанные ими анекдоты на латинскомъ языкѣ *),

*) Нельзя не порадоваться за наше время, когда русскій профессоръ старѣйшаго изъ Русскихъ Университетовъ, въ рѣчи своей въ годич-

мы возвращались домой, брали старыя записки ихъ, переписывавшіяся по преданію и не находили ничего, что бы могли прибавить къ нимъ послѣ лекціи. Лекціи кончались; мы разставались съ профессоромъ и разставались дѣйствительно; онъ былъ для насъ какимъ-то высокимъ, но отвлеченнымъ существомъ: между нами ничего не было общаго, кромѣ мысли о будущемъ экзаменѣ, вполнѣ удовлетворявшемся знакомою тетрадкой, и извѣстною, обдуманною невзыскательностію профессора. Историческая тетрадка не давала намъ даже идеи науки, а въ живомъ словѣ мы не слыхали даже и намековъ на путь, по которому надобно идти на встрѣчу ей. Затвердивъ тетрадки, мы уже знали науку и должны были считать себя достаточно учеными для предстоящаго намъ поприща. Передъ собою мы видѣли блистательное, практическое осуществленіе науки, видѣли первыхъ практиковъ, украшенныхъ почетомъ и мѣстами, дорого цѣнимыхъ публикою, и могли думать: вотъ для чего наука *).

номъ засѣданіи одного изъ русскихъ ученыхъ Обществъ, стало быть. для печати, предъ всѣмъ просвѣщеннымъ обществомъ и если угодно, передъ цѣлымъ просвѣщеннымъ міромъ, считаетъ себя въ правѣ, громко высказать такое напр. обвиненіе. „Не правы тѣ ученые, которые, занимаясь наукою въ извѣстной странѣ, такъ мало обращаютъ вниманіе на языкъ этой страны, что въ теченіи десятковъ лѣтъ не пріобрѣтаютъ способности свободно выражаться на немъ". (Изъ рѣчи А. И. Полунина, въ публичномъ засѣданіи Моск. Физ. Мед. Общ.). А какъ еще недавно было то время, когда ловкимъ краснобаямъ своего рода, каѳедральный навыкъ помогалъ пеленать въ латинскую рѣчь скудость знанія, тщедушіе мысли и равнодушіе къ преуспѣянію науки въ Россіи.

*) Не въ этихъ-ли фактахъ столь долго длившейся въ нашихъ Университетахъ фальши въ отношеніяхъ ученыхъ къ наукѣ и къ ея молодымъ адептамъ въ Россіи, скрывается разгадка того, все еще бьющаго по глазамъ, печальнаго явленія, что, кромѣ нашего отечества, нѣтъ на свѣтѣ другой страны, въ которой наука такъ мало дружила бы съ жизнію и такъ далеко расходилась бы съ нею, какъ у насъ?... Насъ много и долго *учили*, но разсчетливо старались не *образовывать*, т. е. не только не развивали всякому человѣку присущей способности переносить знанія въ свой образъ, но силились держать насъ въ предразсудкѣ, будто недостатокъ этой способности составляетъ племенной дефектъ нашей славянской породы. Не отъ того-ли и теперь въ нашей жизни безплодное своекорыстіе надменнаго „Ваала" беретъ верхъ надъ гражданской честностью мудрой „Паллады"?

„Въ эту минуту является передъ нами Ѳ. И. Иноземцевъ. Живое и теплое слово его разбудило въ насъ дремавшее движеніе мысли: образъ науки обрисовался передъ нами со всѣми своими чистыми увлеченіями, со всѣмъ торжествомъ и независимостью отъ жизни. Мы поняли, что можно любить науку и для науки, что можно быть счастливымъ съ нею и у себя въ кабинетѣ. Напрасно, зарождавшееся тогда, реальное направленіе шептало намъ, что наука только тогда годна, когда непосредственно прилагается къ жизни,—молодое воображеніе наше плохо мирилось съ такимъ ограниченіемъ: мы видѣли передъ собою олицетворенную, абсолютную любовь къ наукѣ,—любовь, охотно жертвовавшую удобствами житейскими и слѣдовательно, не могшую не находить въ самой себѣ вознагражденія, въ самой себѣ счастья. Дѣйствительно, новый профессоръ нашъ тотчасъ же былъ высоко оцѣненъ въ практической жизни, и къ нему какъ къ врачу, устремилась огромная практика. Не смотря на всѣ матеріальныя удобства, представляемыя такимъ положеніемъ, Ѳ. И. отдавалъ ему свою дѣятельность лишь настолько, насколько оставалось ему времени отъ занятій, связанныхъ съ его преподаваніемъ въ Университетѣ. Въ то время, какъ многочисленные пацiенты его ловили каждую минуту, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, онъ, запершись въ анатомическомъ театрѣ, работалъ надъ препаратами, готовя ихъ къ своей лекціи. Чтобы понять, какого труда стоило ему это преподаваніе, надобно вспомнить, что онъ началъ его въ то время, когда въ Московскомъ Университетѣ еще не было и мысли о томъ, что преподаваніе хирургіи должно быть основано на знаніи топографической анатоміи. Ему предстояло быть самому и своимъ адъюнктомъ, и своимъ прозекторомъ. Но въ трудѣ этомъ онъ не надолго остался одинокимъ: онъ быстро привилъ къ слушателямъ свою любовь къ наукѣ, и они скоро примкнули къ нему душою и сердцемъ. Изъ нихъ тотчасъ же нашлись такіе, которые сдѣлались истинными его помощниками. Горячая вѣра въ науку, чистая любовь къ ней, выражаясь въ такой энергической природѣ, какъ у покойнаго профессора, не могла не дѣйствовать увлекательно на умы его учениковъ. Очень не высокое понятіе о наукѣ, образовавшееся у нихъ до тѣхъ поръ, очевидно, не могло удовлетворять юныя, еще не зачерствѣвшія сердца и немногихъ могла увлечь матеріальная разсчетливость, которая въ юности составляетъ лишь уродливое исключеніе.

„Но не одно научное обаяніе дѣйствовало на слушателей Ѳ. И. Въ его отношеніяхъ къ нимъ почувствовалось что-то совсѣмъ иное, чѣмъ то, къ чему привыкли они въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ профессорамъ. Ихъ доброта, ихъ снисходительность, ихъ готовность объяснить, какъ могли, чего не понималось студентами, иногда даже ихъ стремленіе повеселить веселымъ разсказомъ съ видимымъ намѣреніемъ стяжать за это любовь и популярность, всегда полезную для городской практики,—все то осталось далеко позади того, что принесъ имъ новый профессоръ. Студенты почувствовали, что онъ всецѣло принадлежитъ имъ, что въ рукахъ его ихъ истинное знамя, разгадка тѣхъ неясныхъ стремленій, которыя до сихъ поръ только по временамъ шевелились въ нихъ и не находя для себя разгадки въ выслушиваемыхъ лекціяхъ, тускнѣли все больше и больше. Они ясно поняли, что самая практическая знаменитость новаго профессора дорога ему лишь настолько, насколько она давала ему средства расширить и обогатить свое ученіе. Твердо и ясно высказывалъ Ѳ. И. свои убѣжденія; громко и отчетливо вторились они въ душахъ его слушателей. Отъ него мы услыхали въ первый разъ новое для насъ тогда слово: *русская наука*, *русская медицина* *). Смыслъ его былъ уже не тотъ, съ которымъ намъ случалось его слыхать отъ другихъ, нѣмецкихъ учителей нашихъ. Не въ узкой рамкѣ сжатаго, ограниченнаго патріотизма, презирающаго все что не наше, являлась передъ нами въ его лекціяхъ и бесѣдахъ *русская наука*. Нѣтъ, это было полное уваженіе къ опыту и къ заслугамъ другихъ, стремленіе принести и свою лепту въ общую сокровищницу науки, перенести чужой прививокъ и вкоренить его, акклиматизировать на своей почвѣ. Сознаніе того, что нельзя идти впередъ, не зная всего, что было назади, должно было руководить этимъ стремленіемъ. И вотъ начался для насъ рядъ новыхъ, до того времени не слыханныхъ у насъ, занятій: студентъ нешелъ въ театръ, а читалъ въ то время Дюпюитрена или Дельпеша, готовясь къ клинической лекціи профессора; другой въ свободную минуту перелистывалъ архивъ и рылся въ библіотекѣ, которую такъ радушно и даже навязчиво открывалъ профессоръ для всѣхъ. Мы задумались и поняли, что

---

*) Не мало нужно было смѣлости и ручательства за правду своей идеи, чтобы громко произносить тогда подобные термины.

изучать науку въ Университетѣ нельзя: ея такъ много, что здѣсь можно только узнать, чему и какъ учиться. Курсъ нашъ показался намъ внезапно слишкомъ коротокъ, и мы съ жадностью стали ловить время и записывать наши нота-бене для позднѣйшаго, послѣ университетскаго періода нашей дѣятельности *).

„Обширность предстоявшаго поприща естественно должна была навести на мысль о соединеніи труда, и эта мысль заронилась и въ первый разъ сознательно высказалась въ увлекательной бесѣдѣ нашего покойнаго учителя. Призваніе къ труду отечественному, къ соединенію силъ на поприщѣ русской науки—мы впервые услыхали отъ него. Словомъ и дѣломъ служилъ онъ этому призванію и умѣлъ могущественно направлять къ нему своихъ слушателей. Пусть каждый изъ насъ, кому выпало на долю счастіе сдѣлать что нибудь въ томъ направленіи въ своей общественной дѣятельности, спроситъ себя: откуда заронилась въ его душу первая мысль объ этомъ направленіи? Отвѣтъ будетъ несомнѣненъ. Ученіе передавалось намъ слишкомъ тепло, чтобы не заронить мысли въ молодой умъ и впечатлительное сердце. Мы видѣли передъ собою благородный примѣръ самоотверженной борьбы и изъ него учились жертвовать своему убѣжденію всѣмъ остальнымъ. Убѣжденіе переходило въ чувство долга; исполненіе долга сливалось съ чувствомъ чести, и мы постоянно слышимъ отъ нашего наставника, что *честность въ наукѣ столько же обязательна и важна, какъ и честность въ жизни.* Таково было нравственное основаніе его ученія. Не мудрено, если такіе принципы, разогрѣвая молодое и честное воображеніе слушателей, фанатизировали нѣкоторыхъ изъ нихъ и имъ самимъ незамѣтно, развивали въ нихъ какое-то рыцарское увлеченіе; увлеченіе такъ свойственно юности. Можно понять, что такой фанатизмъ могъ вредить въ послѣдствіи только личности фанатиковъ, но не могъ оставаться безполезнымъ для самаго дѣла.

---

*) Не можемъ не усилить этихъ отзывовъ почти тождественнымъ отзывомъ другаго ученика Ѳедора Ивановича. „И до сихъ поръ мы слышимъ ихъ (т. е. прежнихъ профессоровъ) живую, умную, сильную чувствомъ и убѣжденіемъ рѣчь, которою обрисовалось наше настоящее и будущее отношеніе къ наукѣ. Какими гигантами встаютъ ихъ образы передъ нами, когда мы размышляемъ теперь объ участи молодаго поколѣнія, руководимаго наставниками новаго призыва.“ Такъ отозвался лѣкарь Рубцовъ въ М. М. Г. 1863 г. № 13, стр. 208.

„Ѳ. И. не писалъ трактатовъ объ этомъ ученіи; но каждый шагъ его, каждое слово дышало имъ. Естественно, что онъ, невѣдомо самому себѣ, сдѣлался центромъ притяженія спеціальнаго труда и научнаго единенія русскихъ врачей. Я не говорю уже объ обширномъ кругѣ его личнаго вліянія: каждый молодой врачъ въ Москвѣ видѣлъ въ немъ своего покровителя и друга и стремился сблизиться съ нимъ и работать при немъ. Но скоро пріобрѣтенная имъ популярность разлилась по всѣмъ краямъ Россіи: ученики его и паціенты разнесли ее въ отдаленнѣйшіе уголки, и каждый несъ въ сердцѣ, кромѣ благодарности къ нему, еще впечатлѣніе его прекрасной личности, такъ безразлично и тепло любившей добро, и того чистаго образа науки, который онъ умѣлъ такъ хорошо рисовать въ воображеніи своихъ слушателей. Со всѣхъ сторонъ Россіи обращались къ нему, кто за совѣтомъ, кто за покровительствомъ, кто съ посвященіемъ ему своего труда. Мысль, пробужденная имъ, просила для своего выраженія болѣе общаго, болѣе обширнаго органа; явилось стремленіе имѣть свое періодическое изданіе, главная цѣль котораго была бы *соединеніе* труда врачей отечественныхъ, гласное заявленіе ихъ нуждъ, ихъ работъ и стремленій. Ѳ. И. основалъ на свой счетъ *Московскую Медицинскую Газету*. На призывъ ея откликнулись со всѣхъ концовъ Россіи, какъ бы въ доказательство тому, что она была не искусственнымъ продуктомъ возбужденной мысли *), а выраженіемъ дѣйствительной, понятой потребности русскихъ врачей. Не намъ судить, насколько послужила эта газета въ то время дѣлу общественному; но можно сказать, что въ слѣдъ за нею родилось еще другое стремленіе: организовать русское ученое Общество, сердце котораго было бы въ Москвѣ, а біенія этого сердца проводили бы и воспринимали возрождавшуюся кровь по всѣмъ окраинамъ Россіи. Въ образованіи этого Общества Ѳ. И., конечно, принялъ теплое участіе: имъ же вызванная мысль не могла не найти въ немъ теплаго

---

*) И это благое начинаніе Ѳедора Ивановича не обойдено „смѣхомъ надменнымъ". Тогдашняя редакція нашей газеты въ выноскѣ прибавила: „хотя Соврем. Мед. (№ 1, 1870 г.) признаетъ ее сначала забавою богатаго и благонамѣреннаго, но занятаго другими дѣлами лица." А мы прибавимъ: если бы забавы всѣхъ богатыхъ и благонамѣренныхъ людей, занятыхъ другими дѣлами, были бы всегда такъ благородны и безкорыстны, о, utinam!

сочувствія. Его газета уже давно и первая громко вызывала періодическіе съѣзды русскихъ врачей и натуралистовъ, такъ счастливо осуществившіеся въ послѣднее время. Явилось *Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ*. Рука была легка: и въ слѣдъ за нимъ начали образовываться, не существовавшія до тѣхъ поръ, медицинскія Общества въ губернскихъ городахъ. „Любовь творитъ", повторялъ покойный учитель нашъ; „одинъ эгоизмъ ничего не производитъ". Въ настоящее время уже можно судить о томъ, насколько была велика производительность этой чистой любви.

„Сочтите себя, Мм. Гг., переберите связавшіяся родственными узами съ нашимъ Обществомъ провинціальныя Общества, обозрите кругъ нашей дѣятельности и вспомните, какого сочлена потеряли мы въ Ѳ. И. Иноземцевѣ" *).

Чтобы достойно проводить Ѳедора Ивановича—по счастливому выраженію одного изъ даровитѣйшахъ его современниковъ, покойнаго профессора Т. Н. Грановскаго,— «на великое кладбище Исторіи», къ этимъ, полнымъ глубокой признательности и высокаго уваженія, отзывамъ С. А. Смирнова, для полноты нашего очерка, слѣдуетъ прибавить не менѣе характерное слово, за годъ до сейчасъ цитованнаго произнесенное въ память Ѳедора Ивановича другимъ близкимъ къ нему человѣкомъ и также однимъ изъ основателей нашего Общества. Мы разумѣемъ рѣчь тогдашняго товарища предсѣдателя, а нынѣ высоко уважаемаго предсѣдателя нашего Общества Н. К. Беркута. Такъ какъ эта рѣчь была произнесена въ первомъ по кончинѣ Ѳ. И. засѣданіи нашего Общества, т. е. 18-го августа 1869 г., а это засѣданіе было экстраординарнымъ, то, по постановленію Общества, она была напечатана «въ видѣ извлеченія изъ протокола экстраординарнаго засѣданія 18-го августа 1869 г. въ отдѣльномъ выпускѣ газеты», вышедшемъ «не въ очередь и безъ номера». Такъ какъ эта заду-

*) Статья эта написана въ Пятигорскѣ, датирована 10 іюля 1870 г. и прислана С. А. Смирновымъ Обществу Русскихъ Врачей въ Москвѣ ко дню годовщины кончины Ѳ. И. Иноземцева. Она напечатана потомъ въ М. М. Г., 12 августа 1870 г. № 32, стр. 261—264.

шевная рѣчь можетъ служить матеріаломъ для полной біографіи Ѳ. И. Иноземцева и—что не менѣе важно—принадлежитъ исторіи нашего Общества, то перепечатка ея должна имѣть мѣсто въ нашемъ очеркѣ. Вотъ эта характерная рѣчь.

„Мм. Гг.! Еще новая для насъ потеря! 6-го августа, въ 9 часовъ утра, скончался старѣйшій изъ нашего Общества, его членъ—учредитель, Ѳ. И. Иноземцевъ. Давно уже болѣзнь обрекла его на бездѣйствіе: прошло болѣе трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ вынужденъ былъ прекратить свои ученыя и практическія занятія и заключиться въ самомъ тѣсномъ кругу семьи и друзей. Съ этой поры общественное его поприще окончилось навсегда и безъ возврата,—онъ какъ бы не существовалъ болѣе для свѣта. Но пока еще не погасла въ немъ послѣдняя искра жизни, мы чувствовали нравственное его присутствіе въ средѣ нашего Общества, потому что глубоко были убѣждены въ томъ, что онъ до послѣднихъ минутъ жизни относился къ Обществу съ тѣмъ же, какъ и прежде, горячимъ сочувствіемъ и искренней любовію, которымъ онъ представилъ столько убѣдительныхъ доказательствъ. Многимъ изъ насъ, конечно, приводилось видѣть Ѳ. И. за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины и испытать то тревожное впечатлѣніе, какое производитъ видъ любимаго человѣка, съ каждымъ днемъ замѣтно приближающагося къ смерти. Казалось, въ его блѣдномъ исхудаломъ лицѣ, обросшемъ сѣдою бородою, въ чуть слышной медленной рѣчи, въ угасающемъ взорѣ, тоскливо останавливавшемся на окружающемъ, не оставалось и слѣдовъ прежняго человѣка. Но едва разговоръ касался нашего Общества, которому онъ былъ преданъ всею душою, его фигура внезапно оживлялась,—и глядя на него, мы невольно переносились мыслію къ тому счастливому времени нашего студенчества, когда мы видѣли передъ собой даровитаго профессора въ блестящую пору его полной зрѣлости. И снова чувствовали мы на себѣ его привлекательную силу, обнаруживавшуюся въ его крѣпкомъ убѣжденіи, убѣдительномъ словѣ, въ его ясной смѣлой мысли, въ его энергіи труда, въ горячемъ и честномъ исполненіи учительскаго дѣла, въ дружеской бесѣдѣ съ студентами о будущихъ ихъ обязанностяхъ—трудностяхъ и радостяхъ медицинскаго призванія... Много приходило на память истинъ, сказанныхъ наставникомъ въ средѣ

воспріимчивой учащейся молодежи... Добрыя сѣмена не пропадаютъ даромъ.

„Но не одно наше Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ понесло великую потерю съ его кончиною. Ѳ. И. Иноземцевъ принадлежалъ всему образованному русскому обществу, всему нашему отечеству, котораго онъ былъ вѣрнымъ и честнымъ слугою, и печальная вѣсть о его смерти быстро разнеслась всюду, гдѣ благословлялось его достойное глубокаго уваженія имя,—а гдѣ оно не было извѣстно? Гдѣ предѣлъ той громкой, доброй славы, какую заслужилъ усопшій, какъ истинный другъ науки и человѣчества? Ѳ. И. пользовался глубокимъ уваженіемъ не однихъ только благодарныхъ своихъ слушателей, разсѣянныхъ по всему пространству нашего отечества; онъ столько же былъ уважаемъ всѣми, болѣе или менѣе знавшими его, людьми всѣхъ сословій. И дѣйствительно, ни одинъ русскій врачъ не достигалъ такой громадной популярности, какая досталась въ удѣлъ нашему покойному сочлену. Такая популярность дается не даромъ, не пріобрѣтается случаемъ и не создается искусственно: для нея нужно сочетаніе блестящаго ума, глубокаго медицинскаго образованія и прирожденнаго таланта съ качествами человѣка въ лучшемъ значеніи этого слова. Предоставляя Московскому Университету опредѣлить значеніе покойнаго, какъ ученаго, какъ профессора, какъ члена университетской корпораціи и т. д., я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о его значеніи для Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ.

„Иноземцевъ съ первымъ вступленіемъ своимъ на профессорскую каѳедру заявилъ себя ревностнымъ служителемъ наукѣ и своему долгу по отношенію къ учащимся. Возвратясь изъ перваго своего заграничнаго путешествія въ 1835 году съ свѣжимъ и богатымъ запасомъ знаній, добытыхъ имъ добросовѣстнымъ изученіемъ науки, подъ вліяніемъ извѣстнѣйшихъ ея представителей той эпохи, молодой, бодрый, неутомимый профессоръ, отдался своему дѣлу съ тѣмъ горячимъ увлеченіемъ, которое овладѣваетъ умомъ и душою слушателей, и, образуя между ними и наставниками нравственное сродство, способно дать наилучшіе результаты. Вводя изученіе новаго, до того времени почти неизвѣстнаго въ Московскомъ медицинскомъ факультетѣ, предмета—топографической анатоміи, какъ подготовительнаго для слушанія практической хирургіи, Ѳ. И. въ началѣ готовилъ по ночамъ анато-

мическіе препараты вмѣстѣ съ студентами. На утро, снова бодрый, безъ слѣдовъ усталости, являлся онъ въ клинической аудиторіи, среди многочисленныхъ посѣтителей-врачей и слушателей, и здѣсь-то особенно выдавалась блестяще-даровитая его личность въ энергически-живой фигурѣ, въ выразительно-умныхъ и подвижныхъ чертахъ лица, въ свѣжести и ясности мысли, въ мастерской одушевленной рѣчи, въ проницательномъ взглядѣ и строго-логическихъ выводахъ изъ данныхъ при изслѣдованіи больнаго...

„Едва оканчивалась клиническая бесѣда, и Иноземцевъ, въ сопровожденіи тѣхъ же слушателей, входилъ въ анатомическій театръ для чтенія практической хирургіи, и. казалось, новыя силы одушевляли его, возвращали новую бодрость: среди невозмутимой тишины внимательно слушалась его отчетливая рѣчь, въ которой каждое слово имѣло свое полновѣсное значеніе.

„Исполнивъ свое учительское дѣло, Ѳ. И. посвящалъ все остальное время обширной практической дѣятельности, которая быстро росла съ славою о его значеніи и искусствѣ. На его долю выпадало немного часовъ отдыха, и тѣхъ немалую часть онъ отдавалъ кабинетнымъ занятіямъ, или бесѣдамъ съ товарищами по призванію. Съ утра двери его дома были открыты для всѣхъ больныхъ—богатыхъ и бѣдныхъ; его домашняя поликлиника въ самое короткое время достигла такихъ обширныхъ размѣровъ, что врачи, завѣдывавшіе подъ его надзоромъ спеціальными отдѣленіями, едва могли удовлетворять нуждающихся въ медицинскомъ совѣтѣ. Здѣсь, въ этой поликлиникѣ, доступной для всѣхъ врачей, Иноземцевъ былъ тѣмъ же неутомимымъ наставникомъ, какъ и между студентами; онъ радушно, съ открытымъ сердцемъ и объятіями принималъ всякаго врача, охотно дѣлился своими знаніями, обширной опытностью въ медицинскомъ дѣлѣ и своими личными убѣжденіями, хотя зналъ, что многимъ его убѣжденіямъ давалось значеніе слишкомъ смѣлыхъ гипотезъ... Къ сожалѣнію, мы не видимъ, чтобы хотя одинъ самостоятельный его трудъ подвергся такого рода разбору, и если медицинская печать бралась иногда за это дѣло, то развѣ лишь для того, чтобы задѣть и оскорбить самолюбіе автора изъ дурноскрываемыхъ видовъ... Цѣль такихъ рецензій не достигалась, и Ѳ. И. оставался тѣмъ же труженикомъ и тѣмъ же человѣкомъ въ средѣ врачей, которымъ онъ никогда не отказывалъ ни въ прав-

ственной поддержкѣ, ни въ своей любви, ни даже въ деликатномъ вещественномъ пособіи... Какая личная непріязнь къ усопшему отважилась бы возражать противъ этой истины?..

„Молодой врачъ, только что оставившій университетскую скамью, вступаетъ въ жизнь и на первомъ шагу невольно смущается духомъ при встрѣчѣ съ суровой дѣйствительностію. Предъ нимъ лицомъ къ лицу начало той дѣятельности, для которой онъ себя готовилъ и, казалось, былъ достаточно подготовленъ... А между тѣмъ все такъ ново, такъ неожиданно, неопредѣленно и неясно, что хочется спросить у кого нибудь совѣта, попросить помощи... Напрасно обратился бы онъ мыслію къ университету: для него тамъ все уже кончено,—въ аудиторіяхъ тѣ же истины науки возглашаются для новыхъ поколѣній. Въ ушахъ еще звучитъ напутственное слово любимаго наставника, заклинающаго не разрывать духовнаго союза съ университетомъ, наукою, учителями и товарищами... Но гдѣ же та охранительная духовная сила, которая способна одолѣть насущныя нужды и укрѣпить въ молодомъ врачѣ нравственное самообладаніе до самоотверженія, до забвенія всей тревожной дѣйствительности? Мало-ли даровитыхъ, свѣтлыхъ головъ, подававшихъ въ университетахъ блестящія надежды, обрекались, силою обстоятельствъ, на преждевременное бездѣйствіе гдѣ нибудь въ далекой глуши и пропадало безслѣдно? За то, благодаря искусственнымъ условіямъ, сколько выдвигалось впередъ личностей, не представлявшихъ никакихъ задатковъ своей научной благонадежности,—сколько такихъ становились весьма видными дѣятелями не только на практическомъ, но нерѣдко и на ученомъ поприщѣ?... Иноземцевъ, вынесшій на своихъ плечахъ всю тяжесть труженической жизни, зналъ это по собственному опыту и былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что на немъ, какъ профессорѣ, лежитъ священная обязанность служить нравственною опорою для слушателей въ новомъ ихъ положеніи. Онъ часто, съ благоговѣйной благодарностію, говорилъ о томъ благотворномъ вліяніи, какое производилъ бывшій его учитель, Харьковскій профессоръ Еллинскій, на слушателей дружескими совѣтами и участіемъ. Съ любящимъ сердцемъ и горячею преданностію къ наукѣ Ѳ. И. способенъ былъ обнять всю важность этой обязанности и служить ей всѣми честными средствами. Онъ *никому* не отказывалъ въ своемъ искреннемъ участіи, и молодые врачи, при его содѣйствіи, *могли* твердымъ шагомъ вступить на

практическое поприще, а нѣкоторые изъ нихъ получили возможность отправиться на его средства за границу съ ученою цѣлію... Быть можетъ, отчасти не справедливо, что покойный оказывалъ помощь иногда безъ разбора, и ожиданія его не всегда оправдывались; но можно-ли его винить въ томъ, что онъ былъ лучшаго мнѣнія о людяхъ, чѣмъ они оказывались? Не говоритъ-ли это болѣе въ пользу высокихъ качествъ его благородной души?...

„Какъ бы то ни было, во всемъ, что сдѣлалъ Иноземцевъ для своихъ слушателей и для врачей, нельзя не признать того, что онъ весь былъ проникнутъ любимой его мыслію о научно-нравственномъ сближеніи врачей между собою и старался, какъ могъ, служить ей всѣми зависѣвшими отъ него средствами. Онъ прямо высказывалъ свое убѣжденіе въ томъ, что успѣхъ медицинской науки въ Россіи зависитъ отъ нравственнаго подъема врачебнаго сословія, а онъ возможенъ только при меньшей его зависимости отъ разныхъ случайностей; что для этого необходимо совокупное, дружное дѣйствіе силъ, а не то одиночное и разъединенное ихъ состояніе, въ какомъ имъ суждено было оставаться долгое время. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было врачу, удаленному отъ университетскихъ центровъ, не только продолжать свое дальнѣйшее образованіе, но даже и то сохранить, что имъ пріобрѣтено въ аудиторіи. Единственнымъ средствомъ для обновленія его свѣдѣній были медицинскіе, по преимуществу, иностранные журналы; но большая часть врачей не могла ими пользоваться или по скудости средствъ, или по недостаточному знакомству съ чуждыми языками, или по многимъ другимъ причинамъ. Желая наполнить ощутительный недостатокъ въ живомъ медицинскомъ органѣ, въ которомъ могло бы отражаться и современное состояніе науки, могли бы высказываться и нужды сословія и могла бы заявляться всякая самостоятельная научная его дѣятельность, Ѳ. И. основалъ на свои средства *Московскую Медицинскую Газету*. Впечатлѣніе произведенное этою газетою, было необыкновенно. Въ то время, какъ громадное *) большинство Русскихъ врачей встрѣ-

*) Эпитетъ „громадное“ оставляемъ на отвѣтственности уважаемаго автора. Трудно согласиться съ этимъ эпитетомъ, потому, что у насъ при всемъ желаніи громаднаго большинства врачей, въ силу крайне-скудныхъ средствъ ихъ и крайне-осложненнаго всякими побочными обязанностями положенія, все еще мало, чтобы не сказать вовсе нѣтъ медицинской читающей публики. Многіе изъ врачей, по всему вѣроя-

тію ее съ живымъ сочувствіемъ, нѣкоторые отнеслись къ ней недружелюбно. Трудно рѣшить, было-ли то признакомъ личнаго неблаговоленія къ редактору, или къ опредѣлившемуся направленію газеты. Во всякомъ случаѣ успѣхъ Московской Медицинской Газеты былъ обезпеченъ, и она не терпѣла недостатка въ матеріалѣ; слѣдовательно, она явилась весьма кстати и въ такое время, когда разъединенное Русское врачебное сословіе чувствовало сильную потребность во взаимномъ сближеніи... Въ отвѣтъ на эту потребность зарождается мысль объ устройствѣ въ Москвѣ Медицинскаго Общества, которое могло-бы служить болѣе благонадежнымъ основаніемъ для этого, чѣмъ личная дѣятельность одного человѣка, на какой бы нравственной высотѣ ни стоялъ онъ. Иноземцевъ поспѣшилъ вписать свое имя въ число первыхъ учредителей Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ. Дѣля наравнѣ съ другими членами труды Общества, онъ строго подчинялся его требованіямъ и въ этомъ служилъ для насъ превосходнымъ примѣромъ. Открылась лѣчебница, и онъ, въ качествѣ члена—консультанта, исправнѣе многихъ изъ насъ исполнялъ свои обязанности, являясь въ опредѣленный для него часъ, и не смотря на преклонный возрастъ и слабость силъ, оставался иногда съ больными до трехъ часовъ сряду. Никогда и ни въ чемъ не высказывалъ онъ желанія преобладать въ нашемъ Обществѣ; напротивъ, какъ членъ Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ, онъ еще болѣе представилъ самыхъ сильныхъ доказательствъ того, что онъ выше всего ставилъ благую цѣль и всею душою былъ преданъ общему дѣлу.

„Да сохранится же въ нашемъ Обществѣ благодарная память о нашемъ усопшемъ сотрудникѣ и да пребудетъ незабвенное имя его драгоцѣннымъ достояніемъ Исторіи Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ, въ примѣръ и назиданіе намъ и нашимъ преемникамъ!.. Смерть взяла то, что принадлежитъ ей по праву; но она не въ силахъ отнять того, что принадлежитъ духу жизни, что переживаетъ предѣлы органическаго бытія, переживаетъ многія грядущія поколѣнія и оставляетъ по себѣ вѣчную память"!..

Къ этимъ благодарнымъ воспоминаніямъ о нашемъ об-

тію, съ полною готовностію удѣлили бы часть своихъ ограниченныхъ средствъ на выписку спеціальныхъ журналовъ и газетъ, но у этихъ многихъ не можетъ быть досуга для чтенія.

щемъ учителѣ, въ слѣдующемъ же экстраординарномъ засѣданіи нашего Общества, бывшемъ 26-го августа того же 1869 г., по поводу состоявшагося тогда въ Москвѣ 2-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей, тотъ же сочленъ нашъ, Н. К. Беркутъ, предсѣдательствовавшій въ засѣданіи, прибавилъ слѣдующее:

„Мнѣ пріятно прибавить къ торжеству нынѣшняго праздника неожиданную для васъ вѣсть: вся огромная библіотека и медицинскіе инструменты незабвеннаго нашего сочлена, Ѳ. И. Иноземцева, сдѣлались драгоцѣннымъ достояніемъ нашего Общества. Эта библіотека вмѣщаетъ въ себѣ около 4-хъ тысячъ сочиненій. Ѳ. И. по духовному завѣщанію предоставилъ свою библіотеку въ пожизненное пользованіе нашего сочлена. И. П. Матюшенкова, съ тѣмъ, чтобы послѣ него она перешла въ вѣчную собственность Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ. Но И. П. Матюшенковъ отказался отъ пожизненнаго пользованія завѣщаннымъ и тѣмъ передалъ нашему Обществу непосредственное право полученія наслѣдства. Предоставляя вамъ оцѣнить услугу И. П. Матюшенкова, считаю долгомъ васъ увѣдомить, что спѣшность дѣла, его важность, а также и понужденіе со стороны судебнаго мѣста о скорѣйшемъ принятіи на храненіе принадлежащаго Обществу имущества заставили Правленіе, безъ созыва членовъ на чрезвычайное собраніе по этому предмету, назначить дѣйствительныхъ нашихъ членовъ, казначея Общества И. Ѳ. Доммеса для принятія и храненія библіотеки и проч., при участіи, въ качествѣ экспертовъ для оцѣнки имущества, С. И. Костарева и А. Ѳ. Ефимова 21-го сего августа. Этотъ драгоцѣнный даръ недавно почившаго нашего сочлена служитъ для насъ какъ бы загробнымъ словомъ искренняго горячаго его сочувствія къ цѣлямъ и дѣятельности нашего Общества; онъ какъ разъ совпадаетъ съ началомъ открытія при нашемъ Обществѣ кабинета для чтенія медицинскихъ книгъ, недавно получившаго утвержденіе начальства“ *).

---

*) Такъ какъ экстраординарное засѣданіе 26 августа 1869 г. было созвано по совершенно исключительному поводу 2-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей, то и протоколъ его, вопреки обычаю, напечатанъ въ М. М. Г. 20 сентября того же года, въ №№ 39 и 40.

Вотъ какой богатый вкладъ ученія словомъ и дѣломъ,— вотъ какую великую жертву неутомимой работы мысли и непрерывающагося труда цѣлой многодѣятельной и многополезной жизни,—вотъ какое ученое наслѣдство,—вотъ какой высокій образъ честнаго, безкорыстнаго ученообщественнаго самопожертвованія,—вотъ сколько неистощимыхъ и негибнущихъ отъ времени сокровищъ завѣщалъ своимъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ и нашему Обществу Русскихъ Врачей въ Москвѣ знаменитый русскій дѣятель и проповѣдникъ національнаго направленія въ наукѣ. Цѣльный и высокій образъ человѣка умнаго, даровитаго, честнаго, полезнаго,—благородный примѣръ безкорыстнаго служенія отечественной наукѣ и самоотверженной борьбы за ея привитіе къ жизни роднаго Общества и народа,— все это должно представиться и дѣйствительно представляется при воспоминаніи о Өедорѣ Ивановичѣ.

Здѣсь мѣсто внести въ нашъ очеркъ извѣстіе о томъ, какъ распорядилось Общество, чтобы увѣковѣчить память Ө. И. Иноземцева въ своихъ учрежденіяхъ. Послѣ рѣчи Н. К. Беркута, въ томъ же протоколѣ экстраординарнаго засѣданія 18 августа 1869 года въ пун. 2-мъ записано слѣдующее:

„По выслушаніи рѣчи Г. товарища предсѣдателя, Н. Е. Мамоновъ обратился къ Обществу съ слѣдующими предложеніями: а) напечатать въ видѣ извлеченія изъ протокола экстраординарнаго засѣданія 18 августа рѣчь Н. К. Беркута въ отдѣльномъ выпускѣ газеты, имѣющемъ выйти, не въ очередь и безъ номера; б) просить редакцію газеты издать этотъ выпускъ съ траурной каймой на первой страницѣ; в) назначить панихиду въ 40-й день по кончинѣ Ө. И. Иноземцева; г) открыть подписку на учрежденіе въ Московскомъ Университетѣ стипендіи имени Ө. И. Иноземцева.—Н. К. Беркутъ предложилъ пріобрѣсти бюстъ покойнаго Ө. И. и помѣстить его въ комнатахъ, въ которыхъ будетъ находиться пожертвованная имъ Обществу библіотека. Ко всѣмъ этимъ предложеніямъ Общество отнеслось съ особеннымъ сочувствіемъ и послѣ непродолжительныхъ совѣщаній, *постановило:* всѣ предложенія, сдѣланныя Н. Е. Мамоновымъ (за исключе-

ніемъ предложенія подъ буквою г.) и Н. К. Беркутомъ привести въ исполненіе. Что же касается до предложенія, сдѣланнаго Н. Е. Мамоновымъ относительно подписки для собиранія пожертвованій на учрежденіе стипендіи при Московскомъ Университетѣ, то Общество, послѣ подробнаго обсужденія этого вопроса, пришло къ тому заключенію, что, не смотря на общее сочувствіе, вызванное этимъ предложеніемъ, Общество не можетъ приступить тотчасъ же къ его осуществленію—открытію подписки, такъ какъ для этого прежде всего необходимо получить разрѣшеніе Правительства. Почему Общество и рѣшило немедленно ходатайствовать о дозволеніи открыть означенную стипендію. Впрочемъ, имѣя въ виду несомнѣнно удовлетворительные результаты ходатайства, Общество сочло возможнымъ начать подписку неоффиціальнымъ путемъ ранѣе полученія на то дозволенія. Для этой цѣли поручило г. казначею заготовить шнуровую книгу за печатью и скрѣпою управленія Общества для записыванія пожертвованій и выдачи квитанцій.—Лицомъ принимающимъ пожертвованія, назначенъ г. казначей Общества. Впрочемъ, для болѣе успѣшнаго хода дѣла, ему разрѣшено пригласить и другихъ членовъ Общества къ участію въ сборѣ пожертвованій. Легко можетъ статься, что имѣющая быть собранной сумма пожертвованныхъ денегъ будетъ превышать цифру, опредѣленную для стипендіи, въ такомъ случаѣ остаточныя деньги должны быть употреблены на образованіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ училища въ г. Льговѣ, гдѣ Ѳ. И. былъ учителемъ. Всѣ эти постановленія относительно стипендіи, равно какъ о назначеніи панихиды и пріобрѣтеніи бюста Ѳ-ра И-ча должны быть напечатаны въ вышесказанномъ отдѣльномъ выпускѣ газеты вмѣстѣ съ рѣчью г. товарища предсѣдателя“.

За тѣмъ въ протоколѣ экстраординарной половины засѣданія 2-го октября того же года въ пун. 1-мъ записано, что:

„Л. С. Медвѣдевъ представилъ въ даръ Обществу литографическій портретъ покойнаго Ѳ. И. Иноземцева. Общество благодарило г. Медвѣдева и постановило повѣсить портретъ Иноземцева въ комнатѣ, гдѣ помѣщается пожертвованная имъ библиотека“. Въ пун. 4-мъ того же протокола мы находимъ, что „И. Ѳ. Доммесъ заявилъ, что на предлагаемую Обществомъ стипендію имени Ѳ. И. Иноземцева собрано уже 1,270 руб. сер.,—изъ нихъ

1000 руб. пожертвованы членомъ соревнователемъ, Н. В. Кирѣевскимъ. Н. К. Беркутъ предложилъ отнестись съ благодарностью къ г. Кирѣевскому за сочувствіе къ мысли Общества относительно стипендіи, выразившейся въ столь значительномъ пожертвованіи. Это предложеніе Обществомъ принято". Потомъ въ протоколѣ экстраординарной половины засѣданія 15-го Октября тогоже года, въ пун. 4-мъ упомянуто, что „г. казначей Общества заявилъ, что на стипендію Иноземцева получено еще 50 руб.— что съ прежде пожертвованными составляетъ 1315 руб." Послѣ этого, въ протоколъ 15 Ноября того же года, подъ буквою *ж* занесено „отношеніе на имя предсѣдателя Общества отъ г. Московскаго Генералъ-Губернатора, отъ 30 Октября 1869 г., № 5477, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему ходатайства Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ Высочайше соизволилъ въ 17 день сего Октября разрѣшить учредить этому Обществу при Московскомъ университетѣ по медицинскому факультету стипендію имени заслуженнаго профессора, д-ра медицины, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Иноземцева, съ тѣмъ, чтобы утвержденіе положенія означенной стипендіи было предоставлено Министерству Внутреннихъ Дѣлъ по соглашенію съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Сообщая о таковой Высочайшей волѣ Е. В., прошу Васъ, М. Г. о доставленіи ко мнѣ проекта положенія означенной стипендіи". Общество тогда же постановило составить проектъ положенія о стипендіи и представить его на утвержденіе".

О полученіи этого разрѣшенія въ № 9 Московской Медицинской Газеты 4 Марта 1870 г. было напечатано особенное «заявленіе». Потомъ въ протоколѣ очереднаго засѣданія 17 Февраля 1870 г. въ пун. 8-мъ занесено, что

по случаю полученнаго Обществомъ разрѣшенія на сборъ суммы для учрежденія въ Московскомъ Императорскомъ университетѣ стипендіи имени Ѳ. И. И—ва сдѣлано постановленіе: объ открытіи подписки для этой цѣли публиковать въ Моск. и Русск. Вѣдом. и Соврем. Извѣстіяхъ".

Далѣе въ протоколѣ 16 Ноября 1870 г., въ пун. 3-мъ занесено свѣдѣніе, что

„на стипендію Ѳ. И. И—ва собрано 2068 р., т. е. болѣе $^2/_3$ потребной суммы".

Въ протоколѣ 1 Февраля 1871 г. записано, что

„посѣтитель И. Г. Дюмуленъ доставилъ 115 р. с., собранные въ С.-Петербургѣ 12-го Января 1871 года на обѣдѣ бывшихъ студентовъ Москов. Унив. на стипендію имени Ѳ. И. Иноземцева".

О назначеніи коммиссіи для составленія проекта положенія объ этой стипендіи упомянуто въ пун. 7-мъ протокола 7 Апрѣля 1871 года. Въ томъ же протоколѣ въ пун. 11-мъ записано, что на эту стипендію Н. Е. Мамоновымъ переданъ отъ неизвѣстной закладной листъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита въ 100 руб. Такъ какъ и въ 1871 г. еще не собрана была полная сумма на стипендію, то въ газетѣ своей (№ 22, 2 Іюня 1871) Общество напечатало извѣщеніе «О стипендіи Ѳ. И. Иноземцева». Въ засѣданіи 11 Мая 1871 г. былъ разсмотрѣнъ составленный коммиссіею проектъ ея. Въ протоколѣ очереднаго засѣданія 24 Апрѣля 1872 г. въ п. 4-мъ записано, что «Н. П. Мансуровъ представилъ въ даръ Обществу портретъ Ѳ. И. Иноземцева, писанный масляными красками въ золоченой рамѣ». И только въ протоколѣ 3 Октября 1872 г. п. 8 записано, что высокоуважаемый предсѣдатель Общества Н. К. Беркутъ заявилъ, что въ настоящее время Общество можетъ начать выдачу стипендіи Ѳ. И. И—ва (около 180 р. сер.) «одному изъ студентовъ медицинскаго факультета. Правленіе Общества отъ 22 Сентября увѣдомило объ этомъ г. Ректора Университета для представленія Обществу кандидатовъ на эту стипендію». Въ протоколѣ же засѣданія 2 Декабря 1872 г., въ п. 8-мъ упомянуто, между прочимъ, что отвѣтъ полученъ, что тотъ же высокоуважаемый предсѣдатель Общества выразилъ желаніе недостающую до трехъ тысячъ руб. на стипендію сумму пополнить изъ своихъ средствъ и что по баллотировкѣ первымъ стипендіатомъ Ѳ. И. И—ва былъ избранъ студентъ 5 курса Сергѣй Пересвѣтовъ. И, наконецъ, въ протоколѣ засѣданія 16 Октября 1873 года указано, что вторымъ стипендіатомъ былъ избранъ студентъ 3-го курса, Митрофанъ Павловскій.

Предпринявъ историческій очеркъ, мы между тѣмъ безпрестанно прерываемъ нить нашего разсказа. Сознаемся въ его кажущейся непослѣдовательности. Но мы стоимъ

слишкомъ близко ко всему, что совершилось въ нашемъ Обществѣ; у насъ есть непосредственныя, личныя отношенія къ Обществу; они лишаютъ насъ историческаго, покойнаго отношенія къ совершавшейся и совершающейся въ Обществѣ дѣйствительности. На нашихъ глазахъ почти самое первое слово о нашемъ Обществѣ стало переходить въ дѣло; въ этомъ переходѣ каждое индивидуальное воззрѣніе и желаніе всѣхъ нашихъ сочленовъ принимало тѣ или другія формы исполненія; жизнь нашего Общества выражалась въ этихъ формахъ исполненія представлявшихся намъ общественныхъ и индивидуальныхъ желаній; при этомъ самъ собою напрашивается запросъ объ относительной качественности и внутренней связи личныхъ элементовъ, вызвавшихся на такое, а не иное исполненіе непосредственно приближающихся задачъ. Вотъ почему все близкое прошлое Общества сливается для насъ въ одно цѣлое съ настоящимъ. Вотъ почему изъ-за нашего Общества ростетъ для насъ привлекательный образъ Ѳ. И. Иноземцева и его ближайшихъ сотрудниковъ. Вотъ почему, заговоривъ о дѣятельности С. А. Смирнова, мы не лично, а рѣчами нашихъ сочленовъ сказали вѣчную память Ѳедору Ивановичу и, восколько его мыслью подготовлена дѣятельность нашего Общества, пожелали Обществу, т. е. намъ самимъ, внутренней силы не потерять изъ виду собравшей насъ идеи и не уронить ни нашего общественнаго, ни нашего личнаго достоинства. Вотъ почему при кажущейся внѣшней непослѣдовательности нашего разсказа, въ немъ есть внутренняя послѣдовательность, обусловливаемая внутреннею связью и такимъ же внутреннимъ преемствомъ въ дѣятельности личныхъ силъ, какъ участвовавшихъ, такъ и участвующихъ въ созданіи и поступательномъ движеніи нашего Общества.

Послѣ этой оговорки будетъ понятна наша обязанность опять обратиться къ дѣятельности высокоуважаемаго сочлена нашего, С. А. Смирнова. Какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей и одинъ изъ

ревностнѣйшихъ послѣдователей Ѳ. И. Иноземцева, С. А. дѣятельно пріискивалъ и собиралъ силы, чтобы сказавшееся въ дружескихъ бесѣдахъ первое слово о нашемъ Обществѣ перешло въ дѣло. Подъ его предсѣдательствомъ открылось наше Общество. Онъ же первый сказалъ первое публичное слово за наше Общество. Онъ же во второй своей рѣчи характеризовалъ нравственныя обязательства каждаго сочлена передъ Обществомъ. Онъ былъ живымъ словомъ и дѣломъ,—онъ былъ въ собственномъ смыслѣ однимъ изъ основателей, а по времени первымъ вождемъ, первымъ ораторомъ, и во все время, пока жилъ въ Москвѣ, былъ душою Общества. Духъ и смыслъ основной идеи нашего Общества и его Устава взываютъ къ собиранію и объединенію отечественныхъ врачебныхъ силъ на разрѣшеніе одной изъ задачъ отечественной жизни. Рѣшивъ вмѣстѣ съ друзьями, что исходнымъ пунктомъ національнаго направленія врачебныхъ силъ должна быть Москва, а формою ихъ дѣятельности—Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ, С. А. позаботился и о томъ, чтобы русскіе врачи въ своемъ ученомъ и практическомъ служеніи разсматривали свои задачи во всю ихъ ширь и глубь, т.-е. какъ составныя части отечественнаго естествовѣдѣнія. Одушевляемый этими помыслами, онъ первый намѣтилъ путь для научной дѣятельности Общества и первый блистательно началъ эту дѣятельность. Вскорѣ по открытіи Общества, онъ ознаменовалъ свою недолгую предсѣдательскую дѣятельность изготовленіемъ проэкта періодическихъ съѣздовъ русскихъ врачей и естествоиспытателей. Издавна и очень многіе сознавали и высказывали необходимость подобныхъ съѣздовъ, но какъ удовлетворить этой необходимости, показалъ С. А. Смирновъ. Увѣренность, что ревностные адепты національнаго направленія медицинской науки найдутся на всѣхъ концахъ Россіи. окриляла мысль и подавала надежду на близкую возможность съѣздовъ, а съ ними и на осуществленіе завѣтныхъ желаній врачей условиться о способахъ и средствахъ для изученія и устране-

нія не однѣхъ болѣзней, но и причинъ такой или иной болѣзненности въ томъ или другомъ краю нашего великаго отечества. Важные результаты съѣздовъ почти давали себя предчувствовать; не закрадывалось ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобы «съѣзды врачей и естествоиспытателей», какъ наилучшая форма и лучшее средство къ соединенію силъ на поприщѣ русской науки,—«чтобы это дѣло по значенію существенно-важное, по времени безотлагательно-необходимое», а по средствамъ недорогое и сподручное, могло бы не осуществиться такъ и тамъ, какъ и гдѣ предполагалось. Однакожь неподатливая дѣйствительность обманула ожиданія. Спустя нѣсколько лѣтъ состоялся первый «съѣздъ русскихъ естествоиспытателей» не въ Москвѣ, а въ С.-Петербургѣ, и въ усвоенномъ этому первому съѣзду названіи не упомянуто о врачахъ, а въ программѣ его занятій не отведено мѣста наукамъ «служенія» страждущему человѣчеству, т.-е. терапевтическимъ, или спеціальнымъ врачебнымъ наукамъ. Названіе, усвоенное первому съѣзду, перешло послѣдовательно на второй и третій, и врачи успѣли только внести свои науки въ программы съѣздовъ, но не позаботились прибавить своего званія къ названію съѣздовъ,—хотя бы въ память того, что первая мысль объ этихъ съѣздахъ принадлежала врачу. Какъ и почему это случилось, мы не знаемъ, но полагаемъ, что этотъ фактъ мелочнаго значенія не лишенъ своего рода характерности. Отмѣчая его не ради укора и тщеславія, мы желаемъ воздать suum cuique, т.-е. сказать, что наше Общество не должно и не можетъ забыть о томъ, что первый проэктъ съѣздовъ представителей отечественнаго естествовѣдѣнія составленъ однимъ изъ его сочленовъ. Запишемъ же въ нашу лѣтопись глубокую признательность С. А. Смирнову и порадуемся, что въ лицѣ его наше Общество вступило въ свое общественное служеніе съ такою мыслью, осуществленіе которой привѣтствовалось всею отечественною печатью какъ новая эра въ исторіи науки въ нашемъ отечествѣ. Жизнь нашего Общества такимъ образомъ началась faustis auspiciis.

Счастливое начало обязываетъ насъ «головою и сердцемъ принадлежать» нашему Обществу и въ честномъ служеніи его задачамъ полагать наилучшее осуществленіе отмѣренной каждому доли врачебнаго и общественнаго служенія нашему сословію, нашему городу и даже нашему отечеству.

Въ слѣдъ за этимъ длиннымъ отступленіемъ отъ нити нашего разсказа поставляемъ себѣ въ особенную обязанность сдѣлать еще одно небольшое отступленіе. Прежде всѣхъ должностныхъ лицъ Общества и много ранѣе перваго открытаго его засѣданія, на должность, требующую, кромѣ многихъ немаловажныхъ условій, значительной ученой подготовки и усиленнаго редакціоннаго и письменнаго труда, т.-е. на должность Секретаря Общества, выдѣлился одинъ изъ его основателей, высоко-уважаемый сочленъ нашъ д-ръ А. И. Клементовскій. Ему принадлежитъ честь первой редакціи Устава нашего Общества. Стало-быть, онъ первый подумалъ о томъ, какъ осуществить основную идею русскихъ врачей. Кромѣ того Общество обязано Александру Ивановичу многимъ—и въ этомъ многомъ—тѣмъ, что онъ началъ лѣтопись Общества и въ теченіе первыхъ шести лѣтъ его существованія въ качествѣ перваго его секретаря и перваго редактора его газеты былъ нашимъ истиннымъ «начальнымъ лѣтописцемъ». При первомъ выходѣ Общества изъ замкнутаго кружка друзей въ общественную дѣятельность, весьма важно было, кто и какъ откроетъ его учено-литературную дѣятельность. Это существенно-важное дѣло А. И. взялъ на себя и, какъ говорится, одинъ поднялъ и вынесъ его на своихъ плечахъ. Его трудамъ мы обязаны тѣмъ, что записаны первые зачатки нашего Общества; ему же обязаны и тѣмъ, что Общество съ достоинствомъ оповѣстило о себѣ, о начатой, предположенной и задуманной дѣятельности и, такъ сказать, черезъ него протянуло руку заинтересованнымъ въ будущей его участи лицамъ и учрежденіямъ, черезъ него пригласило всѣхъ къ ученому сближенію и совмѣстной разработкѣ ученыхъ, сословныхъ и общественныхъ вопро-

совъ врачей. Сколько изъ этихъ вопросовъ поднято самимъ А—мъ И—мъ и поставлено на той единственной почвѣ, на которой они рѣшаются! И все это сдѣлано въ короткое время. На призывъ иныхъ качествъ, многія Общества и лица не отозвались бы тѣми сочувственными заявленіями, которыя наше Общество на первыхъ же шагахъ своихъ имѣло честь получать со всѣхъ сторонъ. Достоинствомъ самаго Общества, восколько оно зависитъ отъ своего выраженія въ ученой и спеціальной литературѣ, всѣ сочлены и друзья нашего Общества обязаны А—ру И—чу. Онъ принялъ и высоко поднялъ его знамя! На мѣру личнаго служенія А—ра И—ча Обществу всего болѣе указываетъ то, что, безъ преувеличенія, весь архивъ Общества за первые шесть лѣтъ его существованія есть плодъ высокаго и добросовѣстнаго учено-литературнаго труда А—ра И—ча *). Если бы можно было выразить въ цифрахъ время, которымъ онъ пожертвовалъ—можно такъ сказать—*своему* Обществу, то, по всему вѣроятію, оказалось бы, что въ шесть лѣтъ онъ посвятилъ ему ровно столько времени, сколько всѣ прочіе члены въ теченіе всего существованія Общества. Чтобы такой отзывъ, съ одной стороны, не казался голословнымъ, а съ другой—представился съ полною силою своего значенія, каждому изъ нашихъ сочленовъ достаточно посмотрѣть на газету нашего Общества за первые шесть лѣтъ его существованія: сами собою бросятся въ глаза шесть объемистыхъ томовъ in 4° убористой печати. Кому же неизвѣстно, что изъ этой работы не менѣе одного цѣлаго тома принадлежитъ перу одного А—ра И—ча? И кто же скажетъ, что идеи, цѣли, задачи и намѣренія нашего Общества не нашли въ его газетѣ своего полнаго выраженія въ самой живой и сильной убѣжденіемъ рѣчи? Припомнимъ, что на первыхъ порахъ наше Об-

---

*) Негласнымъ, но дѣятельнымъ сотрудникомъ въ редакціи газеты, по свидѣтельству А. И. Клементовскаго, былъ В. Ф. Голицинскій, которому принадлежитъ большая часть всѣхъ переводовъ и извлеченій.

щество было встрѣчено не одними сочувствіями. Въ разныхъ кружкахъ слышались и переходили въ печать, вмѣстѣ съ насмѣшками, подозрѣнія и обвиненія. И за этими выраженіями худо скрытаго не доброжелательства нужно было внимательно слѣдить, чтобы во́-время отвѣчать на нихъ. Кто же не скажетъ, что А—ръ И—чъ всегда поспѣвалъ и успѣвалъ въ борьбѣ за наше Общество, откуда бы она ни исходила? И, наоборотъ, кто же откажется утверждать, что А—ръ И—чъ всегда былъ на стражѣ Общества? Кромѣ этой защиты Общества отъ всякихъ на него посягательствъ, А—ръ И—чъ умѣлъ усвоить газетѣ такія достоинства, которыя обязываютъ разсматривать ее, какъ почтенный вкладъ въ нашу — все еще небогатую медицинскую литературу. Мы позволимъ себѣ намѣтить самыя яркія и, такъ сказать, собственно—газетныя черты газеты А—ра И—ча. На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить ея чуткую отзывчивость на текущіе вопросы врачебной науки и литературы у насъ и за границею, и еще болѣе ея отзывчивость на жизненные вопросы русскаго врачебнаго сословія почти во всѣхъ его положеніяхъ среди разныхъ слоевъ населенія и почти во всѣхъ его неправильно сложившихся отношеніяхъ къ разнымъ слоямъ общества и народа. Выше очерченный переворотъ въ жизни всѣхъ слоевъ населенія настойчиво взывалъ къ неотложному измѣненію разныхъ неправильностей въ отношеніяхъ врачей къ Обществу и налагалъ на заинтересованную литературу обязанность указать прямые пути и лучшіе способы къ устраненію этихъ вредныхъ, но исторически сложившихся непорядковъ въ жизни и условіяхъ врачебнаго сословія. Отвѣчая на это требованіе жизни въ тѣсныхъ рамкахъ одного печатнаго листа, А—ръ И—чъ могъ удѣлять въ своей газетѣ не столько мѣста, сколько-бы желалъ, характеристикѣ всѣхъ врачебно-литературныхъ явленій по всѣмъ сложнымъ спеціальностямъ врачебной науки. Но кто же упрекнетъ его за это? Кто не признаетъ, что, поднимая весь трудъ по изданію газеты Общества на свои

плечи, А—ръ И—чъ трудился почти одинъ и этимъ, такъ сказать, избаловалъ нашихъ сочленовъ: большинству и впрямь казалось, что работать для газеты обязанъ одинъ ея редакторъ; многіе признавались,—но самимъ себѣ и втихомолку,—что газета выходитъ отъ имени Общества и потому обязываетъ каждаго члена вносить въ нее свой постоянный ученый вкладъ, и только очень—очень немногіе *) въ нѣкоторой степени исполняли эту обязанность. Несмотря на то, когда появлялось какое-либо крупное ученолитературное явленіе въ медицинской области, А—ръ И—чъ успѣвалъ отмѣтить и характеризовать его въ серьезномъ библіографическомъ извѣстіи. Съ неслабѣющею внимательностью умѣлъ онъ слѣдить и за вопросами по преобразованію нашихъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій. Для доказательства припомнимъ, какъ отозвалась наша газета на призывъ, обращенный Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія къ отечественной литературѣ, чтобы она высказалась о проэктѣ новаго устава нашихъ университетовъ. Въ числѣ многихъ другихъ и разнородныхъ вопросовъ, которыхъ коснулся А. И. въ своей газетѣ, мы указали на этотъ вопросъ потому во-первыхъ, что онъ имѣетъ государственное значеніе, и во-вторыхъ, потому, что А—ръ И—чъ съумѣлъ исчерпать въ немъ всѣ законныя желанія, съ какими врачебное сословіе въ Россіи могло и теперь можетъ обратиться къ медицинскимъ факультетамъ нашихъ университетовъ. Къ слову припомнимъ и ту, полную съ обѣихъ сторонъ высокаго достоинства и взаимнаго уваженія полемику, которую по этому же вопросу вела газета А—ра И—ча съ тогдашнимъ президентомъ С.-Петербургской Медико-хирургической Академіи. Припомнимъ также не малое число практическихъ указаній, собранныхъ въ нашей газетѣ по такимъ напр. вопросамъ, каковы: объ устройствѣ больницъ и лѣчебницъ, о больничной администраціи, о поло-

---

*) В. Ф. Голицинскій, В. И. Ельцинскій, Н. П. Мансуровъ.

женіи городскихъ и уѣздныхъ врачей, объ аптечномъ уставѣ, аптечной таксѣ и т. п. Припомнимъ, наконецъ, что преемники А—ра И—ча по редакціи газеты трудились въ такое время, когда наше Общество до нѣкоторой степени окрѣпло и по мѣрѣ своихъ силъ стало затрачивать сперва очень небольшую сумму, а потомъ постоянно и постепенно увеличивать ее до 7 т. руб. въ годъ на изданіе газеты. И только одинъ первый ея редакторъ нѣсколько лѣтъ сряду издавалъ ее почти безъ всякихъ денежныхъ затратъ со стороны Общества. Припоминая все это, мы далеки отъ недостойной мысли набрасывать какія бы то ни было темныя тѣни и на кого бы то ни было изъ нашихъ сочленовъ, какъ преемственно потрудившихся, такъ и трудящихся въ немъ на пользу общественную. Но тѣмъ не менѣе мы настаиваемъ на убѣжденіи, что первый ученый секретарь нашего Общества и первый редакторъ его газеты личнымъ примѣромъ своимъ фактически доказалъ сочленамъ простую, но мудреную истину, что только количествомъ личной дѣятельности каждаго члена для Общества,—а это значитъ: количествомъ времени, труда и матеріальныхъ пожертвованій, пріобрѣтаемыхъ трудомъ во времени,—что только этой щедростію на личныя пожертвованія можетъ быть создано ученое Общество, сильное и способное для осуществленія своихъ полезныхъ общественныхъ и народныхъ цѣлей. Да проститъ же намъ многоуважаемый сочленъ нашъ, достойнѣйшій А—ръ И—чъ, нашу рѣшимость печатно оцѣнивать его, всѣмъ намъ памятныя и всѣми друзьями нашего Общества признанныя заслуги нашему Обществу. Мы позволили себѣ такую неделикатность въ томъ убѣжденіи, что дѣятельность секретаря въ каждомъ ученомъ Обществѣ есть дѣятельность по преимуществу публичная и открытая для общественнаго мнѣнія и литературной критики. Съ этой точки зрѣнія исполненіе обязанностей секретаря представляется непрерывнымъ рядомъ и ученыхъ трудовъ и гражданскихъ поступковъ. По этой-то относительной своей важности, обязанности секретаря ни въ чемъ не

уступаютъ обязанностямъ всѣхъ прочихъ должностныхъ лицъ, не исключая и Предсѣдателя Общества. И чѣмъ однороднѣе и цѣльнѣе дѣятельность ученаго Общества, тѣмъ выше личная дѣятельность и заслуга ученаго его Секретаря. Мы можемъ сказать съ увѣренностію, что наше Общество до сихъ поръ было и остается вѣрно своей цѣли, вѣрно себѣ; а потому,—да простятъ намъ тѣ его сочлены, которые въ чреду свою послужили и служатъ ему въ разныхъ должностяхъ,—многіе искренно сожалѣли, когда А. И. рѣшился оставить свои должностныя занятія по Обществу,—во сколько могли и умѣли, многіе противились исполненію его рѣшенія.

Послѣ двухъ предшествовавшихъ отступленій отъ нити нашего очерка, третье считаемъ для себя обязательнымъ. Въ началѣ нашего очерка брошенъ почти вскользь такой вопросъ: забудемъ-ли, что только однимъ высшимъ человѣческимъ и общественнымъ призваніемъ должны опредѣляться всѣ общія и частныя явленія личной и общественной жизнедѣятельности каждаго человѣка? Не смотря на такъ называемыя случайныя заблужденія—всюду и всегда возможныя и скользящія по поверхности сознанія и дѣлъ человѣческихъ,—тѣмъ же закономъ жизни, который мы сейчасъ повторили въ вопросительной формѣ, всегда должна опредѣляться и управляться жизнедѣятельность тѣхъ общественныхъ учрежденій, для которыхъ не настала пора смерти. Это—законъ вѣковѣчный и непреложный, и сила его всегда зиждительна. Съ этимъ мѣриломъ всякой зиждительности слѣдовало-бы соображать дѣла и слова каждаго человѣческаго общества и каждаго человѣка. Но ничто человѣческое не мыслимо безъ вліянія человѣческихъ несовершенствъ, и этотъ законъ во всей своей полной силѣ неминуемо и повелительно заговариваетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣла и слова цѣлыхъ и уважающихъ себя общественныхъ учрежденій вліяютъ на органическую ихъ жизнь и очевидно соприкасаются съ областью исторіи самихъ учрежденій. Все творческое не живетъ иначе, какъ

потомственно и, стало быть, въ области исторіи. Но раздвояющійся вопросъ, что и почему имѣетъ или не имѣетъ права на жизнь въ исторіи, весьма часто ускользаетъ отъ вниманія, нерѣдко заслоняется человѣческою суетностію и всегда изъ-за суеты, размельчающей всякую человѣческую жизнь, рѣшается по завершеніи дѣлъ и по смерти дѣятелей. Вмѣняемость или невмѣняемость передъ судомъ исторіи заготовляется живыми людьми — совершителями, только по смерти ихъ продолжается ближайшимъ и окончательно опредѣляется преемственно живымъ потомствомъ. Въ этомъ смыслѣ потомство есть «безсмертіе души». Въ этомъ смыслѣ обязательно для потомства взвѣсить обѣ стороны, дѣятельности каждаго отбывшаго жизненную чреду дѣятеля и сказать, имѣютъ-ли перевѣсъ условія и обстоятельства, усиливавшія или ослаблявшія вину и виновловность каждаго завершеннаго имъ дѣянія. Если потомство имѣетъ право приговора на жизнь и смерть въ исторіи, то пускай не винятъ насъ за этотъ тонъ, привычный болѣе на церковной каѳедрѣ, нежели въ историческомъ изложеніи. Для нашего Общества настала обязанность ближайшаго потомства въ отношеніи къ одному изъ первыхъ по времени и по значенію, но уже отбывшихъ его дѣятелей. Мы признаемъ особенною нашею обязанностію слить какъ бы въ одно цѣлое, съ очеркомъ продолжающейся по Обществу дѣятельности С. А. Смирнова и А. И. Клементовскаго, и оживить воспоминаніемъ памятную дѣятельность И. М. Соколова. Теперь пришло время сказать о немъ съ безстрашіемъ и безстрастіемъ потомства.

Для исторіи уважающаго себя учрежденія равно дороги каждый связанный съ его жизнію фактъ и каждое сказанное отъ его имени слово. Вотъ почему прежде всего хронографически вносимъ въ нашу лѣтопись все, что было сказано въ нашемъ Обществѣ и сдѣлано имъ въ память И. М. Соколова.

Въ отдѣльной книжкѣ «Протоколовъ, засѣданій Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ 1872 г.», въ протоколѣ за-

сѣданія 3 марта подъ № 5, на стр. 30, въ пун. 3-мъ напечатано слѣдующее слово, посвященное А. И. Клементовскимъ памяти И. М. Соколова:

„22 февраля, среди насъ угасла свѣтлая, благородная личность вся жизнь которой была посвящена наукѣ и человѣчеству; личность эта И. М. Соколовъ“.

„Двадцать девять лѣтъ трудился И. М., какъ врачъ, и двадцать пять лѣтъ—какъ преподаватель Московскаго Университета. Такая почтенная, публичная дѣятельность слишкомъ достаточна для того, чтобы его могла знать вся Москва и оцѣнить по достоинству. Оцѣнка же эта выразилась въ общемъ сожалѣніи въ то время когда онъ оставилъ свою каѳедру и выражается еще въ большемъ сожалѣніи теперь, когда онъ сошелъ въ могилу“.

„Слѣдуетъ ли прибавлять что нибудь къ этому? Слѣдуетъ-ли нарушать благоговѣйную тишину навѣянную смертью, среди которой всякій болѣе чувствуетъ тяжесть утраты, нежели выражаетъ ее словами? Да и нелишни-ли суетныя, земныя, часто *пропитанныя горечью воспоминанія* въ то время, когда разсчетъ съ земною жизнью конченъ и когда для умершаго нужна одна молитва“.

„Проникнутый этими мыслями, я не буду касаться ни біографическихъ подробностей, ни ученыхъ трудовъ нашего покойнаго товарища и это тѣмъ болѣе, что они подробнѣе изложены въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго Университета“,—я позволю себѣ на минуту остановиться только на тѣхъ чертахъ его дѣятельности, которыя свидѣтельствуютъ о той *силѣ воли и характера,* благодаря которымъ онъ успѣлъ стать выше той среды, *въ которой тонетъ и безслѣдно исчезаетъ* большая часть нашихъ молодыхъ врачей“.

„И. М. *всѣмъ былъ обязанъ самому себѣ.* Молодость свою онъ посвятилъ такому настойчивому и безпрерывному труду, который по истинѣ изумителенъ и который не могъ быть не замѣченъ Университетской корпораціей. Когда умеръ профессоръ Севрукъ, студенты сами пошли просить попечителя Университета ввѣрить Ивану Матвѣевичу каѳедру физіологической анатоміи, которая въ то время должна была совмѣщать въ себѣ и каѳедру гистологіи. Просьба эта была уважена, и Соколовъ избранъ профессоромъ Университета; но избраніе это принесло ему опять новые труды, которые снова увѣнчались побѣдою надъ наукою, вообще тогда мало доступною кому-либо въ Россіи: вспомнимъ, что до Соко-

лова гистологія въ Московскомъ Университетѣ почти не преподавалась и что молодой профессоръ могъ преподать ее только благодаря самому себѣ. Я позволилъ себѣ остановиться на этомъ эпизодѣ только потому, что онъ немногимъ извѣстенъ и что свидѣтельствуя о способностяхъ русскаго человѣка, онъ льстилъ нашему національному чувству. И. М. былъ истинно русскій человѣкъ и истинно русскій ученый,—всѣмъ своимъ образованіемъ онъ былъ обязанъ нашему родному Московскому Университету и нешелъ тою дорогой, которою обыкновенно идутъ наши ученые: тѣмъ очень часто предшествуетъ добрая слава изъ-за границы, и они уже являются къ намъ окруженные ореоломъ ея и сразу пріобрѣтаютъ горячихъ поклонниковъ. И—ну М—чу не предшествовало никакой славы, тихо, скромно, безъ всякой аффектаціи вступилъ онъ на каѳедру и только трудомъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу пріобрѣлъ себѣ доброе имя въ Университетѣ. Это обстоятельство и наложило свой отпечатокъ на всю его ученую карьеру, въ продолженіи которой онъ часто оставался какъ бы въ тѣни, затмѣваемый болѣе блестящими личностями, и даже немногіе знаютъ тѣ ученые самостоятельные труды, которыми онъ обогатилъ нашу небогатую медицинскую литературу.

„Впрочемъ виною тому была еще и необыкновенная его скромность, которая не позволяла никогда говорить ему ни о своихъ трудахъ, ни о своихъ заслугахъ, и благодаря которой они оставались какъ бы преданными забвенію. Вообще скромность, кротость и терпѣливость были отличительными чертами его характера, и благодаря имъ онъ не только не жаловался на тѣ *невзгоды и несчастія*, которыя *обильно преслѣдовали его въ послѣдній періодъ жизни*, но и съ изумительнымъ терпѣніемъ переносилъ онъ физическія мученія, которыя причиняла ему его предсмертная болѣзнь.

„Для нашего юнаго Общества, И. М. имѣлъ особенное значеніе: десять лѣтъ онъ былъ его предсѣдателемъ и десять лѣтъ съ честью держалъ его русское знамя. Много было обязано Общество И—ну М—чу тѣмъ сочувствіемъ, которое оно пріобрѣло въ Россіи и тѣми нравственными и матеріальными средствами, которыми оно располагаетъ. Будущность Общества еще впереди, но основаніе этой будущности уже положено, и И. М. былъ однимъ изъ первыхъ его работниковъ, которые соорудили для Общества прочный фундаментъ. Для того, кто видитъ теперь спокойный, вѣрный ходъ

Общества и не наблюдалъ первыхъ шаговъ его, не можетъ быть понятно, какія трудныя минуты пережило Общество; но первые члены его и въ особенности члены-учредители знаютъ это очень хорошо: требовалось создать все и при томъ въ средѣ частію пассивной *), а частію враждебной. Тѣ которые сочувствовали идеѣ, легшей въ основу Общества, были въ то время не многочисленны и притомъ сочувствовали нестолько самому Обществу, которое еще было въ зародышѣ, сколько людямъ, которые создали его, и эти-то люди только и могли все сдѣлать, благодаря безкорыстному и въ высшей степени честному служенію идеѣ,—благодаря ихъ энергіи, твердости, забытію всѣхъ личныхъ интересовъ и даже собственнымъ матеріальнымъ жертвамъ. Первое или послѣднее мѣсто занималъ И. М. въ средѣ этихъ людей-это извѣстно: какъ предсѣдатель, онъ шелъ всегда впереди и первый принималъ на себя всякій ударъ, направленный на Общество; первымъ онъ являлся къ сильнымъ міра сего, чтобы отстаивать интересы Общества; первый соблюдалъ и ограждалъ Общество отъ всякихъ потерь и опасностей: нужны-ли были деньги, И. М. искалъ и находилъ жертвователей,—нужна была защита, И. М. искалъ и находилъ защитниковъ; нужно было покровительство, И. М. искалъ и находилъ покровителей. Всѣ знаютъ, чѣмъ было обязано Общество покойному Московскому генералъ-губернатору, П. А. Тучкову, но кто же съумѣлъ заинтересовать его въ судьбахъ Общества, какъ ни И. М. и ни братъ его, К. М.; кто, какъ не они, вопреки всѣмъ препятствіямъ, вопреки враждѣ, вопреки

*) До чего доходила „пассивность“ среды въ отношеніи къ идеѣ Общества и вообще къ наукѣ, видно изъ слѣдующаго факта. Когда бывшіе ученики, а потомъ друзья Ѳ. И. Иноземцева, задумывая наше Общество и заготовляя ему членовъ, начали поочередно и въ извѣстные сроки приглашать знакомыхъ врачей въ свои квартиры побесѣдовать за чашкой вечерняго чаю о положеніи врачебной науки и врачей въ Россіи, они, вопреки прославленному хлѣбосольству русскихъ хозяевъ, сочли за нужное постановить непремѣннымъ правиломъ, что бы такіе срочные гости ихъ неожидали ни игры въ карты, ни слѣдующихъ за нею закусокъ и ужиновъ. Да не покажется страннымъ, что эту мелкую черту нравовъ мы признали умѣстною въ одномъ изъ примѣчаній къ нашему очерку: оно свидѣтельствуетъ, что помимо картъ и ужиновъ уже можно было найти и собрать врачей на бесѣду о врачахъ и врачебной наукѣ.

разнымъ инсинуаціямъ успѣли отстоять жизненный вопросъ для Общества объ аптекѣ и, отстоявши его, положить основаніе лѣчебницѣ, дѣлающей столько чести Обществу и столько добра бѣдному населенію Москвы.

„Мм. Гг. я бы долго не кончилъ, если бы захотѣлъ перечислять всѣ заслуги, которыя сдѣлалъ И. М. для Общества и все то добро, которое онъ оказалъ ему. Біографія, достойная памяти нашего скончавшагося сочлена, потребуетъ и много времени, и много труда, и тотъ, кто возмется за нее, окажетъ услугу нетолько почившему, но и обществу; теперь же, когда послѣ кончины И. М—ча протекло всего нѣсколько дней,—біографія еще невозможна. Цѣль моя была произнесть нѣсколько теплыхъ словъ въ память добраго товарища и, такъ сказать, положить на могилу его неувядаемый вѣнокъ, сплетенный изъ воспоминаній о его добрыхъ цѣляхъ и заслугахъ, и изъ выраженій любви, признательности и благодарности. Пожелаемъ же памяти тому, кто десять лѣтъ неусыпно стоялъ па стражѣ Общества, кто былъ преданъ ему душою и тѣломъ, кто участвовалъ въ его основаніи, кто его берегъ и лелѣялъ, кто его защищалъ и охранялъ, кто принесъ ему все, что могъ принесть, и олицетворилъ въ себѣ идеалъ того добраго пастыря „иже и душу свою полагаетъ за овцы“.

После этой рѣчи Н. Е. Мамоновъ сказалъ слѣдующее:

„Общество Русскихъ Врачей почтило память Ивана Матвѣевича, присутствуя въ лицѣ своихъ членовъ на отпѣваніи покойнаго, отслушало по немъ панихиду въ лѣчебницѣ и теперь выслушало задушевное слово, посвященное памяти усопшаго. Но слѣдуетъ-ли ограничиться только этимъ? И. М. былъ нашимъ учителемъ, учредителемъ Общества и безсмѣннымъ его предсѣдателемъ до настоящаго года. Я думаю Общество имѣетъ возможность увѣковѣчить его имя и почтить памятникомъ, достойнымъ человѣка, много потрудившагося на своемъ вѣку въ пользу науки и въ частности нашего Общества. Потому я предлагаю: 1) ходатайствовать у Правительства о дозволеніи открыть подписку на стипендію И. М. Соколова и 2) пріобрѣсти для Общества его бюстъ“. Предложеніе Н. Е. Мамонова съ чувствомъ принято.

Потомъ В. Н. Бензенгеръ сказалъ:

„Сколько мнѣ извѣстно, И. М. много работалъ и, нѣтъ сомнѣ-

нія, въ его бумагахъ найдутся труды, заслуживающіе полнаго вниманія. Можетъ статься, что вдова покойнаго не въ состояніи будетъ предпринять изданіе этихъ работъ, потому я предложилъ бы Обществу назначить особую коммиссію для разбора бумагъ И—на М—ча и приведенія въ извѣстность всего оставленнаго имъ научнаго матеріала. Затѣмъ Общество могло бы принять на себя изданіе его работъ и, обнародуя его труды, которые безъ того могутъ остаться неизвѣстными, тѣмъ самымъ достойно почтило бы его память. Отъ такого предпріятія Общество едвали было-бы въ убыткѣ".

„Н. Е. Мамоновъ, соглашаясь съ главною мыслію этого предложенія, замѣтилъ однако, что теперь едва ли удобно привести ее въ исполненіе. Желательно было бы знать напередъ намѣренія тѣхъ лицъ, у которыхъ въ рукахъ находятся бумаги И—на М—ча; почему онъ и полагалъ бы подождать съ назначеніемъ коммиссіи, а собрать предварительно частныя свѣдѣнія по этому предмету. Постановили: имѣть въ виду предложеніе В. Н. Бензенгера".

На другой день послѣ засѣданія, т. е. 4 марта, въ очередномъ № газеты нашего Общества, появилась слѣдующая датированная 22 февраля 1872 года передовая статья.

„Наши Медицинскія Общества, за исключеніемъ немногихъ, которыя основаны при университетахъ, возникли на нашей памяти. Исторія ихъ небогата годами, но уже полна внутреннимъ содержаніемъ.

„Въ прежнее время драгоцѣнный матеріалъ личныхъ опытовъ и наблюденій не переходилъ въ общее достояніе и пропадалъ непроизводительно для науки; теперь же въ Россіи открыто до 40 медицинскихъ Обществъ. Болѣе двадцатой части всѣхъ русскихъ врачей состоятъ членами ихъ. Личный трудъ каждаго сочлена быстро переходитъ въ общее достояніе, и всѣ Общества, дѣлая одно и то же дѣло на разныхъ концахъ нашего обширнаго отечества, служатъ одной мысли и стремятся къ одной цѣли: возвысить уровень русской медицинской науки. Таково ученое значеніе русскихъ медицинскихъ обществъ.

„Слѣдя за успѣхами науки во всемъ ученомъ мірѣ, они остаются вѣрны своей почвѣ и отвѣчаютъ требованіямъ русской жизни. Все добытое въ сферахъ науки они популяризируютъ въ обществѣ,

распространяютъ въ немъ правильные гигіеническіе взгляды, по отношенію къ народному здравію споспѣшествуютъ видамъ правительства, содѣйствуютъ задачамъ администраціи и въ этомъ смыслѣ поднимаютъ свою дѣятельность до значенія государственной и общественной. И чѣмъ пристальнѣе слѣдятъ они за наукой, чѣмъ ближе соприкасаются съ требованіями жизни, тѣмъ выше становится это ихъ значеніе. Слѣдовательно, дѣятельность ихъ не должна проходить безслѣдно, и труды и имена дѣятелей не могутъ пропадать невѣдомо, какъ прежде. Каждый сочленъ есть сотрудникъ всѣхъ Обществъ, вмѣстѣ взятыхъ, и мелкій плодъ труда каждаго есть достояніе цѣлой науки и всего народа.

„Въ этомъ смыслѣ исторія нашихъ Обществъ уже заслужила право на ученое и общественное вниманіе; но до сихъ поръ эта исторія есть лѣтопись трудовъ одного лица или тѣхъ немногихъ, около которыхъ составились, устроились и крѣпнутъ наши Общества. И какъ бы ни скрытна была дѣятельность каждаго изъ такихъ сочленовъ, всѣ Общества должны дорожить такими дѣятелями и дѣлиться признаніемъ и оцѣнкою ихъ мыслей, заботъ, трудовъ, усилій и борьбы за успѣхъ общаго дѣла. Имена этихъ дѣятелей составляютъ общее достояніе русскаго медицинскаго міра.

„Одинъ изъ такихъ общественныхъ дѣятелей, членъ Общества Русскихъ Врачей, докторъ медицины и хирургіи, *И. М. Соколовъ*, скончался 22 сего Февраля въ Москвѣ.

„Однимъ изъ первыхъ отозвался онъ сочувственно на мысль другаго незабвеннаго русскаго дѣятеля, *Ѳ. И. Иноземцева*,—основать частное Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ. Съ самаго основанія этого Общества, въ теченіи десяти лѣтъ къ ряду, онъ былъ его предсѣдателемъ.

„Задуманная Обществомъ программа требовала для своего осуществленія большихъ нравственныхъ силъ и не меньшихъ средствъ матеріальныхъ. Для успѣха дѣла надо было побороть равнодушіе, холодность и даже зависть; требовалась устойчивость въ борьбѣ и даже жертвы личнымъ самолюбіемъ. И не смотря на все, по званію предсѣдателя, И. М. съ замѣчательнымъ тактомъ съумѣлъ выйти изъ труднаго положенія и привести въ исполненіе задачи Общества. Въ программу Общества входила, между прочимъ мысль устроить лѣчебницу, въ которой приходящіе больные получали бы совѣтъ и пособіе за minimum платы. Для этого нужна была такая аптека, которая, будучи устроена вполнѣ соотвѣтствен-

по современнымъ требованіямъ, давала бы Обществу возможность снабжать больныхъ всякими пособіями и самыми цѣнными лѣкарствами за 20 коп. сереб. Энергіи, труду и такту И-на М-ча Общество обязано осуществленіемъ этой задачи. Личнымъ вліяніемъ онъ успѣлъ предрасположить высшую администрацію въ пользу этого предпріятія, литературными трудами популяризировалъ идеи Общества, возбудилъ къ нимъ сочувствіе просвѣщенной публики и привлекъ помощь благотворителей. Что задуманныя Обществомъ идеи были вѣрны требованіямъ жизни и осуществленіе ихъ благотворно, доказываютъ сотни тысячъ больныхъ, получившихъ въ лѣчебницѣ совѣтъ и медицинское пособіе. Что безъ помощи своей аптеки дѣло практическаго служенія страждущему человѣку въ такихъ размѣрахъ было бы невозможно для Общества, доказываетъ огромная цифра потребныхъ для того матеріальныхъ средствъ. Не обременяя ни казны государственной, ни городской, независимо даже отъ частной помощи благотворителей, Общество Русскихъ Врачей одними трудами своихъ членовъ, подающихъ безплатно совѣтъ приходящимъ въ лѣчебницу больнымъ, въ силахъ нынѣ оказывать серьезную услугу жителямъ столицы. Съ этой точки зрѣнія дѣятельность Общества и его бывшаго предсѣдателя получаетъ значеніе заслуги общественной въ широкомъ смыслѣ этого слова.

„Вотъ истинная мѣра заслуги перваго предсѣдателя Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ, *И. М. Соколова*.

„Въ предшествовавшемъ году неутомимая дѣятельность и вѣрность служенію медицинскому дѣлу отвлекли его въ новую сферу медико-административной спеціальности, но не истощили его сочувствія къ задачамъ и стремленіямъ Общества Русскихъ Врачей и не порвали нравственной между ними связи.

„Люди труда и любви къ труду общественному почтутъ въ покойномъ *И. М. Соколовѣ* своего достойнаго собрата“.

За тѣмъ въ рѣчи своей на годичномъ собраніи Общества 5-го января 1873 года секретарь А. И. Алмазовъ, упомянувъ о «тяжелой утратѣ», понесенной Обществомъ со смертью И-на М-ча, прибавилъ:

„я бы могъ привести не одинъ примѣръ изъ позднѣйшаго періода жизни Общества, несомнѣнно доказывающій, что покойный И-нъ М-чъ былъ необыкновенно чутокъ ко всякой опасности, откуда бы она ни грозила Обществу, и что всякая предстоящая

бѣда возбуждала огромный запасъ его энергіи до необыкновенныхъ размѣровъ". *)

Вотъ все, что сказано и сдѣлано нашимъ Обществомъ въ память Ивана Матвѣевича. Освѣжимъ теперь воспоминаніе о томъ, что изъ сказаннаго самимъ И—мъ М—мъ сохранилось въ печати нашего Общества. Мы не коснемся того, что вошло въ Московскую Медицинскую Газету въ качествѣ научныхъ сообщеній И—на М—ча. Для желающихъ припомнить рядъ этихъ сообщеній укажемъ на приложенный къ нашей книгѣ алфавитный указатель именъ дѣйствительныхъ членовъ и посѣтителей, почтившихъ Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ чтеніемъ своихъ статей и сообщеній въ засѣданіяхъ Общества, или напечатаніемъ ихъ въ Московской Медицинской Газетѣ. Припомнимъ только то, что сказано И—мъ М—мъ въ качествѣ перваго, можно сказать безсмѣннаго, предсѣдателя нашего Общества.

Возвратясь изъ заграничнаго путешествія и впервые вступая въ Общество въ качествѣ избраннаго имъ предсѣдателя, 15 Ноября 1861 года, въ рѣчи своей **), благодаря Общество за честь избранія, онъ обѣщалъ ему честное служеніе и насколько извѣстно намъ, какъ личнымъ свидѣтелямъ его дѣятельности по Обществу, ни разу не измѣнилъ этому обѣщанію. Въ первой своей рѣчи онъ высказалъ, что

„нравственно-научныя начала, проведенныя при созиданіи нашего Общества, соединенныя съ разумною свободою научнаго проявленія, при возможно-многообразномъ его приложеніи къ современнымъ потребностямъ русской жизни, будутъ служить главною и прочною основою и для его „посильной дѣятельности;"— что онъ постарается оправдать свое избраніе своею истинною готовностію служить (Обществу) подъ прикрытіемъ тѣхъ нравственно-научныхъ началъ, которыя выражены въ формахъ нашего Устава и которыя составляютъ основаніе Общества;—что онъ заявляетъ предъ лицемъ присутствующихъ и отсутствующихъ товарищей—членовъ, которые уже стали во главѣ двигателей науки и въ

---

*) Прот. 1873 г. стр. 3.

**) Московская Медицинская Газета 1861 № 49, стр. 449—450.

нашемъ отечествѣ, что онъ надѣется если не быть наравнѣ съ ними, то, по крайней мѣрѣ, не отставать отъ нихъ въ дѣлѣ соревнованія и стремленія достигать той высокой цѣли, которая еще при самомъ началѣ рожденія нашего юнаго Общества предстала каждому изъ сочленовъ главною задачей, а мысль о ней — путеводною звѣздой въ научной дѣятельности. Эта высокая цѣль есть сближеніе и нравственное единеніе врачей, разбросанныхъ по обширному государству Русскому. Чтобы, подъ знаменемъ науки, отдѣльнымъ и совокупнымъ трудомъ служить человѣчеству и тѣмъ вносить хотя малую, но чистую и безкорыстную лепту на алтарь служенія нашему дорогому, никѣмъ и ничѣмъ незамѣнимому отечеству, и притомъ въ такое многознаменательное время его возрожденія".

Затѣмъ по 16-е октября 1867 года, кромѣ научныхъ сообщеній, случайныхъ офиціальныхъ рѣчей въ годовщины и другіе торжественные дни Общества и предложеній по внутренней его организаціи и администраціи, мы не встрѣчаемъ словъ И—на М—ча. За то помнимъ, а по протоколамъ засѣданій Общества и теперь можемъ показать не «малую и безкорыстную лепту», но цѣлые ряды дѣлъ, въ которыхъ личному участію И—на М—ча принадлежитъ первое мѣсто.

Не будемъ перечислять ихъ. Изъ «воспоминаній» о нихъ вмѣстѣ съ «выраженіями любви, признательности и благодарности» за десятилѣтнее предсѣдательство въ нашемъ Обществѣ И—ну М—чу Соколову сплетенъ А. И. Клементовскимъ «неувядаемый вѣнокъ». Одинъ только цвѣтокъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы вплести ему въ этотъ вѣнокъ. Теперь настало для нашего Общества время признать и признаться, какъ важно было для него тогда, когда оно едва заявило и то однимъ своимъ названіемъ о будущемъ своемъ служеніи, чтобы сталъ во главѣ его и съ его именемъ соединилъ свое личное имя человѣкъ, получившій извѣстность на ученой, государственной и общественной службѣ не въ одной Москвѣ, но и въ ученыхъ сферахъ всей Россіи. И такому человѣку, сверхъ обыкновенныхъ качествъ, нужно было предварительно сродниться съ иде-

ею и направленіемъ Общества, воспитать въ себѣ вѣру въ правду его дѣла и при всемъ этомъ безкорыстно любить энергическій личный и общественный трудъ. И съ этими качествами не безъ гражданскаго мужества можно было рискнуть личнымъ самолюбіемъ, не сробѣть передъ трудностями новаго дѣла и не остыть къ нему при «равнодушіи, холодности и даже зависти» въ рядахъ самихъ товарищей по призванію и по Обществу. Всѣ эти качества нашлись и были признаны въ покойномъ И—нѣ М—чѣ. Вслѣдъ за отказомъ Ѳ. И. Иноземцева, Общество не усомнилось предложить предсѣдательство И—ну М—чу, и самъ Ѳ. И. подписалъ это предложеніе. Въ роли ближайшаго потомства намъ не нужно скрывать ни одной черты прошлаго. Мы помнимъ, что И. М. самъ собою и ранѣе избранія намѣтился въ предсѣдатели, и что предварительное предложеніе этого почетнѣйшаго въ Обществѣ званія Ѳ—ру И—чу было только удобною формою выраженія особеннаго къ нему почтенія и даже предпочтенія въ Обществѣ. Съ представительствомъ въ каждомъ возникающемъ общественномъ учрежденіи соединяется всегда—тяжелое предстательство за быть или не быть учрежденія. Чѣмъ отозвалось это предстательство И—на М—ча за наше Общество можно судить по нынѣшнему его состоянію. Въ справедливой оцѣнкѣ «добрыхъ дѣлъ и заслугъ» наше Общество сравняло И—на М—ча Соколова съ Ѳ. И. Иноземцевымъ еще тогда, когда постановило украсить бюстами обоихъ залу засѣданій и учредить степендіи этихъ двухъ памятныхъ Обществу именъ.

Мы были личными свидѣтелями и почитателями заслугъ И—на М—ча; мы имѣемъ право свидѣтельствовать, что въ такомъ признаніи заслугъ И—на М—ча не было ни пристрастія, ни преувеличенія со стороны Общества. И. М. въ качествѣ перваго предсѣдателя нашего Общества безъ устали и ропота несъ и вынесъ на своихъ плечахъ цѣлое бремя дѣлъ собирательной, устроительной, распорядительной, организаторской и административной дѣятельности. Онъ былъ истинный «собиратель» нашего Общества. Подроб-

ности и мелочи такого собиранія, отличаются и медленностію и особенною мимолетностію; изъ за этихъ свойствъ онѣ невозможны безъ способности сжиться съ ними, воспитать мысль, память и волю до непрерывающейся готовности уловить ихъ и безотлагательно выполнить. Отъ этого эти подробности незримы во время совершенія и только для людей, испытанныхъ ими, выступаютъ въ совокупности цѣлаго, черезъ нихъ совершеннаго. Предвидѣть ряды этихъ подробностей не трудно; но находить для нихъ готовыхъ исполнителей не легко. Къ счастію Общества, въ И. М. самъ собою сказался и нашелся именно такой исполнитель и «собиратель», какого было нужно. Общество знало его заранѣе и, разсчитывая на него, не ошиблось въ немъ. И. М. задолго до открытія нашего Общества мало-по-малу сложился и выросъ въ образцоваго «работника» по всякому дѣлу, за которое брался. Такіе образцовые работники не родятся, а самодѣятельно выростаютъ и всего чаще изъ суровыхъ и безотрадныхъ положеній жизни. Кто не симпатизируетъ особенно тѣмъ изъ такихъ работниковъ, которые избираютъ для себя задачи и дѣла высшихъ призваній и жизненный свой ростъ для нихъ зачинаютъ съ ранней юности, въ нуждѣ и безпріютности, безъ всякой обстановки и постановки, безъ сочувствія и ободренія, и всего чаще подъ смѣхомъ и гнётомъ сожителей въ какой нибудь непроглядной глуши? Сочленамъ по Обществу было извѣстно, что не на ложѣ изъ розъ началась жизнь И—на М—ча и что не безъ горечи сдѣлался онъ тѣмъ, чѣмъ былъ. Нравственная выправка началась для него съ ранняго дѣтства и въ самыхъ суровыхъ формахъ. Отъ того, быть можетъ, не сломился онъ подъ послѣдующими, не менѣе суровыми испытаніями въ жизни и изъ горнила ихъ вышелъ съ закаломъ человѣка, болѣе ревниваго къ заботамъ и трудамъ общественнымъ, нежели своимъ личнымъ. И—что особенно замѣчательно—изъ-за суровья въ подготовкѣ жизни онъ не вышелъ черствымъ себялюбцемъ. Напротивъ, по общему признанію, И. М. былъ человѣкъ доб-

рый, готовый на нравственную и матеріальную жертву и при всемъ этомъ обладавшій такими привлекательными качествами, каковы «необыкновенная скромность, кротость, терпѣливость и терпимость». И всѣмъ этимъ душевнымъ богатствомъ онъ «былъ обязанъ самому себѣ». Внутренній призывъ и самодѣятельность въ самовоспитаніи и самообразованіи, энергія доброй воли, неустанное стремленіе къ истинѣ и добру въ мысли и жизни,—таковы были завидныя личныя свойства, которыя создали изъ И—на М—ча человѣка ученаго и доучившагося до высокой жизненной мудрости и до замѣчательнаго житейскаго такта. И. М. умѣлъ жить съ людьми для людей и при разнообразныхъ столкновеніяхъ съ ними въ разныхъ положеніяхъ сберечь себя и въ себѣ—человѣка. Въ дѣтствѣ и юности трудомъ выбившись до порядочнаго общаго образованія въ одномъ изъ несовсѣмъ порядочныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, увлекаемый чистымъ и высшимъ своимъ призваніемъ, направился онъ въ Москву; полуголодный и полубосой добрался до нея,—удачно переступилъ экзаменъ въ университетъ, энергіею въ ученіи обратилъ на себя вниманіе ученой корпораціи, учеными трудами вприросъ къ ней, сдѣлался докторомъ медицины и хирургіи, студентами былъ выпрошенъ у начальства на университетскую каѳедру, 25-ть выпусковъ студентовъ обучилъ анатоміи и прославился какъ замѣчательный практикъ-хирургъ и какъ любимый врачъ-консультантъ въ разныхъ больницахъ и въ обширной частной практикѣ. Въ этихъ условіяхъ выгоднаго положенія онъ не опочилъ на лаврахъ, но поѣхалъ освѣжить и повѣрить свои знанія въ извѣстнѣйшихъ Европейскихъ Университетахъ. И только вернувшись изъ своего ученаго путешествія, онъ вступилъ предсѣдателемъ въ наше Общество. Тому, кто учился у И—на М—ча и впослѣдствіи лично и близко зналъ его, трудно удержаться отъ предположенія, что и за границу онъ ѣздилъ въ тѣхъ между прочимъ видахъ, чтобы никто не могъ сказать, что при его ученыхъ званіяхъ и въ его положеніи для предсѣдатель-

ства въ новомъ Обществѣ ему не доставало одной,—по часту предразсудочной, но все еще господствовавшей въ нашей недовольно осамившейся публикѣ, черты заграничной отдѣлки. Кромѣ значенія, какое И. М. внесъ съ собою въ наше Общество,—кромѣ трудовъ по предсѣдательству и соединенныхъ съ нимъ обыкновенныхъ нравственныхъ и матеріальныхъ пожертвованій, — И. М. сдѣлалъ въ наше Общество первый и богатый вкладъ для устройства при нашей лѣчебницѣ анатомо-патологическаго музеума. И, сверхъ всего, во все время и особенно въ послѣдніе годы своего предсѣдательства, наравнѣ съ другими сочленами, онъ былъ врачемъ-консультантомъ въ нашей лѣчебницѣ и аккуратно по два раза въ недѣлю принималъ въ ней больныхъ отъ 2 часу до 4 и $4^1/_2$ часовъ по полудни.

Не даромъ во всемъ предшествовавшемъ очеркѣ значенія И. М. Соколова для нашего Общества мы рисовали типъ самаго благожелательнаго человѣка и лучшаго «работника». Такимъ дѣйствительно онъ былъ при жизни въ нашемъ Обществѣ; и мы имѣемъ право на перифразъ заключенія привѣтственнаго слова Н. К. Беркута по поводу перемѣщенія лѣчебницы и аптеки Общества въ домъ Пороховщикова:

„Да будутъ же памятны намъ уроки прошедшаго и да послужатъ они на пользу дальнѣйшему процвѣтанію нашего учрежденія". *)

Мы скажемъ: да будетъ же памятна всѣмъ намъ дѣятельность И. М. Соколова и да послужитъ достойнымъ подражанія примѣромъ для каждаго изъ насъ!

Намъ скажутъ, что въ характеристикѣ учредителей и дѣятелей нашего Общества мы не удерживаемся отъ преувеличенія и напрасно поднимаемъ людей до апоѳеозы, скажутъ, что столь же напрасно мы приписываемъ Обществу выходящее изъ ряду значеніе, тогда какъ одинако-

---

*) Прот. засѣд. 21 Авг. 1870 г.

выми съ нимъ національными стремленіями живутъ всѣ русскія Общества и почти вся интеллигентная Россія. Скажутъ, что иныхъ стремленій и быть не можетъ въ такомъ государствѣ, которое сознаетъ свое историческое призваніе и осуществляетъ его такимъ, все въ себѣ захватывающимъ, прогрессивнымъ движеніемъ, каково современное. Мы предвидѣли подобные укоры и, признаваясь въ личныхъ отношеніяхъ къ дѣламъ и дѣлателямъ нашего Общества, разсчитывали именно на эти укоры. Мы знаемъ, что въ сравненіи съ современными стремленіями всей Россіи, стремленія нашего Общества и само оно суть только капли въ морѣ. И ничего другаго мы не желаемъ, какъ того, чтобы всѣ наши сочлены и все, что знаетъ о нашемъ Обществѣ, убѣдились, что для него точно также, какъ для всей Россіи, важны и почтенны люди, которые наблюдаютъ, чтобы въ капли безкорыстныхъ стремленій ихъ не проникало никакой грязи. Въ этомъ убѣжденіи мы смѣло превозносимъ основателей нашего Общества и съ особеннымъ почтеніемъ преклоняемся предъ всѣми искренно заботящимися о немъ и безкорыстно-трудящимися въ немъ сочленами. Наше сочувствіе къ нимъ мы не задумываемся доводить и поднимать до увлеченія; ибо они на себѣ доказываютъ, что не для всѣхъ сферъ жизни нужны Петры и Александры, что для труда въ жизни нужны обыкновенные, но компетентные, добросовѣстные и честные люди, т.-е. не одни имена, а дѣла; — дѣла же по времени создадутъ во всѣхъ сферахъ и людей, и дѣловыя задачи для нихъ.

Рисуя типъ образцоваго сочлена-работника въ нашемъ Обществѣ, мы не можемъ не напомнить и о тѣхъ терніяхъ, которыми сплетаемый И—ну М—чу вѣнокъ нерѣдко терзалъ его голову, а подъ часъ впивался и во всю его душу. Ни къ чему не нуженъ безплодный вопросъ, кѣмъ вплетены эти терніи. Но надъ причинами ихъ стоитъ подумать. Однородныя явленія повторились въ то время въ разныхъ сферахъ нашей ученой и общественной жизни:

слѣдовательно причины, породившія ихъ, составляютъ послѣдствіе и общую черту интересующаго насъ времени.

Чтобы объяснить нашимъ читателямъ общія причины, плодившія плевелы и терніи въ нашихъ ученыхъ и учащихся сферахъ, мы должны повторить, что наука въ своей искусственной обстановкѣ не могла разширить своей области до законныхъ предѣловъ въ нашемъ отечествѣ, что она довела число своихъ служителей и поклонниковъ до minimum'а, едва замѣтнаго въ русскомъ обществѣ и совсѣмъ незамѣтнаго въ русскомъ народѣ, и съ разу стала въ несвойственную ей роль чего-то приказаннаго и навязаннаго. Господствовавшіе классы общества сторонились отъ немногихъ ея служителей; а народъ открещивался отъ всего, соединеннаго съ ея именемъ, какъ отъ басурманщины. Такъ легла надолго непереходимая пропасть между нашею интеллигенціею и нашимъ народомъ. Только въ послѣднее время наша интеллигенція едва начинаетъ понимать свой народъ, а народъ едва началъ переставать держаться на-сторожѣ отъ своей интеллигенціи. Сильнѣе этого факта нельзя себѣ представить въ доказательство всесвѣтной истины, что въ данномъ государствѣ ученая сила, точно также, какъ воспитательная, церковная, гражданская, военная и всякая другая должна быть народная. Изъ-за отсутствія одного этого качества—всякая сила только кажется, но перестаетъ быть силою, т. е. сама себя обрекаетъ на безсиліе въ области своего приложенія. Такую отрицательную сторону доказываемой истины не трудно видѣть на той же исторіи науки въ нашемъ отечествѣ. Изъ-за одной давнишней прикровенности чужими покровами она надолго осталась у насъ чужимъ прививкомъ къ нашей почвѣ. Иностраннымъ учителямъ не могло придти охоты, а ученикамъ ихъ долго не приходило на мысль коснуться нашей почвы на глубинѣ корней. Учителя и ученики долго играли у насъ въ иностранную науку и въ этой игрѣ проигрывали и ее, и нашу въ ней репутацію и—что всего важнѣе—заставили насъ надолго запоз-

дать или «отстать» въ приложеніи науки къ нашей жизни. Истекаетъ первая половина втораго столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ воззвавшія къ необходимости науки жизненныя потребности выразились у насъ въ соотвѣтствующихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, а мы и до сихъ поръ видимъ и слышимъ, какъ тѣ же потребности настойчивѣе прежняго алчутъ и жаждутъ благотворнаго приложенія науки ко всѣмъ сторонамъ нашей жизни.

«Стало быть», возразятъ намъ, «дѣятельность нашихъ университетовъ была безплодна»?—Далеко не безплодна, но и не такъ плодотворна, какъ могла бы быть. Задержка въ развитіи нашей науки сдѣлалась неизбѣжною, потому что и прежде и долго послѣ насажденія ея, почти до нашихъ дней, далеко не всѣ способныя къ наукѣ силы пользовались у насъ дорогимъ правомъ и мало развитою возможностью учиться. Большинству мѣшали сословныя преграды, меньшинству—сословные предразсудки, а изъ тѣхъ сословій, которыя пользовались полнотою гражданскихъ правъ, не мало способныхъ силъ постоянно отвлекалось такими размножавшимися у насъ привиллегированными, высшими и средними, учебными заведеніями, которыя имѣютъ различныя профессіональныя назначенія и весьма мало общаго съ университетами и учеными школами. Все это съ постоянствомъ и силою системы обезсиливало университеты и ограничивало ихъ вліяніе на жизнь. Кромѣ этихъ двухъ, какъ бы систематическихъ, университеты должны были пережить и третью формацію искусственности науки въ Россіи. На нашей памяти гимназіи въ Россіи пережили цѣлые ряды нисколько неконсервативныхъ операцій. Мы разумѣемъ различныя реформы, пережитыя гимназіями съ 1847 по 1864 годъ.—Изъ-за этихъ реформъ не уцѣлѣло у насъ ни одной ученой школы. Съ разу и во всей Россіи понизилась, а потомъ и совсѣмъ прекратилась серьезная подготовка молодыхъ людей къ университетскому курсу. Университеты по необходимости стали наполняться худо-подготовленными студентами. Университетское

преподаваніе должно было понизиться въ содержаніи и формахъ, и ученая университетская корпорація покорилась необходимости—допустить узурпацію университетскими дипломами. Ничего другаго не оставалось университетамъ, какъ патентовать дипломами полуприготовленную и недоучившуюся въ большинствѣ молодежь. Такая фальшь стала подрывать серьезное образованіе въ глубинѣ его корней. Университетскіе дипломы пользуются у насъ большими преимуществами: издавна они играютъ роль пропускныхъ билетовъ во всѣ сферы и во всѣ функціи общественной и служебной жизни. По мѣрѣ того, какъ эти немаловажные билеты переставали спасать отъ полуобразованія, уровень общественнаго сознанія понижался и понизился, наконецъ, до утраты вѣры въ науку и жизнь, до нигилизма въ мысли и жизни. Здравый смыслъ истинно просвѣщенныхъ людей усмотрѣлъ бѣду, и серьезная печать раскрыла коренныя ея причины. Правительство не замедлило приступить къ основной перестройкѣ прежней системы народнаго образованія, но мы можемъ только, съ увѣренностію за будущее, привѣтствовать начало поворота къ лучшему въ русской мысли и въ русской жизни. Всѣ, кому истинно дороги семейные, общественные, народные и государственные интересы Россіи, какъ одно изъ важнѣйшихъ между современными историческими событіями, разсматриваютъ недавнюю учебную реформу, поставившую наши гимназіи на путь серьезнаго образованія. Съ подъемомъ гимназій, качественно поднимутся университеты и поднимутъ уровень общественнаго сознанія. Въ виду этихъ благодѣтельныхъ послѣдствій преступными становятся повторяющіеся у насъ вопли противъ реформы въ гимназіяхъ и не простительными—жалобы на то, что университеты перестаютъ быть широкими воротами, чрезъ которыя, въ послѣдніе годы безпрепятственно входили и выходили съ учеными дипломами цѣлыя серіи людей, не подготовленныхъ къ наукѣ, не заинтересованныхъ въ ней, а потому и не нужныхъ ей.

Описываемое положеніе науки въ нашемъ отечествѣ выступитъ рельефнѣе, если сравнимъ послѣдствія, какими отзывается за границею и у насъ присущее ей поступательное движеніе. Въ теченіе послѣдняго времени это движеніе совершается гигантскими шагами. Зачастую возникаютъ новыя воззрѣнія и быстро мѣняются методы ученаго изслѣдованія. Такъ химія изумляетъ непрерывающимся потокомъ новыхъ открытій; такъ въ гистологіи достигнуты изумительные результаты чрезъ приложеніе микроскопіи, въ терапіи при помощи термометріи, ларингоскопіи, офталмоскопіи, спирометріи и нѣкоторыхъ другихъ улучшенныхъ способовъ изслѣдованія болѣзней. Въ странахъ, опередившихъ насъ въ наукѣ, смѣна методовъ ученыхъ изслѣдованій рѣдко влечетъ за собою крутые перевороты и никогда не приводитъ къ ломкѣ въ сферахъ науки. Истинный ученый прогрессъ всегда консервативенъ. Развитая за границею ученая литература внимательно отмѣчаетъ всякую новую попытку въ наукѣ, но не тратитъ много словъ на сравнительную оцѣнку новыхъ попытокъ съ провѣренными и оправдавшимися опытами. Отъ этой недосказанности въ ученой критикѣ никто ничего не теряетъ. Относительно—высокій научный уровень въ ученомъ сословіи обезпечиваетъ его отъ неумѣреннаго увлеченія всякою заявленною новостію. При развитой литературѣ и при высокомъ ученомъ уровнѣ нельзя ни отстать въ наукѣ, ни подвергнуться опасности изъ-за личнаго пристрастія къ тому или другому изъ мѣняющихся способовъ изслѣдованія, потерять изъ виду связь новаго съ прежнимъ, т. е. исторію и цѣль науки. У насъ, напротивъ, ученая литература не развилась и ученый уровень не поднялся до требуемой нормы. Отъ этого у насъ не мало критическихъ статей и весьма мало ученой критики. Отъ того въ нашей печати нерѣдко можно встрѣтить отзывы въ родѣ слѣдующаго:

„Неуваженіе къ наукѣ и труду сдѣлали то, что у насъ нѣтъ науки, и трудъ замѣнился пронырствомъ, прислуживаніемъ и т. п.

вещами (?). Наука и университетъ—это два понятія, которыя не мыслимы одно безъ другаго на Западѣ. Университетъ безъ науки—понятіе, совершенно правильно мыслимое въ Россіи. Вопросъ объ университетѣ есть одинъ изъ передовыхъ вопросовъ въ Россіи, требующихъ безотлагательнаго своего разрѣшенія. Много высказывается предположеній, печатается проэктовъ о преобразованіи университетовъ; много заявлено потребностей, съ удовлетвореніемъ которыхъ связано, какъ предполагаютъ, процвѣтаніе университетовъ. Пусть Гг. реформаторы придумаютъ такое преобразованіе, при которомъ нельзя было бы не уважать науки, и наука придетъ въ университетъ и сдѣлаетъ то, чего не сдѣлаетъ ни одна изъ самымъ благодѣтельныхъ реформъ, и вопросъ объ университетахъ, съ которымъ связаны будущія судьбы Россіи, разрѣшится самъ собою, естественнымъ путемъ. А до какихъ размѣровъ можетъ теперь достигать невѣжество въ наукѣ!—просто за человѣка страшно". *)

Подобнымъ отзывамъ сочувствовать нельзя: само себя опровергаетъ въ нихъ крайнее преувеличеніе. Тѣмъ не менѣе и эти отзывы интересны, какъ черты времени. Съ этимъ значеніемъ въ цитованномъ отзывѣ выступаютъ вопіющія жалобы на положеніе науки въ Россіи. Для осмотрительной критики современное положеніе и будущія судьбы науки въ Россіи выясняются иначе. Вопреки воплямъ и огульнымъ жалобамъ на университеты, ученая критика и теперь знаетъ въ университетахъ такія каѳедры, съ которыхъ также серьезно, какъ прежде, нестарѣющіяся и вновь открываемыя истины науки возглашаются для новыхъ поколѣній. И теперь въ университетахъ есть по прежнему любимые профессора, которые способны «заклинать» своихъ слушателей «не разрывать духовнаго союза съ университетомъ, наукою, учителями и товарищами». Но и теперь также, какъ прежде, для многихъ, съ успѣхомъ окончившихъ курсъ въ университетахъ, по выходѣ изъ нихъ, «тамъ все кончено». *) Наши университеты—не оповѣща-

---

*) М. М. Г. 1861 г. № 52, стр. 489.

*) Цитованныя фразы заимствованы изъ той рѣчи, которая была

ютъ о своей дѣятельности на всю Россію; печатные органы ихъ скудны и распространяются менѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Долго невызываемая и нисколько не поощряемая университетами и внѣ ихъ коснѣла въ оскуденіи ученая литература въ Россіи. Отъ этого новое направленіе въ наукѣ весьма часто являлось у насъ неожиданною новостью **) и сопровождалось крутыми поворотами въ ученомъ общественномъ мнѣніи. Успѣхъ въ наукѣ нерѣдко раздваивалъ его представителей на «отсталыхъ» и передовыхъ, и послѣдствія раздвоенія зачастую отзывались для обоихъ лагерей болѣе личною, чѣмъ ученою борьбою. Медицинскія науки сравнительно имѣли еще меньше серьезныхъ печатныхъ органовъ, которые были не богаты числомъ читателей и отъ этого конечно, мало развита была у насъ возможность распространенія нашей спеціальной науки. Всѣ эти явленія составляли естественное послѣдствіе того положенія, въ силу котораго наши университеты представлялись какъ бы рѣдкими оазисами науки на пространствѣ нашего отечества.

Теперь проходитъ это положеніе: средства къ распространенію знаній гораздо больше, въ помощь университетамъ возникаетъ множество ученыхъ обществъ, по разнымъ ученымъ спеціальностямъ. Въ нарожденіи и умноженіи разноименныхъ медицинскихъ обществъ слѣдуетъ привѣтствовать добровольныя попытки врачей—жить внѣ университетовъ одною съ ними жизнію. Ассоціація ученыхъ силъ можетъ поднять науку въ Россіи, можетъ надолго помирить ученыхъ между собою, увеличить ученые ихъ успѣхи, а черезъ успѣхи доставить имъ заслуженное уваженіе и положеніе въ обществѣ и народѣ. Чѣмъ болѣе будетъ у насъ

посвящена памяти Ѳ. И. Иноземцева нынѣшнимъ высокоуважаемымъ предсѣдателемъ нашего Общества, Н. К. Беркутомъ.

**) Всѣмъ памятно въ какое положеніе поставило медиц. факультетъ и его бывшихъ воспитанниковъ появленіе сочиненія Вирхова: „Целлулярная патологія“.

медицинскихъ обществъ и повременныхъ изданій для медицинскаго чтенія, тѣмъ скорѣе объединятся силы врачей, разбросанныхъ по всей Россіи. Чрезъ сближеніе ихъ на мѣстахъ ихъ дѣятельности вызовутся между ними силы и найдутся средства слѣдить за всѣмъ, что возглашается съ ученыхъ каѳедръ въ русскихъ и иностранныхъ университетахъ.

Каждый врачъ, куда бы ни занесла его судьба по выходѣ изъ университета, получитъ возможность не отставать въ наукѣ и въ тоже время не увлекаться безъ разбора всякою новостью. Для врачей разныхъ выпусковъ изъ университетовъ сдѣлается одинаково доступною наука въ ея новостяхъ и въ ея исторіи. Тогда не перерывами и не черезъ рядъ переворотовъ, но по закону исторической необходимости будетъ подвигаться у насъ наука и спокойно подчинять себѣ жизнь. Тогда не будетъ мѣста для нынѣшней словесной войны, обращающейся въ неминуемый ущербъ всѣмъ тяжущимся сторонамъ. Для безвѣрія въ достоинство и пользу науки, для такъ называемаго ученаго нигилизма и для всякихъ чудовищныхъ стремленій въ наукѣ и жизни не останется празднаго мѣста и времени. Въ наше время широко открыты пути ученымъ стремленіямъ, требуемымъ русскою жизнью. Ничего подобнаго не было въ пятидесятыхъ годахъ. Въ то время и тѣмъ немногимъ людямъ, которымъ ясно представлялись современныя задачи жизни и науки въ Россіи, приходилось доискиваться путей, правъ, возможностей и компетентныхъ ученыхъ силъ, чтобы культивировать науку въ Россіи въ національномъ направленіи. Не легко было русской наукѣ въ то время, когда въ нашемъ общественномъ мнѣніи господствовало смѣшеніе географическихъ терминовъ съ національными и политическими,—когда русской литературѣ навязывались заботы о «европейской» наукѣ и «европейской» цивилизаціи,—когда наша отечественная литература исключала изъ всемірной исторіи всю отечественную исторію до Петра Великаго. Отрицаніе собственной исторіи есть сильнѣйшее до-

казательство безсилія, почти отсутствія науки. Существованіе безсильной науки вреднѣе совершеннаго ея отсутствія. Это послѣднее не глумится надъ жизнію, и не заносится. Сознаніе поверхностно-затронутое наукою и запутавшееся въ ея фактахъ и формахъ теряетъ нравственную свободу и обращается противъ себя. Тамъ, гдѣ незаглушимая въ человѣческомъ сознаніи потребность науки не получаетъ истиннаго удовлетворенія, тамъ мѣсто науки не остается празднымъ: въ области образованія распложается полуневѣжество. Этотъ вреднѣйшій изъ всѣхъ видовъ невѣжества, подобно заноснымъ эпидеміямъ, поражаетъ людей массами и поколѣніями. Полуневѣжество есть самый жестокій врагъ и самый нестерпимый бичь цивилизаціи. Какъ душевное патологическое состояніе, оно лишаетъ людей способности правильнаго разумѣнія: оно отнимаетъ у людей возможность ученаго изслѣдованія. Оно допускаетъ ихъ вооружаться формами и снарядами, даже методами и способами ученаго изслѣдованія. Но оно кажетъ имъ жизнь только въ послѣдне-наблюдаемыхъ ими явленіяхъ. Даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ для изученія достаточно механическаго раздѣленія предметовъ, полуневѣжество заставляетъ людей, хотя бы во всеоружіи ученаго изслѣдованія, разсматривать и видѣть одну текущую форму предметовъ и явленій. Оно не даетъ людямъ сообразить, что единичная форма ускользаетъ отъ всесторонняго наблюденія и въ самый моментъ изслѣдованія исчезаетъ, подобно множеству прежнихъ, исчезнувшихъ формъ. Изъ-за однѣхъ единичныхъ и постоянно протекающихъ во времени формъ полуневѣжество никогда не досматривается до закона исторической необходимости, до закона спокойнаго и вииословнаго послѣдованія явленій въ наукѣ и жизни. Только оно одно всегда и всюду жадно ищетъ переворотовъ и ломки въ жизни. Оно упорно отвращается отъ всякаго историческаго изученія и послѣдованія и чрезъ то само себя лишаетъ способности трудиться для исторіи. Люди не даромъ видятъ въ исторіи уроки жизни, одно полуневѣ-

жество усматриваетъ въ ней свою смерть и боится ея. Для полуневѣжества никакая наука невозможна, ибо невозможна ея исторія.

„Ученый не тотъ, кто все знаетъ, — такого нѣтъ; и не тотъ, кто много знаетъ,—тутъ нѣтъ границъ; ученый тотъ, кто знаетъ что̀ можно знать и чего не знать въ наукѣ въ *данную минуту*; другими словами—который знаетъ, до какихъ предѣловъ онъ знаетъ. Немногіе знаютъ предѣлы своего незнанія“. *)

Этотъ афоризмъ долго, слишкомъ долго не высказывался въ нашей литературѣ. Слишкомъ долго здравыя философскія воззрѣнія искажались и даже отсутствовали въ содержаніи нашей беллетристики, отъ того этотъ, наиболѣе распространенный видъ литературы понижалъ уровень общественнаго сознанія, и вмѣстѣ съ нимъ и самъ понижался.

Общія черты времени сказались и въ нашемъ Обществѣ, и мы должны показать, по какимъ причинамъ и поводамъ возникали затрудненія въ нѣдрахъ самого Общества.

Въ числѣ первыхъ дѣятелей Общества выступили люди, которымъ никто не откажетъ въ ученой эрудиціи. Для такихъ людей во всемъ—внѣ ихъ и въ нихъ самихъ существуетъ исторія. Такіе люди не могутъ не дорожить исторіею вообще, потомъ исторіею своей спеціальности и—что не менѣе важно—исторіею своего личнаго образованія и своей личной дѣятельности. У нихъ было по личнымъ качествамъ достойное и ученымъ трудомъ въ ученомъ положеніи добытое ученое имя; у нихъ было заслуженое значеніе и положеніе въ наукѣ и въ жизни. Имъ не нужно было искать имени и положенія въ задуманномъ Обществѣ; и то и другое они внесли въ него съ собою. Такія достойныя личности предполагаютъ въ себѣ и другія, не всегда встрѣчающіяся качества. Во всю жизнь они, какъ достойнѣйшіе граждане своей стороны не воспитывали въ себѣ иной свободы, кромѣ нравственной и гражданской; а эта сво-

---

*) „Изъ бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго“ Русскій Арх. 1874 г. № 2, стр. 321.

бода нигдѣ и никогда не освобождаетъ людей отъ присущихъ каждому просвѣщенному человѣку нравственныхъ, служебныхъ и общественныхъ обязанностей. Никто не откажетъ имъ въ признаніи того, что они одушевлялись тою силою, которая называется самодѣятельностію. Этою силою первый предсѣдатель нашего Общества, до открытія его, И. М. Соколовъ намѣтилъ себя и за то былъ удостоенъ избранія въ предсѣдатели нашего Общества. Не всѣмъ дается честь соединять свое имя съ началомъ ученаго общественнаго учрежденія. Для этого нужна положительная сила заслугъ. Такая сила всегда скромна, незаносчива, умѣренна и консервативна. Не даромъ исторія міра свидѣтельствуетъ, что все лучшее въ человѣчествѣ совершалось только тогда, когда бралась за дѣло зиждительная сила людей «умѣренныхъ». Къ разряду такихъ людей принадлежали первые дѣятели нашего Общества. Собираніе его начали они съ «цѣлію способствовать самостоятельнымъ трудамъ отечественныхъ врачей на пользу медицины» *). Подъ эту общую формулу могли подходить всякія научныя стремленія всѣхъ врачей, живущихъ въ нашемъ отечествѣ. Уважая принципъ полной терпимости, вожаки Общества, по точному смыслу Устава, приглашали въ свои сочлены всѣхъ врачей,—и преданныхъ и не преданныхъ отечественнымъ интересамъ, готовыхъ и не готовыхъ, желающихъ и нежелающихъ подготовиться къ самостоятельнымъ трудамъ на пользу медицины. Для поступленія въ Общество по Уставу требовались: званіе врача, одно или два сообщенія, рекомендація или предложеніе кого-либо изъ членовъ и прежде всего предполагалась полная свобода—присоединиться или не присоединиться къ Обществу, т. е. сочувствіе или не сочувствіе его основнымъ идеямъ. Широкое приложеніе принципа терпимости оправдывалось и обезпечивалось убѣжденіемъ, что соединяя

*) См. § 1 Устава Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ.

ученыя и малоученыя медицинскія силы въ ученомъ трудѣ, Общество откроетъ первымъ полную возможность поднять вторыя на одинаково-высокій ученый уровень, а этотъ уровень не можетъ не объединить истинно-ученыя силы въ одномъ возможномъ и плодотворномъ въ Россіи національномъ направленіи. Такъ справедливо расчитывали на будущее члены учредители Общества. Но только подъ видомъ такихъ расчетовъ, а на самомъ дѣлѣ для своихъ личныхъ цѣлей воспользовались его терпимостію нѣкоторые, къ счастію, весьма немногіе члены. Общею имъ чертою было то, что, вступая въ наше Общество, они обманули себя и обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Весьма вѣроятно, что они предпослали выраженію своихъ желаній вступить въ члены Общества прочтеніе его Устава; но, судя по послѣдовавшимъ отношеніямъ ихъ къ едва начавшейся дѣятельности Общества, слѣдуетъ заключить, что они не потрудились предпослать этимъ отношеніямъ никакого, ни даже самаго поверхностнаго знакомства съ тѣмъ, что́, какъ и почему могли или не могли, успѣли или не успѣли сдѣлать, въ смыслѣ Устава, члены и должностныя лица Общества. Они не знали, что

„было время, когда денежныя средства Общества были далеко не въ блестящемъ состояніи, когда недостатокъ ихъ связывалъ по рукамъ и ногамъ; когда самыя завѣтныя его стремленія не могли быть осуществлены (многимъ изъ васъ памятны тѣ собранія, въ которыхъ не разъ высказались опасенія за существованіе Лѣчебницы и Аптеки); когда самое существованіе органа, служившаго выраженіемъ задачъ, взглядовъ и убѣжденій Общества, казалось болѣе невозможнымъ, по крайней мѣрѣ въ его прежнемъ видѣ; когда люди, наиболѣе принимавшіе къ сердцу стремленія и цѣли Общества, находили себя вынужденными заявить о необходимости прекращенія изданія газеты въ ея первоначальномъ видѣ,—главнѣйшимъ образомъ опять-таки въ силу не возможности для Общества давать субсидію на ея изданіе. Это было тяжелое время для Общества; но оно не потеряло вѣры въ свои силы, не пришло въ уныніе и не сложило рукъ въ виду того безъисходнаго положенія, въ которомъ находилось; напротивъ,

оно дѣятельно и неустанно работало надъ разрѣшеніемъ тѣхъ задачъ, которыя первыя стояли на очереди" *).

Безъ предварительнаго знакомства съ тѣми затрудненіями изъ-за которыхъ Общество не сразу могло перешагнуть чрезъ свою безпріютность, всякая текущая форма дѣятельности Общества членамъ-новичкамъ могла представиться какъ предметъ, легко поддающійся критикѣ, всего болѣе съ точки зрѣнія сложныхъ требованій Устава; а потомъ со всякихъ точекъ зрѣнія, даже изъ личныхъ видовъ. Въ дѣятельности Общества соединяется не мало такихъ условій, которыя могутъ доставить удовлетвореніе личнымъ цѣлямъ, — могутъ, напримѣръ, дать медицинскую извѣстность, а черезъ то и средства къ жизни въ нашемъ городѣ. Для такихъ цѣлей достаточно было-бы ввести въ обычай публикацію въ городскихъ газетахъ фамилій врачей, принимающихъ больныхъ въ Лѣчебницѣ Общества. Къ чести Общества по справедливости слѣдуетъ сказать, что члены его ставили личные интересы на послѣднемъ планѣ, а потому когда нѣкоторые потребовали публикаціи фамилій консультантовъ, то Общество отвергло это требованіе, хотя къ числу требовавшихъ эту мѣру примкнуло было нѣсколько такихъ членовъ, которые высказались за нее, какъ за одно изъ средствъ для вознагражденія консультантовъ за ихъ труды и даже какъ за одно изъ средствъ для увеличенія силъ и вообще для улучшенія Лѣчебницы. Образовавшееся меньшинство отстаивало свое требованіе тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ болѣе связывало съ нимъ своихъ личныхъ интересовъ и привлекло на свою сторону тѣхъ ревнителей Общества in abstracto, которые позже другихъ примкнули къ нему. Эти-то новички въ Обществѣ, безъ оглядки на трудности пережитаго, смѣлѣе всѣхъ воспользовались своимъ правомъ голоса и, придирчиво относясь къ большинству, изъ-за одного вопроса незамѣтно для себя внесли раздра-

*) См. Прот. 1873 года стр. 13. Рѣчь секретаря А. И. Алмазова.

женіе въ дебаты по всѣмъ вопросамъ Общества и составили изъ себя оппозицію. Такимъ путемъ составились въ Обществѣ двѣ значительныя числомъ партіи, руководимыя разными побужденіями. Къ чести оппозиціи слѣдуетъ сказать, что разладъ начался въ этомъ случаѣ изъ-за дѣла, т.-е. изъ-за такого вопроса, который могъ быть разрѣшенъ положительно и отрицательно на основаніи одинаково-сильныхъ съ той и другой стороны аргументовъ. Но на первое время отрицательное рѣшеніе было постановлено огромнымъ большинствомъ шаровъ. Этой предилекціи большинства слѣдовало бы противопоставить новый рядъ аргументовъ: слѣдовало бы ожидать послѣдовательной и полезной борьбы, безъ увлеченій и безъ посягательства на чье бы то ни было личное достоинство. Но увлекающіеся взяли верхъ въ меньшинствѣ и потребовали крутаго переворота, задумали перемѣну всей администраціи въ Обществѣ, чуть-ли не реорганизацію всего Общества. Открылось широкое поле всякимъ спорамъ, всякимъ пререканіямъ. Каждый почерпнувшій изъ летучаго листка последней попавшейся подъ руку газеты послѣднюю въ наукѣ новость,—каждый, даже не умѣвшій отличить новости отъ гипотезы, выступалъ на арену съ нападеніемъ и совершенно прозрачно клеймилъ большинство огульнымъ укоромъ въ отсталости. Такъ за частую пустой и всегда неопредѣленный терминъ: «отсталые» получилъ широкое приложеніе въ нѣдрахъ ученаго Общества; право голоса въ немъ обратилось въ злоупотребленіе и серьезнымъ ученымъ бесѣдамъ стала угрожать опасность обратиться въ безсодержательныя словопренія. Не было пощады цѣлому Обществу; предсѣдатель, секретарь, совѣтъ лѣчебницы, консультанты лѣчебницы, редакція Газеты, — все подвергалось и весьма часто голословному порицанію. Многіе дѣятельные члены Общества стали рѣже посѣщать его засѣданія изъ опасенія подвергнуться личнымъ оскорбленіемъ, которыхъ нѣкоторые однако не избѣгли. Тогда Общество рѣшилось впервые воспользоваться соотвѣтствующимъ § своего Уста-

ва *), чтобы положить рѣшительный конецъ неидущей къ дѣлу и расплождаемой ими розни. Печальныя подробности этихъ первыхъ смутъ въ жизни Общества опубликованы въ свое время **), и представляютъ одну особенно-характерную черту: когда партіи помѣнялись ролями и нападавшіе обратились въ обвиняемыхъ, то съ ихъ стороны представлены были Обществу объясненія въ такомъ смыслѣ, что кодификація Устава не уполномочиваетъ Общество считать своимъ — оскорбленіе, нанесенное сочленами другъ другу въ Обществѣ.

Въ настоящее время, когда возбужденныя личныя страсти улеглись, можно спокойно и внимательно оцѣнить достоинство аргументовъ, по которымъ личныя оскорбленія должностнымъ лицамъ ученаго Общества выставлялись не относящимися до всего Общества. Въ нѣкоторыхъ сферахъ понятіе объ авторитетѣ сдѣлалось у насъ анахронизмомъ. Отъ этого, конечно, оно не перестало существовать и не утратило своей силы въ наукѣ и жизни. Каждое, а тѣмъ болѣе общественное учрежденіе не можетъ не считать присущимъ себѣ свойствомъ,—признавать высшимъ своимъ правомъ—свой общественный авторитетъ, а защиту его—высшею изъ своихъ обязанностей. Безъ этихъ критеріумовъ никакое общественное учрежденіе не мыслимо. Если въ его жизни нѣтъ и не можетъ быть закона высшаго самой его жизни, то для права на жизнь оно не можетъ не уважать своего авторитета, а для практики высшаго своего права на жизнь не можетъ не дѣлиться своимъ авторитетомъ съ своими должностными лицами. Съ этой точки зрѣнія актъ общественнаго избранія въ какую-бы то ни было должность получаетъ значеніе высокой чести и высокаго общественнаго довѣрія, а потому и не можетъ быть ни чѣмъ, кромѣ признанія личныхъ достоинствъ, заслугъ и авторитета каждаго избранника. Безъ такого пониманія не

---

*) См. § 30 Устава Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ.

**) Москов. Медиц. Газета 1870 г. №   стр.   и 1874 г. №   стр.

можетъ быть съ одной стороны побужденія къ посильной дѣятельности, а съ другой — гарантій и увѣренности въ добросовѣстномъ исполненіи довѣряемыхъ сочлену обязанностей. Если такое пониманіе безспорно важно для обществъ, матеріально вознаграждающихъ исполненіе возлагаемыхъ ими обязанностей, то тѣмъ рѣшительнѣе важность такого пониманія въ обществахъ, избирающихъ своихъ членовъ къ исполненію обязанностей, не оплачиваемому ничѣмъ, кромѣ чувства исполненнаго нравственнаго долга. Эти соображенія не могутъ быть оспариваемы. Руководясь ихъ законностью, невозможно не признать, что на каждое общество ложится тяжелая обязанность считать своими— личныя оскорбленія однихъ сочленовъ другими и тѣмъ болѣе тогда, когда эти оскорбленія касаются избранниковъ въ разныя должности по Обществу. Само собою очевидно, что самая тяжелая кара каждаго Общества, т.-е. обращенное къ сочлену рѣшеніе — перестать считать и называть себя его сочленомъ,—должна быть примѣняема къ такимъ проступкамъ. Стало-быть, въ разсматриваемомъ нами рѣшеніи Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ не было и нѣтъ инаго, кромѣ здраваго смысла, который выступилъ въ защиту авторитета Общества, и тѣмъ обеспечилъ его сочленамъ увѣренность, что и въ будущемъ оно не потерпитъ никакихъ посягательствъ ни на Общество, ни на его сочленовъ.

„И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ въ Обществѣ“, сказалъ въ своемъ годичномъ отчетѣ бывшій секретаремъ Общества Е. А. Покровскій—„господствовалъ духъ единства и самообладанія, дѣйствовавшій цѣлостнымъ единствомъ какъ бы одной личности; не замѣчали въ средѣ своей ни малѣйшаго проявленія какого-либо болѣзненнаго и придирчиваго раздраженія индивидуальныхъ претензій; у насъ не было какихъ-либо кружковъ—партій, наоборотъ были только вопросы общей пользы, къ которымъ исключительно всякій и стремился съ полнѣйшимъ довѣріемъ и вносилъ ихъ на общее безпристрастное обсужденіе“ *).

*) См. Протоколъ 1872 г. стр. 12. Изъ рѣчи секретаря Е. А. Покровскаго.

Единственно изъ-за серьезнаго и безпристрастнаго обсужденія текущихъ дѣлъ и зараждавшихся вопросовъ, первый изъ председателей Общества рѣшился на такую тяжелую для всѣхъ мѣру, каково забаллотированіе одного изъ сочленовъ. И. М. Соколовъ, а съ нимъ и все Общество не могли незнать, что такой рѣшительный шагъ сдѣлается извѣстнымъ чрезъ собственные протоколы всѣмъ однороднымъ Обществамъ въ Россіи и болѣе поразитъ ихъ изумленіемъ, чѣмъ возбудитъ сочувствіе. По самому свойству исключительной мѣры, ни откуда нельзя было ожидать одобренія и наоборотъ, отовсюду можно было ожидать если не громкаго, то молчаливаго порицанія. И дѣйствительно, печатные органы другихъ медицинскихъ Обществъ въ Россіи удовольствовались или коротенькимъ заявленіемъ о катастрофѣ, постигшей Общество Русскихъ врачей въ Москвѣ, или прямымъ умолчаніемъ, и это умолчаніе было принято всѣми нашими сочленами за деликатную форму уклоненія отъ критической оцѣнки совершившагося факта. Только «Современная Медицина» охарактеризовала принятое Обществомъ рѣшеніе, какъ обоюдуострый мечъ. И. М. Соколовъ думалъ предупредить катастрофу, устраненіемъ личнаго въ ней участія, и сложилъ съ себя на время званіе и обязанности председателя. Но вскорѣ послѣдовавшее вторичное избраніе его въ должность председателя снова поставило его лицомъ къ лицу съ представителями оппозиціи тогда, когда борьба доросла до полнаго разгара, но съ тѣмъ вмѣстѣ измельчала въ содержаніи и приняла тонъ, несовмѣстный съ достоинствомъ Общества. Всею тяжестью нравственной пытки ложилась эта борьба на ревностнаго «собирателя» Общества. Онъ не хотѣлъ, да и не могъ скрывать тѣхъ долгихъ нравственныхъ страданій и той внутренней борьбы, какія вынесъ въ немъ благожелательный человѣкъ прежде чѣмъ рѣшиться на примѣненіе тяжелаго параграфа Устава Общества. И не смотря на то, что цѣль была достигнута и прежнихъ «кружковъ и партій» не

стало въ Обществѣ, покойный И. М. Соколовъ до конца жизни не могъ забыть, что на такую мѣру долженъ былъ рѣшиться онъ, всегдашній представитель и поборникъ «честности и правдивости» во взаимныхъ отношеніяхъ людей во всѣхъ положеніяхъ.

И не одинъ первый предсѣдатель, но и всѣ члены Общества пережили съ нимъ прискорбный кризисъ. Впечатлѣніе его было такъ тягостно, что всѣ старались не возвращаться къ нему въ своихъ воспоминаніяхъ. Этимъ объясняется, почему Общество тогда же не постановило опредѣлительныхъ рѣшеній на случай повторенія фактовъ оскорбленія сочленовъ, и этотъ почти невольный недосмотръ возъимѣлъ для Общества свои печальныя послѣдствія. Едва исполнилось три года послѣ первой смуты, какъ протоколы Общества отъ 7-го Мая 1873 года, 26-го Апрѣля и 16-го Іюля 1874 года оповѣстили фактъ вторичнаго приложенія того же § Устава Общества. Внѣшняя сторона этой второй внутренней смуты въ Обществѣ представила собою новое явленіе не одной личной словесной борьбы, но и организованнаго противодѣйствія кореннымъ, какъ научнымъ, такъ и матеріальнымъ интересамъ Общества. Нужно же имѣть смѣлость откровенно высказать, что въ этой борьбѣ на сторонѣ антагонистовъ большинства замѣчались признаки крайней неразборчивости въ средствахъ. Такъ напримѣръ, они позволяли себѣ отклонять сотрудниковъ отъ газеты Общества, и когда предвидѣлось засѣданіе, въ которомъ по какимъ-либо случайностямъ большинство могло явиться въ лицѣ немногихъ членовъ, партія меньшинства успѣвала преднамѣренно помѣшать правильному теченію дѣлъ численнымъ перевѣсомъ шаровъ; а этотъ перевѣсъ составлялся изъ полномочія такихъ отсутствующихъ или живущихъ въ отдаленныхъ провинціяхъ членовъ, которые незнали и не могли предвидѣть возбуждаемыхъ въ Обществѣ вопросовъ. Что же касается внутренней, такъ сказать, психологической стороны факта, то она отличается весьма знамена-

тельною особенностью: антагонистами большинства явились врачи, избравшіе для своей практической дѣятельности или только намѣревавшіеся избрать одну какую-либо часть врачебной науки. Надъ этимъ явленіемъ нельзя не остановиться внимательнѣе и не указать на существенную его причину. Въ разсматриваемомъ явленіи не лишены особеннаго интереса такіе напримѣръ вопросы: почему сошлись въ одномъ враждебномъ для Общества стремленіи представители разныхъ и розничныхъ частей медицины? Въ самомъ дѣлѣ, что соединило въ одну партію столько практическихъ врачей?—Что могло быть общаго между людьми, такъ или иначе громко высказывавшими свои предилекціи къ тому или другому исключительному предмету своихъ занятій? Думаемъ почерпнуть отвѣты на эти вопросы не изъ сферы текущихъ явленій, но изъ области психологіи. Всякое знаніе есть сила: scientia est potentia. Но кто же не знаетъ, что всякое знаніе и всякая сила, будетъ ли то въ хорошую, или въ дурную сторону, располагаютъ къ признанію своего превосходства, къ гордости, къ самопоклоненію. Это естественное расположеніе совершенно изчезаетъ въ тотъ періодъ ученой жизни, когда наступаетъ пора серьезной, самостоятельной критики и сознательнаго убѣжденія, что знаніе безгранично, а потому ни у кого нѣтъ силъ и досуга овладѣть имъ во всей современной его полнотѣ. Въ этомъ убѣжденіи серьезной ученой мысли соприкасаются въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ границы разсматриваемой нами силы съ ея безсиліемъ. Но такого періода научной зрѣлости и ученой скромности достигаютъ не многіе. Не для всѣхъ онъ доступенъ, потому что многіе останавливаются на полдорогѣ къ знанію. Кромѣ того, занятія спеціальными науками кладутъ на своихъ адептовъ еще одну черту, которая выступаетъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ познанія ограниченнѣе. Эта характерная черта состоитъ въ равнодушіи къ другимъ знаніямъ: вниманіе, устремленное исключительно на одну спеціальность, теряетъ чуткость

ко всему, соприкасающемуся съ этою спеціальностью и все считаетъ маловажнымъ и малодостойнымъ знанія. Между врачами «ни для кого не секретъ, что наши спеціалисты представляютъ самый невысокій уровень общаго медицинскаго образованія и, кромѣ своей спеціальности, ни въ чемъ неповинны» *). При такихъ свойствахъ этихъ спеціалистовъ нѣтъ ничего мудренаго, что, попавши въ ученое Общество, они сочли себя силою, призванною располагать его судьбами по своему усмотрѣнію. Чтобы заявить ему о своей рѣшающей силѣ, нѣкоторые изъ нихъ позволили себѣ писать привѣтственныя телеграмы и дѣловыя письма отъ имени Общества, но безъ его уполномочія. «Люди тщеславные», по выраженію Гэкопа—«становятся идолами и кумирами для паразитовъ и рабами своего самовольства». Увлеченные этимъ самовольствомъ, они не задумывались то печатать на сторонѣ протоколы Общества въ своей собственной редакціи, то протестовать противъ такихъ подлинныхъ его протоколовъ, которые еще не были составлены, а потому и не утверждены Обществомъ. Когда такіе изъ ряду вонъ способы дѣйствованія выдѣлили немногихъ членовъ Общества въ особенный самоправный status in statu, оно нашло себя вынужденнымъ просить ихъ сложить съ себя званіе его членовъ. Но эта просьба не была уважена. Тогда Общество, утомленное праздною борьбою въ теченіе цѣлаго года, рѣшилось во второй разъ воспользоваться силою § 30-го своего Устава. Прибавлять ли къ сказанному, что этотъ параграфъ впервые примѣненъ былъ къ случаю борьбы изъза убѣжденій, а въ этотъ второй разъ онъ поразилъ смуту и рознь, разроставшіяся въ ущербъ цѣлямъ и насущнымъ интересамъ Общества...

Вся тягость этой продолжительной смуты и розни выпала на долю нынѣшняго, т. е. втораго предсѣдателя нашего

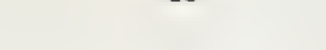
*) Мсков. Медиц. Газета № 38-й 1874 года.

Общества. На него же и сыпались искры остроумія газетныхъ фельетонистовъ и журнальныхъ хроникеровъ. Противъ него же могутъ быть обращены укоры и тѣхъ сочленовъ нашего Общества, которые искренно сочувствуютъ его задачамъ и успѣхамъ; но, живучи на разныхъ концахъ Россіи, не могутъ знать въ живыхъ подробностяхъ ни тѣхъ важныхъ затрудненій, ни мелочныхъ придирокъ, которыми сопровождается поступательное движеніе нашего Общества. Въ виду всего этого на насъ, личныхъ и постоянныхъ свидѣтеляхъ дѣятельности втораго высокоуважаемаго предсѣдателя нашего Общества, лежитъ обязанность публично засвидѣтельствовать, что съ первыхъ дней нашего Общества и до сего дня Н. К. Беркутъ не переставалъ трудиться въ немъ съ одинаковою добросовѣстностію и строго соображая свои дѣйствія съ тѣми правилами, которыя налагаетъ уставъ на каждаго члена или должностное его лицо. Да проститъ намъ всѣмъ извѣстная, всѣми признанная и всѣми высокочтимая скромность Н. К. Беркута, если въ заключеніе введенія въ историческій очеркъ нашего общества, мы позволимъ себѣ сгруппировать однѣ выпуклыя черты его непрерывающейся дѣятельности въ нашемъ Обществѣ. Мы имѣемъ на то право востолько, восколько эта дѣятельность публична.

Припомнимъ, что Н. К. Беркутъ принадлежалъ къ кружку бывшихъ учениковъ и ближайшихъ друзей Ѳ. И. Иноземцева. Припомнимъ, что гораздо ранѣе основанія Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ у Н. К. Беркута собирались тѣ немногіе врачи, которые задумали осуществить мысль объ Обществѣ, и что въ хронологическомъ спискѣ членовъ Общества имя Н. К. Беркута стоитъ третьимъ. Скоро исполнится четырнадцать лѣтъ существованія Общества, и ежегодные отчеты его свидѣтельствуютъ, что Н. К. Беркутъ изъ года въ годъ трудился въ Обществѣ по всѣмъ частямъ его дѣятельности и всегда въ одной изъ высшихъ должностей по единодушному избранію. Это изъ года въ годъ повторявшееся избраніе было выраженіемъ общаго

признанія, что Н. К. Беркутъ, своими личными и не прерывающимися заслугами Обществу, выдѣлялся на каждую должность и проходилъ ее съ одинаковымъ достоинствомъ. Въ этомъ смыслѣ Н. К. Беркутъ въ Обществѣ Русскихъ Врачей въ Москвѣ есть и достойнѣйшій носитель его идеи, и олицетворенное его направленіе, и живая его традиція, и ревностнѣйшій поборникъ его поступательныхъ стремленій, и лучшій его защитникъ, и истинный представитель его достоинства, и, наконецъ, по непререкаемому праву дѣйствительныхъ заслугъ, второй дѣйствительный предсѣдатель нашего Общества. Вслѣдъ за невольнымъ отказомъ С. А. Смирнова, Н. К. былъ избранъ товарищемъ перваго предсѣдателя. И въ этомъ званіи еще при жизни И. М. Соколова, во время его болѣзни или отсутствія, Н. К. не разъ выступалъ какъ достойнѣйшій представитель и истый двигатель дѣятельности Общества.—Чтобы убѣдиться, какъ онъ зналъ и понималъ эту дѣятельность и какъ относился къ ней Н. К., достаточно одного факта. Мы увѣрены, что всѣ наши сочлены, присутствовавшіе въ экстренномъ засѣданіи Общества, посвященномъ второму съѣзду естествоиспытателей въ Москвѣ, не могутъ не вспомнить, съ какимъ достоинствомъ Н. К. Беркутъ представительствовалъ за Общество, какъ сгруппировалъ всю его предшествовавшую дѣятельность и какими чертами намѣтилъ его виды и надежды въ своемъ правдивомъ и во всѣхъ отношеніяхъ превосходномъ отчетѣ. И съ другой стороны, чтобы убѣдиться, какъ способенъ Н. К. Беркутъ относиться къ каждому изъ достойнѣйшихъ своихъ сочленовъ, стоитъ припомнить содержаніе, характеръ и тонъ рѣчей, посвященныхъ имъ памяти отбывшихъ въ вѣчность сочленовъ Общества. Прибавимъ еще одну черту. Всегда исполняя обязанности того или другаго званія по Обществу, Н. К. Беркутъ почти постоянно былъ избираемъ въ члены то одной, то одновременно нѣсколькихъ спеціальныхъ коммисій, и не было ни одного случая, чтобы Н. К. отказался отъ участія въ какой бы то ни было коммиссіи. — Послѣ всего

сказаннаго заподозритъ ли кто насъ въ пристрастіи, если позволимъ себѣ печатно засвидѣтельствовать, что къ дѣламъ Общества Н. К. относился какъ всегдашній, безсмѣнный, безкорыстный работникъ, а къ дѣятелямъ Общества—какъ человѣкъ зорко ищущій и искренно уважающій человѣка въ каждомъ другомъ. И не смотря на эти, многимъ завидныя, но никому необидныя качества, именно въ тѣ выше очерченные періоды смутъ, когда по званію сперва товарища, а потомъ и председателя Общества, Н. К. Беркутъ открыто и смѣло, съ живымъ словомъ и дѣломъ, выступилъ на защиту самыхъ коренныхъ и самыхъ дорогихъ интересовъ Общества,—не разъ подвергался онъ незаслуженнымъ личнымъ нападкамъ и ни разу не заявилъ ни тѣни намѣренія уклониться отъ борьбы и отказаться отъ обязанностей званія, съ которымъ не соединялось для него ничего, кромѣ личныхъ непріятностей. Такая устойчивость въ дѣлѣ и дѣятельности есть непрерывающійся рядъ гражданскихъ поступковъ, требующихъ высокой гражданской честности и гражданскаго мужества. Но еще разъ скажемъ слово въ извиненіе за нашу невольную нескромность: предпринявъ составленіе историческаго очерка нашего Общества, мы бы не исполнили прямой своей обязанности, еслибы изъ какихъ либо личныхъ расчетовъ обошли молчаніемъ достойнѣйшую дѣятельность Н. К. Беркута. Suum cuique.

I.

ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ ПУБЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ

въ Москвѣ.

Въ предшествовавшемъ вступленіи мы видѣли, съ какими силами и средствами, въ какихъ формахъ, подъ какими впечатлѣніями и съ какимъ характеромъ выступило наше Общество въ свою общественную дѣятельность. Какъ отнеслись къ его учрежденію предшествовавшія ему медицинскія общества, мимоходомъ мы также видѣли. Здѣсь мѣсто сказать, съ какими впечатлѣніями и ожиданіями оно было встрѣчено Русскими Врачами на разныхъ концахъ Россіи,—другими словами, такъ-ли отнеслись они къ Обществу, какъ оно ожидало. Въ этомъ отношеніи всего лучше говорить словами самихъ провинціальныхъ врачей. Первые и весьма выразительные отзывы ихъ находимъ въ протоколѣ втораго засѣданія нашего Общества. Въ пун. 4-мъ этого протокола сказано, что

„И П. Чистосердовъ заявилъ отъ имени провинціальныхъ врачей сочувствіе къ Обществу Русскихъ Врачей въ Москвѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Мм. Гг! Являясь въ почтенное Общество Ваше, какъ бы (хотя и непризваннымъ) представителемъ изъ среды врачей *провинціальныхъ*, что могу принести съ собою интереснаго? Провинціальные врачи, въ особенности городовые и уѣздные, удалены отъ

центровъ просвѣщенія, столь близкаго врачамъ столичнымъ, врачамъ городовъ университетскихъ. Средства, доставляемыя современною администраціею для удовлетворенія ихъ умственныхъ нуждъ, для сціентифической разработки науки нашей, недостаточны; а подъ часъ еще ограничиваются произвольными требованіями мѣстныхъ властей, не удобоприложимыми къ дѣлу науки, отнимающими отъ врачей ту долю пользы для *общества*, которая бы истекала отъ нихъ при болѣе правильной, нормальной обстановкѣ. Требованія же мѣстъ и лицъ, не посвященныхъ въ тайны медицины, по бо̀льшей части отличаются *расчетливою* холодностію къ дѣлу врачей, и не рѣдко навязываютъ совершенно чуждый имъ трудъ, несовмѣстимый даже съ физическими силами человѣка, и имъ же потомъ обращаемый въ укоризну.

„Такимъ образомъ провинціальные врачи, едва изъ-подъ крова академическаго, вступивъ на правильный путь жизни практической, въ большинствѣ случаевъ должны останавливаться на полудорогѣ, боясь шиповъ и терній грядущаго.

„Современная медицинская литература возбудила нѣсколько живыхъ вопросовъ на счетъ печальной участи этихъ, заброшенныхъ судьбою, врачей; но все-таки вопросъ жизни ихъ не разрѣшенъ: положеніе ихъ въ обществѣ, ихъ бытъ матеріальный и умственный пока далеко не такъ удовлетворены, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, какъ бы слѣдовало ожидать и отъ нашей отчизны. Утрата для науки отъ того не велика; положимъ, что она мало воздѣлывается въ глуши провинціальной, оставляя за собою обширное поле для дѣятельноети столичныхъ врачей—своихъ тружениковъ; но какъ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ на пользу науки разсѣяно *тамъ* и *сямъ* въ разныхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи, матеріаловъ совсѣмъ недоступныхъ врачамъ столицы, которыхъ почти некому собирать донынѣ и въ провинціи. Дикорастущіе на плодовитой русской почвѣ матеріалы эти во множествѣ остаются неизвѣстными для науки; ихъ не коснулся еще, не тронулъ *коренной* русскій медицинскій плугъ.

Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ тѣмъ уже, такъ сказать, обязываетъ науку и оказываетъ большую услугу дѣятелямъ ея, что, выполняя данную программу, предоставило себѣ право принимать въ сочлены и лицъ врачебнаго сословія, живущихъ внѣ Москвы (§ 23 Устава). Такимъ образомъ само дѣлаетъ первый, замѣчательный шагъ къ сближенію врачебнаго сословія, къ

тому умственному, научному общенію, безъ котораго и само оно не мыслимо, которое оживотворяетъ *дѣло*, развивая шире и шире его благородныя цѣли; безъ этого общенія, безъ единства цѣлей нѣтъ жизни, не бываетъ энергіи въ дѣлѣ. И самая наука была бы тогда сосудомъ не полнымъ, хотя и не заключающимъ въ себѣ началъ вредоносныхъ,—свѣтильникомъ, мерцающимъ къ пещерѣ, но не согрѣвающимъ послѣдней.

„Совокупное, дружное дѣйствіе ученыхъ корпорацій всегда ведетъ вѣрнѣе къ предположенной цѣли и достигаетъ желаемыхъ результатовъ, чѣмъ разобщенныя силы коллегіальнаго (корпоративнаго?) быта врачей и отдѣльныя стремленія отдѣльныхъ лицъ, хотя бы гласныхъ и знаменитыхъ своими учеными заслугами,— чѣмъ такія дѣйствія, которыя сберегаются втайнѣ въ пользу личныхъ только интерессовъ, а въ ущербъ общему благу. При такомъ направленіи всегда выигрышь на сторонѣ *дѣла*: тутъ вступаетъ на сцену не односторонняя какая-нибудь мысль, прикрытая нерѣдко авторитетомъ, вытекающимъ изъ старшинства или знаковъ отличія, а цѣлая сумма разнородныхъ мнѣній, запечатлѣнныхъ единствомъ цѣлей; свободный же и притомъ совѣстливый обмѣнъ мыслей о какомъ бы то ни было предметѣ, уже заранѣе есть лучшій предвѣстникъ истиннаго прогресса, двигатель разумныхъ силъ, гдѣ бы онѣ не находились, когда бы ни проявлялись. При такомъ направленіи и скудная наша провинціальная медицина, едва подкрѣпляемая полумѣрами, быть можетъ, вышла бы изъ того оцѣпенѣнія, въ которомъ пребываетъ донынѣ. При противномъ направленіи, т.-е. тамъ, гдѣ играетъ свою роль духъ разъединенія, возникаютъ разныя, иногда въ основаніи нелѣпыя *школы*, обременяющія медицину своими странными, *раскольническими* понятіями, которыя въ свою очередь впадаютъ въ крайность, производя не совсѣмъ полезныхъ *гомеопатовъ*, не всегда вѣрныхъ *гидропатовъ*, *галактофаговъ* и друг. Діогены въ наше время не нужны, и тѣмъ менѣе они должны быть въ наукѣ медицинской, которая домогается не одныхъ только чисто теоретическихъ, или философскихъ выводовъ, а путемъ опыта и наблюденій старается и должна искать истины общедоступныя, понятныя всѣмъ и каждому, — истины, главная и единственная цѣль которыхъ заключается въ возможно большемъ примѣненіи ихъ къ жизни людей, къ сбереженію общественнаго здоровья. Тутъ медикъ соприкасаясь къ цѣлому обществу гражданскому, есть не-

обходимѣйшій его членъ — conditio sine qua non.... Но пока общіе медицинскіе интересы не будутъ сочтены, пока не отдадутъ должнаго врачамъ городовъ и уѣздовъ, постановивъ въ уровень съ сосѣдями ихъ, такъ называемыми—судьями, исправниками, городничими и друг., а губернскія медицинскія учрежденія, отнявъ отъ нихъ названія, свойственныя ремесленнымъ цѣхамъ, не сравняютъ въ правахъ со всѣми возможными *палатами*: до тѣхъ поръ и медицина наша русская не будетъ хорошо воздѣлана, не будетъ полна, а самостоятельный, трудный подвигъ дѣятелей ея— не состоятеленъ, потому что лишенъ всеобщаго содѣйствія, — и не принесетъ желаемой пользы для науки и народа, потому что стѣснителенъ, не огражденъ отъ произвола *мѣстъ* и *лицъ*, подрывается слабостію средствъ научныхъ, заваленъ безконечными требованіями безполезнаго канцелярскаго формализма, безплодно поглощающаго и время и трудъ. При подобныхъ условіяхъ умъ человѣческій не производителенъ, способности мельчаютъ, и всякая, откуда-либо появившаяся, дѣльная мысль или гаснетъ безвозвратно на самой зарѣ своей жизни, или превращается въ жалкую машину, колеса которой стираются потомъ до однообразія со всѣмъ окружающимъ механизмомъ.

Вновь возникшему, Высочайше утвержденному *Обществу Русскихъ Врачей въ Москвѣ* предстоитъ важная задача поддержать, поощрять стремленія на многотрудномъ пути къ разработкѣ отечественной медицины, какъ науки, въ духѣ національномъ, чуждой рабства и унизительнаго поклонничества, чтобы наконецъ наука эта сбросила съ себя тяжкія оковы иноземнаго владычества, столь противнаго натурѣ истинно русскаго человѣка. А всемірная исторія представляетъ намъ, Мм. Гг., утѣшительные примѣры, гдѣ ученики и подражатели не только равнялись, но и превосходили въ наукахъ и искусствахъ *класическихъ* учителей. Такъ Римляне, шедшіе по слѣдамъ побѣжденныхъ учителей своихъ—древнихъ Грековъ, затмили наконецъ славу послѣднихъ, и, водворенныя на развалинахъ громадной Римской имперіи, нѣкоторыя современныя европейскія государства во многихъ отношеніяхъ опередили своихъ знаменитыхъ предковъ на поприщѣ просвѣщенія и цивилизацій.“ *)

---

*) Прибавленіе къ № 29 М. М. Г., 1861, стр. 234 и 235.

Такой выразительный отзывъ провинціальныхъ врачей прибавляетъ сильное и подлинное свидѣтельство, что не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи одинаково сознавалась необходимость Общества Русскихъ Врачей.—и, быть можетъ, съ одинаковымъ по всюду нетерпѣніемъ ожидалось его появленіе. Для скептиковъ забѣгаемъ на минуту впередъ и отвѣчаемъ на возраженіе, — которое, по всему вѣроятію, не появится въ печати и, пожалуй, не перейдетъ даже въ слово, но только возникнетъ въ умѣ и, быть можетъ, отзовется въ молчаливой улыбкѣ одного изъ такихъ врачей, которые въ первой рѣчи С. А. Смирнова признаются *нерусскими*. Одинъ изъ такихъ, быть можетъ, подумаетъ: «Общество Русскихъ Врачей пережило первое десятилѣтіе, а положеніе врачей въ обществѣ и врачебной науки въ Россіи во многомъ весьма мало измѣнилось къ лучшему и, пожалуй, вовсе не измѣнилось; а если и измѣнилось, то въ какой мѣрѣ къ тому содѣйствовало наше Общество? Въ отвѣтъ на что-либо подобное припомнимъ, что сказано выше: жизнь всегда не уступчива, и торжество науки прямо пропорціонально развитію даже путей сообщенія, т. е. современному и совмѣстному развитію каждаго фактора внутренней и внѣшней жизни. И, кромѣ того, Общество Русскихъ Врачей далеко отъ мысли претендовать на что либо подобное. Но для насъ весьма важно, что бы теперь же была признана безспорность того факта что

„сочувствіе къ цѣлямъ Общества было высказано какъ медицинскими періодическими изданіями, такъ и не медицинскими, и при томъ не только русскими, но и иностранными *).

Не обойдемъ молчаніемъ и еще одного вопроса: возникло-ли наше Общество безъ борьбы, или противодѣйствія съ какой нибудь стороны? Борьба вызывается обыкновенно

*) См. первый отчетъ Общества, М. М. Г. № 1, 1862 г., стр. 3.

сильными. Во время возникновенія нашего Общества русскіе врачи въ Россіи были сильны «численностію, но за то и слабы своимъ единодушіемъ». Съ безсильными не борятся. Факты явнаго противодѣйствія также неизвѣстны намъ, да и собирать ихъ мы не трудились. Весь свой матеріалъ мы черпаемъ изъ М. М. Г., во сколько она служила идеѣ Общества Русскихъ Врачей и была органомъ самого Общества,—а также изъ его протоколовъ. А въ этой Газетѣ за 1861 г., именно въ первой рѣчи С. А. Смирнова, замѣчено что ранѣе открытія нашего Общества до основателей его доходили слухи о пущенномъ въ публикѣ «укорѣ въ исключительности». Въ началѣ 1862 года,—бывшій Секретарь Общества, А. И. Клементовскій счелъ за нужное внести въ свой годичный отчетъ,

„что нашлись люди, которые встрѣтили Общество на первыхъ порахъ и порицаніемъ. Такъ на прим. упрекали его за то, что оно желаетъ имѣть своими членами только лицъ, достигшихъ извѣстности и чѣмъ нибудь отличившихся“.

Но Общество Русскихъ Врачей фактически опровергло этотъ укоръ,

„избирая иногда въ члены свои лицъ, не пріобрѣтшихъ литературной (а мы прибавимъ и никакой другой) извѣстности (кромѣ пріобрѣтеннаго ученіемъ медицинскаго званія). „Повторимъ опять, что мы желаемъ болѣе теплой и истинной любви къ русской медицинѣ, нежели холодной и равнодушной учености, выросшей на почвѣ космополитизма“.

Происхожденіе подобнаго рода слуховъ, упрековъ, порицаній и даже глумленія столько же понятно, сколько ясны побужденія вызывающія «смѣхъ надменный». Каждое новое явленіе въ жизни будитъ молву, даетъ ей просторъ и питаетъ несбыточные слухи. До открытія Общества молва могла взвести на него обвиненіе въ «исключительности», т.-е. встрѣтить новое Общество своего рода извѣтомъ предъ просвѣщеннымъ обществомъ. Упрекать въ исключительности почти тоже, что упрекать въ ограниченной интеллигентности. Упрекъ могъ быть не основатель-

нымъ, но для него не трудно подыскать нѣкоторый видъ основательности. Стоитъ только дать волю такимъ, напр., логическимъ выводамъ: Общество открыто небольшимъ кружкомъ людей *крайне-одностороннихъ воззрѣній;* оно не можетъ не нуждаться столько въ насущныхъ средствахъ, сколько и въ насущныхъ просвѣщенныхъ силахъ; а въ кружкѣ преобладаетъ исключительность, отсталость и узость въ воззрѣніяхъ, однѣ претензіи заносчиваго невѣжества, полуученое изувѣрство и все, что угодно въ этомъ родѣ. Молва можетъ преувеличить ad absurdum и положительныя и отрицательныя свойства всего, что поражаетъ новостью и отличается неизвѣстностію. Но не совсѣмъ понятно, чѣмъ могла питаться молва послѣ того, какъ Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ заявило о себѣ не только словомъ, но и такимъ дѣломъ, какъ проэктъ съѣзда Русскихъ врачей и естествоиспытателей; одного такого проэкта слишкомъ достаточно, чтобы приникнуть къ Обществу если не участіемъ и сотрудничествомъ, то вниманіемъ, сочувствіемъ и благими пожеланіями. И дѣйствительно, на призывъ нашего Общества съ разныхъ концовъ Россіи откликнулись многіе изъ однородныхъ ученыхъ учрежденій и обѣщали взаимный обмѣнъ мыслей и дѣятельное сотрудничество. Однакожъ рядомъ съ такими заявленіями въ М. М. Г. *) записано, что въ началѣ 1862 года ученый секретарь Московскаго Физико-Медицинскаго Общества, К. Я. Млодзіевскій, въ рѣчи своей на годичномъ собраніи, лестно отозвавшись «о надеждахъ, возбужденныхъ Обществомъ Русскихъ Врачей въ Москвѣ», счелъ за нужное прибавить, что

„это Общество, состоящее большею частію изъ воспитанниковъ Московскаго Университета, есть нѣкоторымъ образомъ соперникъ Медицинскаго Факультета“.

Такой, ни на чемъ неоснованный, отзывъ по меньшей мѣрѣ озадачилъ благомыслящихъ людей своею «исключи-

---

*) М. М. Г. № 6, 1862 г.

тельностію», а вѣстовщикамъ далъ поводъ носиться съ предположеніями, откуда могъ выходить падавшій на наше Общество упрекъ въ «исключительности». Всего страннѣе было то, что только изъ одного старѣйшаго изъ всѣхъ однородныхъ учрежденій во всей Россіи и при томъ основаннаго alma matre науки въ Россіи, т. е. изъ Московскаго Физико-Медицинскаго Общества послышалось поспѣшное сужденіе, во многихъ отношеніяхъ не выгодное для нашего, тогда едва слагавшагося Общества. Въ этомъ сужденіи какъ будто слышится, что прежніе слухи объ исключительности преувеличиваются до значенія «нѣкоторымъ образомъ» угрожающихъ Медицинскому факультету,—чѣмъ и какъ, объ этомъ можно только догадываться. Конечно, и до сихъ поръ эта quasi—угроза осталась въ области догадокъ. Пріемъ не новый: напустить страху въ одну сторону, чрезъ выраженіе его пригрозить другой сторонѣ и, противупоставивъ стороны одна другой, какъ два враждебные лагеря, той и другой при случаѣ нашептывать: videant consules. Каково бы ни было побужденіе къ такому сужденію—если бы даже оно вылетѣло изъ устъ г. ученаго секретаря, какъ случайный lapsus linguae,—во всякомъ случаѣ подобное сужденіе съ ученой каѳедры въ обѣихъ сторонахъ должно было отозваться, какъ noli me tangere. — и звучало на первыхъ порахъ, какъ раздражающій диссонансъ въ томъ аккордѣ общественныхъ отзывовъ, который громко звучалъ о столѣтнихъ заслугахъ общей almae matris. Конечно, ни Университетъ ни состоящее при немъ Физико-Медицинское Общество въ полномъ своемъ составѣ не могли и не могутъ заподозрить наше Общество въ непонятномъ и даже немыслимомъ замыслѣ противъ Медицинскаго факультета, и тѣмъ болѣе, что нѣкоторые члены сего послѣдняго были и есть въ числѣ учредителей и членовъ Общества. Если между служителями науки возникаетъ ученое соперничество, то оно не заподозривается и не порицается, какъ jalousie du métier, но привѣтствуется и поощряется, какъ плодотворное. Въ данномъ же случаѣ

указаніе на какое-то угрожающее соперничество, — допустимъ даже, что оно было неловкою фразой, но съ ученой каѳедры,—подняло цѣлую и продолжительную бурю и не противъ нашего Общества, но противъ Медицинскаго факультета. Сообщившій эту фразу корреспондентъ нашей газеты ограничился скромнымъ замѣчаніемъ:

„Смѣемъ увѣрить Физико-Медицинское Общество, что оно найдетъ во врачахъ дѣятельность, которая не связана съ преподаваніемъ въ университетѣ; т. е. найдетъ только соревнователей по наукѣ и при томъ признательныхъ за все добро, которое они получили, учась въ Университетѣ".

Такой скромный отзывъ подѣйствовалъ однакожъ какъ mot d'orde, на молодыхъ врачей, недавно вышедшихъ изъ университета. Многіе изъ нихъ имѣли причины считать себя обиженными, обиды же, нанесенныя имъ нѣкоторыми членами медицинскаго факультета, были такого свойства, что могли быть обжалованы только передъ экспертами. По этой причинѣ обиженные обратились къ газетѣ нашего Общества и наполнили ея столбцы подробнымъ изложеніемъ своихъ жалобъ и своими заключеніями, въ родѣ слѣдующаго:

„Медицинскій факультетъ портитъ сочиненія, проходящія чрезъ его руки, и тѣмъ подрываетъ довѣріе ко всѣмъ этимъ медицинскимъ книгамъ; можно ли при такомъ порядкѣ вещей взять въ руководство какую нибудь медицинскую книгу, разсмотрѣнную медицинскимъ факультетомъ"?

Подъ такимъ рѣзкимъ отзывомъ обиженное лице подписало свое имя. Обвиняемая сторона сочла за нужное миновать критику экспертовъ и, возражая, апеллировала къ суду общественнаго мнѣнія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Modus in rebus обязывалъ ограничиться одними возраженіями. Но потому только, что обвиненіе было напечатано въ газетѣ нашего Общества, возражатель сдѣлалъ замѣчаніе, направленное противъ чистоты намѣреній и дѣйствій всего Общества. Этою новою неловкостію редакція нашей газеты была поставлена въ необходимость снять вину съ неповиннаго въ данномъ случаѣ Общества и съ своей

стороны высказалась о медицинскомъ факультетѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Доказать, что медицинская наука процвѣтаетъ въ нихъ (т. е. въ нашихъ медицинскихъ факультетахъ), мы не могли да и никто не можетъ.—Что совершенство знаній составляетъ аттрибутъ членовъ медицинскаго факультета? Но этого не могутъ доказать и сами члены. Что трудъ и наука уважаются у насъ до такой степени, что нѣтъ мѣста ни пронырству, ни искательству, ни прислуживанію? Но при этомъ мы должны были бы привести множество фактовъ, которыхъ къ сожалѣнію, не имѣемъ“ *).

До такой откровенности дошли пререканія, конечно не изъ-за неловкой фразы ученаго К. Я. Млодзіевскаго, но по поводу ея. Разъ начавшіяся пререканія возникали и продолжались по первому представившемуся поводу и, какъ всегда, безъ всякихъ результатовъ. Это даетъ намъ право не цитовать ихъ. Достаточно и одного факта, изъ-за котораго разразилась цѣлая гроза пререканій. И этотъ фактъ, какъ черту времени, не безъ тяжелаго чувства занесли мы на страницы нашего очерка. Такъ или иначе, этотъ нерадостный фактъ свидѣтельствуетъ, что между нѣкоторыми членами медицинскаго факультета и нашего Общества существуетъ «разладъ» и что ранѣе или позже, какъ нибудь невзначай, этотъ разладъ можетъ воспользоваться первымъ представившимся поводомъ, чтобы длить безплодныя пререканія. Если причины разлада существуютъ и скрываются въ строѣ или нестроеніи нашего Общества или медицинскаго факультета, то въ интересѣ обѣихъ сторонъ слѣдовало бы unitis viribus и поскорѣе позаботиться, чтобы эти причины были раскрыты и устранены. Университетъ не можетъ не считать своею обязанностію указать каждому ученому, и даже близкому къ наукѣ Обществу на все, что въ немъ поставлено или совершается вопреки истиннымъ требованіямъ его дѣла. Что же касается нашего Общества, то оно не призвано указывать Университету на чтобы то ни

---

*) М. М. Г. № 5. 1861 года.

было въ его жизни. Чтобы въ данномъ случаѣ не заходить за предѣлы своего призванія, оно въ правѣ ограничиться однимъ напоминаніемъ заявленія, напечатаннаго въ его газетѣ за 1861 годъ. *) Мы разумѣемъ то заявленіе въ которомъ сказано, что знаменитѣйшій изъ живущихъ русскихъ врачей, Н. И. Пироговъ давнымъ-давно предложилъ задачу: «изложить сравнительно историческій ходъ университетскаго образованія въ Западной Европѣ и въ Россіи». **) Наша газета привѣтствовала эту задачу выраженіемъ убѣжденія, что

„съ выполненіемъ ея настанетъ новая эпоха для русской науки и что тогда рѣзко бросятся въ глаза всѣ недостатки нашихъ университетовъ, которыхъ (т. е. недостатковъ) многіе теперь и не видятъ и не знаютъ".

„Мы убѣждены также, продолжала газета,

„что никто не останется тогда равнодушнымъ къ недостаткамъ нашего образованія, которые служатъ къ униженію умственной стороны русскихъ и подаютъ поводъ иностранцамъ упрекать насъ во врожденныхъ органическихъ порокахъ, обрекающихъ славянское племя на низшую роль въ исторіи человѣчества. Отъ всей души благодаримъ и тѣхъ лицъ, которыя своими пожертвованіями собрали сумму, назначивъ премію за рѣшеніе этой задачи, и знаменитаго Н. И. Пирогова, который предложилъ ее. Мы не знаемъ, исполнена-ли эта задача и что сдѣлалось съ пожертвованною суммою".

Не слѣдуетъ ли и теперь повторить то же желаніе, чтобы кто нибудь разрѣшилъ задачу предложенную Н. И. Пироговымъ? Тогда навѣрное, прекратились бы всякія пререканія между Медицинскимъ Факультетомъ и нашимъ и другими Обществами.

---

*) М. М. Г. № 46, 1861 г.

**) Нѣчто подобное недавно печаталось въ Москов. Вѣдом. профессоромъ Н. А. Любимовымъ въ его „Университетскихъ письмахъ"; но задача Н. П. Пирогова взята Н. А. Любимовымъ не во всемъ ея объемѣ, и не по сравнительно-историческому методу.

Мы уже сказали, что въ началѣ своего существованія, Общество Русскихъ Врачей не имѣло собственнаго пріюта для своихъ засѣданій. Теперь скажемъ, гдѣ и какъ пріютилась и откуда выходила въ публику его ученая и общественная мысль. Первый оберегатель и редакторъ этой мысли, бывшій секретарь Общества, А. И. Клементовскій во второмъ его засѣданіи,

„предложилъ, въ видахъ гласности дѣйствій Общества, печатать протоколы засѣданій его, впредь до изданія собственной газеты, особыми приложеніями при Московской Медицинской Газетѣ“, и, предложеніе это „было“ принято большинствомъ голосовъ“ *).

Затѣмъ на послѣдней (252) стр. № 31 М. М. Г., отъ 5 Августа 1861 года мы находимъ замѣтку «отъ редакціи». Въ этой замѣткѣ сказано, что

„разрѣшеніе цензурнаго начальства на передачу редакціи М. М. Г. Обществу Русскихъ Врачей въ Москвѣ получено, и потому съ слѣдующаго № 32 Газета поступаетъ подъ редакцію Комитета, избраннаго Обществомъ. Изданіе ея въ этомъ году будетъ продолжено безъ особыхъ измѣненій“.

Потомъ въ № 34 М. М. Г. отъ 26 августа того же года, мы находимъ протоколъ засѣданія Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ, 2 августа 1861 года, а въ пунктѣ 7-мъ читаемъ слѣдующее:

„С. А. Смирновъ увѣдомилъ Общество, что главное управленіе цензуры дозволило передать М. М. Г. Обществу Русскихъ Врачей въ Москвѣ и разрѣшило выдавать ее по нынѣшней программѣ еженедѣльно въ объемѣ отъ одного до десяти листовъ. Затѣмъ онъ предложилъ: 1) передать веденіе Газеты Редакціонному Комитету подъ завѣдываніемъ и отвѣтственностію одного главнаго редактора. 2) Раздѣлить труды по изданію, подготовленію статей и т. п. между членами Комитета. 3) Раздѣлить редакцію по тремъ главнымъ отдѣламъ газеты, именно: по отдѣлу Русской медицины, по отдѣлу иностранной и по общественно-медицин-

---

*) Приложеніе къ № 29 М. М. Г. 1862 г. стр. 235. пун. 6.

скому. 4) Предоставить распредѣленіе подготовленнаго матеріала и составленія каждаго номера отвѣтственному редактору съ правомъ совѣщательнаго голоса другихъ редакторовъ. 5) Назначить при первой возможности гонораръ какъ редакторамъ, такъ и сотрудникамъ. 6) Измѣнить въ будущемъ году срокъ выхода Газеты сдѣлавъ ее изъ еженедѣльной двухнедѣльною и увеличить объемъ каждаго номера до 3-хъ листовъ. 7) Ставить особые оттиски статей и рисунковъ, требуемыхъ авторами, въ счетъ гонорара, или замѣнить ими самый гонораръ. 8) Оставить программу газеты въ прежнемъ видѣ и поставить на первомъ планѣ ея независимость, свободу мнѣнія и интересъ отечественной науки.—Г. Секретарь предложилъ съ своей стороны увеличить объемъ газеты въ нынѣшнемъ году, поставляя на видъ, что помѣщеніе имѣющихся въ распоряженіи редакціи статей въ газетѣ теперешняго объема крайне затруднительно".

И, наконецъ, въ пун. 9-мъ тогоже протокола сказано:

„Затѣмъ было приступлено къ избранію членовъ Редакціоннаго Комитета, въ который выбраны: Гг. Смирновъ, Клементовскій, Голицинскій, Мамоновъ и Ельцинскій; изъ нихъ главнымъ или отвѣтственнымъ редакторомъ былъ избранъ г. Клементовскій".

И такъ, 15-го Іюня 1861 г. Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ торжествовало свое оффиціальное открытіе, а къ началу Августа, т.-е. черезъ полтора мѣсяца, получило цензурное разрѣшеніе назвать М. М. Г. своимъ печатнымъ органомъ. Такая скорость и требовавшейся переписки и перехода газеты отъ прежней редакціи къ избранному Обществомъ Русскихъ Врачей редакціонному комитету объясняется тѣмъ, что съ самаго своего основанія М. М. Газета была органомъ нашего Общества и только не имѣла права назваться имъ, потому что само Общество, до полученія утвержденія своего Устава, не имѣло формальнаго права признавать себя существующимъ на законномъ основаніи. Мы отмѣчаемъ этотъ фактъ, чтобы по поводу его сказать, что Общество Русскихъ Врачей хотя и не имѣетъ оффиціальнаго права, но можетъ относить начало своего существованія, если не оффиціально, то въ медицинской пе-

чати ко времени выпуска первыхъ номеровъ Московской Медицинской Газеты.

Мы видѣли когда и какъ открыло Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ свою дѣятельность. Теперь постараемся представить, какъ съумѣло и въ чемъ успѣло оно въ теченіи тринадцати лѣтъ осуществить надежды и перенести въ жизнь готовыя мысли основателя національнаго направленія въ Русской медицинѣ.

По выраженію Гёте, «числа по меньшей мѣрѣ показываютъ, какъ міръ управляется». По первому взгляду, для непосредственнаго заключенія о томъ, какъ въ своемъ прошломъ управлялось и какъ, въ слѣдствіе того, справлялось съ своими задачами наше Общество, мы можемъ сравнить предѣльныя числа трудовъ его, т. е. сопоставить числа силъ, средствъ и дѣятельности Общества за первое полугодіе съ тѣми же числами за всѣ $13^1/_2$ лѣтъ.

Мы уже сказали, что открывшееся, но еще безпріютное и собиравшееся, Общество къ концу перваго полугодія состояло изъ 55 дѣйствительныхъ членовъ, что эти члены пожертвовали 1212 р. 80 к., изъ этихъ денегъ израсходовали на представлявшіяся нужды 134 р. 38 к., отложили на текущіе расходы 278 р. 42 к. и на всю задуманную въ будущемъ дѣятельность передали на храненіе въ Государственный банкъ 800 руб.

Иныя цифры за $13^1/_2$ лѣтъ приводятся въ сравнительной таблицѣ, приложенной къ нашей книгѣ. Въ теченіе $13^1/_2$ лѣтъ въ Обществѣ считалось 168 дѣйствительныхъ членовъ; изъ нихъ выбыло 49, въ томъ числѣ умерло 19, и къ 1 Января 1875 года состоитъ 57 дѣйствительныхъ членовъ и 62 члена корреспондента. Нѣкоторыми изъ этихъ членовъ приглашено къ сотрудничеству 136 членовъ соревнователей. Кромѣ того, съ 1865 года при Обществѣ состояло ежегодно отъ 9 до 33, а въ теченіе $9^1/_2$ лѣтъ практиковалось безплатно до 70 повивальныхъ бабокъ. Число ихъ постоянно и такъ возрастало, что управляющій Лѣчеб-

ницею Совѣтъ нашелъ серьезныя основанія ограничить ненужный приливъ ихъ.

Затѣмъ съ 1865 года, Общество перестало пользоваться даровымъ пріютомъ сперва въ домѣ Медико-Фармацевтическаго Общества, а потомъ въ библіотечномъ залѣ Г. А. Черткова, *) и нашло средство нанимать для своихъ учрежденій особенную квартиру. Наемная квартира Общества была на Арбатской улицѣ въ домѣ Лазарика съ 1865 по 1870 г., а съ того времени и до сихъ поръ находится на той же улицѣ въ болѣе обширномъ домѣ А. А. Пороховщикова. Но и эта новая квартира не даетъ возможности съ полнымъ удобствомъ устроить кабинеты: для библіотеки, читальни, для анатомическихъ препаратовъ и рисунковъ, для минераловъ; кабинеты для Лѣчебницы и помѣщенія аптеки съ ея лабораторіею и квартирами для аптечнаго персонала. Одинъ перечень состоящихъ при Обществѣ учрежденій показываетъ, что имъ частью получена въ даръ и главнымъ образомъ собрана и пріобрѣтена довольно значительная имущественная собственность. Предоставляя себѣ сказать въ главѣ о научной дѣятельности Общества про ученые и учено-литературные труды Общества, упомянемъ теперь, что оно имѣло 296 ординарныхъ и болѣе 50 экстренныхъ засѣданій, въ которыхъ членами и посѣтителями сдѣлано до 700 устныхъ и писанныхъ научныхъ сообщеній; издало 13 томовъ Московской Медицинской Газеты и 5 оригинальныхъ медицинскихъ сочиненій.

На устройство и содержаніе своихъ учрежденій, на газету и вообще на приведеніе въ исполненіе своихъ задачъ

---

*) Въ домѣ Г. А. Черткова Общество помѣщалось съ 1862 по 1865 годъ. „Въ благодарность за этотъ пріютъ, предложенный съ такимъ радушіемъ, Общество сочло необходимымъ выразить свою благодарность Г. А. Черткову въ особомъ адресѣ и предложить ему дипломъ на званіе члена соревнователя, безъ всякаго ограниченія условіями, обычными для гг. членовъ соревнователей“. Рѣчь Секретаря Общества, А. И. Клементовскаго въ годичномъ засѣданіи за 1864 годъ. М. М. Г. № 2, 1865 г. стр. 14.

дѣйствительные члены Общества въ теченіе 13½ лѣтъ пожертвовали единовременно . . . . . 1586 р.
годичными взносами . . . . 4635 »
Члены-соревнователи . . . . 6840 » 80 к.
А всего поступило въ оборотный капиталъ Общества. *) . . . . 328,138 р. 59½ к.

Изъ этой суммы въ 13½ лѣтъ по разнымъ отраслямъ дѣятельности Общества израсходовано 301,073 р. 31½ к.

Затѣмъ къ 1-му Января 1875 года капиталъ Общества состоитъ изъ слѣдующихъ суммъ:

1. Капиталъ неприкосновенный (пожертв.). 900 р.
2. На задачу Общества (пожертвов.). . . 180 »
3. На стипендію Иноземцева. . . . . . . 3407 » 35 к.
4. На стипендію Боткина. . . . . 440 »
5. Основный . . . . 1586 »
6. Запасный. . . . . 15,586 » 65 к.
7. Расходный . . . . 5656 » 21 к.

Итого . . . 27,756 р. 21 к.

Дѣятельность Лѣчебницы Общества за 9½ лѣтъ выражается въ слѣдующихъ числахъ:

Приходящими въ Лѣчебницу больными сдѣлано 314200 посѣщеній, — даровыхъ посѣщеній было 16302 ч.

Сдѣлано большихъ операцій. 410

Сдѣлано малыхъ операцій. 3085

Лежавшихъ больныхъ было: мужчинъ 25 и женщинъ 53. Лѣкарствъ по 187707 рецептамъ въ Лѣчебницу отпущено, по таксѣ изъ аптеки на сумму 83548 р. 27 к.

Предположивъ невозможное minimum, напр. отъ 5 до 10 минутъ, на врачебную консультацію каждому приходившему больному въ каждое его посѣщеніе, мы бы нашли, что на безвозмездный врачебный совѣтъ въ теченіе 9½ лѣтъ врачи-консультанты Общества употребили отъ 26000 до 52000 часовъ.

---

*) См. прилож. вѣдом. о приходѣ съ 1861 по 1875 г.

Чтобы не оскорбить жертвователей, мы не беремся выяснить личныхъ пожертвованій врачей—консультантовъ на переѣзды въ лѣчебницу и тѣ пріобрѣтенія, которыя они могли бы сдѣлать, еслибы посвящали жертвуемое Лѣчебницѣ время другимъ оплачиваемымъ занятіямъ.

Если числа суть стражи всякаго благосостоянія, то сейчасъ приведенныя числа даютъ право заключить о матеріальномъ благосостояніи Общества, объ успѣшномъ общественномъ служеніи его Лѣчебницы и вообще о достаточной объ ней заботливости членовъ со стороны матеріальнаго и врачебнаго обезпеченія.

Но за числами признается значеніе неподкупныхъ свидѣтельствъ не во всѣ стороны каждаго дѣла. Чтобы намекнуть на степень осмотрительности при заключеніяхъ по числамъ, возьмемъ остроумную характеристику ихъ у такого изъ современныхъ ученыхъ, который многимъ и во многомъ по своей спеціальности обязанъ выводамъ изъ числовыхъ данныхъ. «Число есть оружіе нашего времени,» говоритъ Отто Уле, «оно поддерживаетъ правительства и уничтожаетъ арміи. Астроному только число открыло небо, и всѣмъ, что онъ знаетъ о мірахъ голубаго небеснаго свода, обязанъ онъ числамъ. Число есть выраженіе закона и ручательство за вѣчность этого закона» *).

Утверждая, что отъ чиселъ слѣдуетъ ожидать указанія скрытыхъ путей будущности **) тотъ же авторъ не высоко судитъ о числахъ, когда они служатъ орудіемъ для спекулянтовъ. «Этихъ людей», говоритъ онъ, «называютъ людьми чиселъ и знаютъ, что тамъ, гдѣ они задаютъ тонъ, самъ человѣкъ превращается въ число, и всѣ его благородныя чувства дѣлаются счетною машиною». По мнѣнію Уле, это—«отвратительная игра, которую число совершаетъ съ

---

*) Популярныя бесѣды о природѣ и человѣкѣ, Отто Уле, въ русск. перев. стр. 18.

**) Тамъ же стр. 35

человѣкомъ». Въ самомъ дѣлѣ, еслибы за одними числами признать значеніе силы, рѣшающей успѣхъ или неуспѣхъ во всѣхъ сферахъ личной и общественной человѣческой дѣятельности, то пришлось бы и къ невещественнымъ заслугамъ примѣнить простые товарные расчеты. Изъ за односторонности этихъ расчетовъ направленіе всей жизнедѣятельности подчинилось бы однимъ товарнымъ силамъ; полнота самыхъ высшихъ нравственныхъ достоинствъ и стремленій лишилась бы своей силы и превлекательности; не смотря на ея исключительную рѣдкость, общественный курсъ на нее упалъ бы много ниже al pari; при торжествѣ узкаго воззрѣнія на жизнь, какъ на товарное торжище, очерствѣли бы люди и охладѣли къ правдѣ и праву, къ отчизнѣ и родинѣ, ко всему истинному, высокому и святому; не осталось бы побужденій и досуга для полезной общественной дѣятельности; замерли бы и сдѣлались ненужными лучшія человѣческія силы. Но «жизнь», сказалъ Биша́ «есть система силъ, противящихся разрушенію». Жизнью управляетъ вселенскій законъ равновѣсія силъ. Онъ противится выводамъ и дѣяніямъ ad absurdum и упраздняетъ ихъ въ жизни. Въ противуположность «отвратительной игрѣ» чиселъ надъ людьми съ одинаковымъ остроуміемъ характеризуетъ Отто Уле творческую производительность просвѣщеннаго человѣка въ слѣдующихъ ея критеріумахъ: «Величіе его произведеній заключается въ знаніи и любви, пусть же каждый спроситъ себя, долженъ ли онъ гордиться тѣмъ камнемъ, который принесъ на эту общечеловѣческую постройку *).

*) Популярныя бесѣды о природѣ и человѣкѣ, Отто Уле, въ русск. перев. стр. 17.—Почти тоже сказалъ во второй, выше перепечатанной нами рѣчи своей С. А. Смирновъ. „Каждому изъ насъ предстоитъ обязанность повѣрить себя съ этой точки зрѣнія, иначе всѣ наши начинанія останутся безплодны, пройдетъ время, мы проживемъ годы и оставимъ за собою одни слова и неудавшіяся попытки“.

Если большинство самыхъ достойнѣйшихъ человѣческихъ учрежденій исключаетъ недостойную мѣру чиселъ надъ людьми, то безъ исключенія во всѣхъ учрежденіяхъ человѣческое дѣло не обходится безъ разнообразной игры многоразличныхъ людскихъ свойствъ и страстей. Отъ того въ массѣ собираемыхъ людьми «камней» на самыя лучшія, «постройки» всегда найдутся—бракъ, обусловливаемая имъ непрочность и многіе другіе недостатки. Отъ того каждое человѣческое созиданіе подвержено неуловимой встрѣчности съ непредусмотрѣнными противодѣйствіями; отъ того не все количество вносимыхъ въ дѣло силъ употребляется на его совершеніе; часть ихъ неминуемо теряется на борьбу съ препятствіями. Отъ того оцѣнка дѣлъ человѣческихъ не обходится безъ оцѣнки борьбы съ препятствіями. Чтобы не впасть въ преувеличеніе при той или другой оцѣнкѣ, не безполезно имѣть въ виду одно правило, афористически выраженное тѣмъ же Отто Уле: «Неотразимые недостатки общественной жизни приписываются злой волѣ, между тѣмъ какъ своимъ происхожденіемъ они обязаны незнанію фактовъ» **).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что и наше Общество имѣетъ нѣкоторое право ожидать отъ чиселъ своей дѣятельности нѣкотораго «указанія скрытыхъ путей будущности» своей. Но при этомъ правѣ оно не должно скрывать отъ себя, что однихъ числовыхъ данныхъ весьма недостаточно. Кромѣ чиселъ, нужны приблизительныя, но возможновѣрныя опредѣленія внесенной въ дѣло дѣйственной *любви* и созидающаго *знанія.* Для отъисканія такихъ опредѣленій Обществу нужно внимательнѣе допросить себя о свойствѣ *своей общественной постройки* и тѣхъ *камней,* которые для нея собраны въ прошломъ и должны быть собираемы въ будущемъ.

Мы уже сказали, что Общество Русскихъ Врачей въ Москвѣ и всѣ однородныя и почти одновременно съ нимъ

*) Тамъ же стр. 29.

открывшіяся въ разныхъ городахъ Россіи медицинскія общества возникли въ силу внутренней связи между стремленіями отечественныхъ врачей и вызвавшими эти стремленія требованіями современнаго момента въ исторіи цивилизаціи нашего отечества. Чтó въ этотъ моментъ предстояло и предстоитъ Россіи послѣдовательно воплотить во всѣхъ сферахъ ея всемірно-историческаго призванія, то же въ спеціально-врачебномъ призваніи предстояло и предстоитъ русскимъ врачамъ для послѣдовательнаго достиженія въ ихъ личной и общественной жизнедѣятельности. Самоизученіе въ прошломъ и самосознаніе въ настоящемъ для правильной постановки и столь же правильнаго рѣшенія жизненныхъ задачъ въ будущемъ, т.-е. терпѣливое и самодѣятельное образованіе и какъ результатъ его всестороннее просвѣщенное и просвѣтительное стремленіе *въ національномъ направленіи* поступательной исторической жизнедѣятельности, таковы великія задачи современнаго момента въ нашей отечественной исторіи. Соотвѣтственно съ своимъ величіемъ, онъ требуетъ высокихъ качествъ отъ всѣхъ современныхъ, частныхъ и общественныхъ, человѣческихъ содѣяній и для этого величія обязываетъ людей всякой спеціальности къ «*знанію* и *любви*». Въ отвѣтъ на это повелѣвающее требованіе нашего времени и для фактическаго доказательства его силы совершаются на нашихъ глазахъ великія просвѣтительныя реформы. Не иной по свойству, но въ иной формѣ и слабѣйшій по силѣ отвѣтъ могли дать и отъ себя потребовать отечественные врачи. Тѣ, которые живутъ въ Москвѣ, формулировали его въ слѣдующихъ выраженіяхъ § 1 Устава нашего Общества:

„*Общество имѣетъ главною цѣлію способствовать самостоятельнымъ трудамъ отечественныхъ врачей на пользу медицины.*

Но «человѣкъ», по выраженію Гёте,

„не такъ рожденъ, чтобы рѣшать міровыя задачи; онъ можетъ лишь видѣть, гдѣ задача начинается“.

Вотъ почему глубокое предчувствіе начала своей много-

объемлющей задачи наше Общество формулировало въ такомъ неопредѣленномъ выраженіи своего устава, каково *«главною цѣлію»*. Вотъ почему оно тотчасъ же прибавило ограничительныя опредѣленія своей задачи въ слѣдующихъ выраженіяхъ § 2 Устава:

„Для этого неизмѣнными основаніями своей дѣятельности оно поставляетъ: а) способствовать какъ общему, такъ и въ особенности спеціальному, научному и практическому образованію отечественныхъ врачей, распространяя между ними медицинскія свѣдѣнія; в) помогать всякому дѣльному самостоятельному медицинскому труду, доставляя по возможности авторамъ способы къ обнародованію ихъ оригинальныхъ сочиненій, и с) способствовать научному, практическому и сословному общенію отечественныхъ врачей между собою."

Сумма этихъ опредѣленій слишкомъ велика, чтобы немедленно приступить къ исполненію ихъ. Вотъ почему вслѣдъ за перечнемъ опредѣленій прибавлено еще ограниченіе въ § 3:

„Эту программу дѣйствій Общество выполняетъ по мѣрѣ развитія своихъ средствъ, ограничиваясь въ данное время тою или другою ея частью, сообразно послѣднимъ."

Далѣе по § 14 Устава: *„Какъ результатъ своей непрерывной дѣятельности и живой связи со всѣмъ русскимъ медицинскимъ сословіемъ, Общество издастъ, на основаніи цензурнаго устава, съ разрѣшенія главнаго управленія цензуры, газету, журналъ или записки, объемъ которыхъ зависитъ отъ денежныхъ средствъ его.*

По § 20 оно *„издаетъ, когда почтетъ нужнымъ, разныя, пользующіяся успѣхомъ, переводныя медицинскія сочиненія, какъ не популярныя, такъ и популярныя."*

По § 22 *„Общество имѣетъ право, при первой возможности, открыть лѣчебницу для приходящихъ, съ платою отъ каждаго больнаго, за полученіе врачебнаго совѣта, двадцати копѣекъ серебромъ."*

Таковы «неизмѣнныя основанія», такова и «программа дѣйствій» нашего Общества». *)

---

*) Мы цитовали уставъ по первой его редакціи.

Нельзя не сознаться, что текстъ нашего Устава не отличается опредѣлительностью. Нельзя не видѣть, что неопредѣленность въ выраженіяхъ его зависѣла отъ того, что, при началѣ Общества, громадность представлявшейся ему задачи и требуемыхъ ею широкихъ средствъ и способовъ представлялась въ самыхъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ. При первой рѣшимости приняться за такую задачу не могло быть инаго ручательства, кромѣ нравственнаго, ни за правильную постановку задачи, ни за достаточность источниковъ, на какіе могли разсчитывать члены учредители Общества; не могло быть опредѣленности и въ перечнѣ занятій и обязанностей членовъ; оставалось сказать: Общество будетъ дѣлать, что можетъ и какъ можетъ. По поводу этого заявленія слышались въ свое время столько же неодобрительные и недоброжелательные, сколько обоюдуострые отзывы, будто самою неопредѣленностію своихъ требованій Уставъ Общества оправдываетъ всякое, добросовѣстное и недобросовѣстное, отношеніе каждаго сочлена и всѣхъ вмѣстѣ къ задачамъ Общества: все хорошо, что бы ни было и какъ бы ни было сдѣлано; если бы и ничего не было сдѣлано, никакой криминалистъ не съумѣлъ бы обвинить Общество при предоставленной ему возможности ссылаться на такое безсрочное условіе, каково «по мѣрѣ развитія средствъ.» Съ формальной стороны такіе отзывы могли имѣть свое оправданіе. Но если современные русскіе врачи рѣшились перестать жить заднимъ числомъ, — если сказалась въ нихъ забота о текущемъ и предстоящемъ дняхъ, — если этой заботѣ обязаны своимъ происхожденіемъ наше Общество и его уставъ, — то одного сознательнаго отношенія къ своей жизни достаточно, чтобы посильно и добросовѣстно трудиться для исполненія добровольно принятыхъ обязанностей. Одного вдохновенія идеею Общества достаточно для добросовѣстнаго и посильнаго служенія ей. «Свѣтло и торжественно вдохновеніе», сказалъ Н. И. Пироговъ:

„оно, какъ праздничная одежда, облекаетъ духъ, устремляя его на

небо . . . Безъ вдохновенія нѣтъ воли; безъ воли нѣтъ борьбы, а безъ борьбы — ничтожество и произволъ. . . . Безъ вдохновенія умъ слабъ и близорукъ. . . . Чрезъ вдохновеніе мы проникаемъ въ глубину души своей и, однажды проникнувъ, выносимъ съ собою то убѣжденіе, что въ насъ существуетъ завѣтно-святое.“ *)

Ручалось же суровое спартанское воспитаніе за то, что изъ спартанца, — дитяти выйдетъ спартанецъ — мужъ. Не безсильнѣе односторонняго спартанскаго воспитанія то современное общечеловѣческое, національное и гражданское воспитаніе, которое создало въ наше время исполинскіе успѣхи наукъ и искусствъ и небывалыя доселѣ стремленія приложить ихъ къ жизни. Не безсильнѣе спартанскаго то истинное современное воспитаніе, которое укрѣпляетъ въ насъ «убѣжденіе, что въ насъ существуетъ завѣтно-святое». Не безсильнѣе грубой доктрины спартанскаго гражданства духъ національнаго направленія. Въ комъ изъ русскихъ врачей нѣтъ такого убѣжденія, для того не должны существовать ни племенное сродство, ни національное чувство, ни патріотическіе интересы; для того нѣтъ и не можетъ быть родины, отечества и потомства.

„Потомство — безсмертіе души! . . . . Одна суетность и близорукость ищутъ участія въ настоящемъ.“ **)

Приводя эти слова дорогаго всей Россіи и величайшаго изъ живущихъ русскихъ врачей, мы заранѣе слышимъ насмѣшливые укоры въ увлеченіи, въ мечтательности, въ идеализмѣ и т. п. Было и есть въ самой нашей исторической дѣйствительности то, чѣмъ нельзя не увлекаться. Вопреки обманувшему міръ Аристотелю, Вильгельмъ Гумбольдтъ сказалъ, а за нимъ повторилъ въ своемъ «Космосѣ» братъ его Александръ Гумбольдтъ, великую правду новѣйшей исторіи, что «нѣтъ племенъ, болѣе благородныхъ, чѣмъ другія.» Только вопреки этой всемірно-исторической

---

*) „Вопросы жизни“, Н. И. Пирогова, Одесса, 1858 стр. 30 и 31.
**) Н. И. Пироговъ, тамъ же стр. 31 и 32.

правдѣ сосѣди Славянъ по Европѣ умышленно обманываются, будто неспособность къ національной самостоятельности и самодѣятельности въ наукѣ составляетъ прирожденный недостатокъ славянской породы. И что всего страннѣе,—такимъ обманомъ долго увлекались многіе и теперь еще увлекаются немногіе русскіе. И надобно отдать имъ справедливость: они находили и находятъ нѣкоторое оправданіе своему заблужденію въ нашей запоздалости, — которую презрительно называютъ «отсталостью», и — главнымъ образомъ—въ нашей нерадивости о томъ, чтобы наука въ Россіи сдѣлалась столько же своею и полезною, сколько во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ міра. Сознаваясь въ этой нерадивости, мы на половину исправляемся: мы признаемъ, наконецъ, что каждая школа въ Россіи начиная съ элементарныхъ и оканчивая учеными всѣхъ разрядовъ и спеціальностей, должна сдѣлаться родною и вѣрною своей національной почвѣ. Исторически настала для Россіи пора, обязывающая науку, литературу и жизнь творить свое историческое дѣло въ національномъ направленіи. И мы видимъ, что лучшіе представители всей русской интеллигенціи отозвались уже въ своей дѣятельности на это живое требованіе своего времени и на современный зовъ отечественной жизни. Въ этомъ всеобщемъ движеніи просвѣщенной мысли не могутъ не участвовать и русскіе врачи. По первому взгляду космополитическая спеціальность ихъ—помогать страждущимъ всего міра, не снимаетъ съ нихъ ни одной изъ національныхъ обязанностей. И если бы отъ современнаго и общаго всѣмъ русскимъ ученымъ стремленія — осуществить для Россіи простую истину, что чрезъ національное служеніе наукѣ становятся доступнѣе ея общечеловѣческіе успѣхи, — если бы, говоримъ, отъ этого современнаго и національнаго стремленія отказались одни русскіе врачи, то они доказали бы, что олицетворяютъ собою нигдѣ невозможный типъ какихъ-то такихъ, по счастливому выраженію И. С. Аксакова, «духов-

но-безличныхъ людей», которые «неспособны ни воспринять ни передать истиннаго просвѣщенія». Лепетъ, смѣхъ и даже гнѣвъ этихъ лютей, съ какимъ-то нигдѣ небывалымъ космополитически-безпочвеннымъ характеромъ, въ какой-то особенной наукѣ, столько же чужды областей серьезной науки, сколько однородны со всѣми сферами полуучености, которая справедливо признается вреднѣйшимъ изъ всѣхъ видовъ невѣжества. Ученому врачу также свойственно дружить со всею ученою и общею художественною литературою, какъ свойственно быть современнымъ человѣкомъ. Каждому изъ нашихъ товарищей по призванію нельзя не опираться на современность. Въ ней всѣ должны искать указаній для своей дѣятельности и оправданій ея. Въ ней и мы ищемъ оправданія направленію нашего Общества и во имя его современности ищемъ и желаемъ ему дальнѣйшаго торжества. По силѣ своей современности оно имѣетъ полное право на полное торжество. Не менѣе всѣхъ заграничныхъ ученыхъ Обществъ, созданныхъ просвѣщенными національностями всего просвѣщеннаго міра, оно крѣпко убѣждено въ возможности достигнуть всего «высокаго и прекраснаго» чрезъ служеніе наукѣ въ національномъ направленіи. Мы крѣпко убѣждены въ правдѣ этой идеи, а потому и увѣрены въ прочности нашего Общества. Если бы этого убѣжденія въ насъ не было, то, вопреки свидѣтельству приведенныхъ чиселъ, мы признали бы, что наше Общество «отцвѣло, не успѣвши разцвѣсть»; а въ этомъ признаніи сказалось бы и другое признаніе — признаніе безсилія и даже небытія идеи, лежащей въ основаніи Общества.

И такъ, неопредѣленность обязанностей по тексту Устава не можетъ быть ни casu belli противъ устава, ни оправданіемъ недѣятельности членовъ. Всмотрѣвшись въ смыслъ Устава, не трудно заключить, что учредители Общества, прося разрѣшенія открыть его, тѣмъ самымъ просили себѣ публичнаго права на публичную ученую и учебную дѣятельность. Съ утвержденіемъ Устава они получили

это дорогое право. Чрезъ него предъ всѣми русскими врачами и предъ всѣмъ просвѣщеннымъ русскимъ обществомъ они приняли на себя отвѣтственную обязанность «по мѣрѣ развитія своихъ средствъ» соединить въ своей дѣятельности такія сложныя занятія, какія обыкновенно раздѣляются между учеными медицинскими каѳедрами, факультетскими поликлиниками и спеціальными медицинскими «газетами, журналами и записками.» Для такой сложной и отвѣтственной дѣятельности не только требуется не малая «мѣра развитія своихъ средствъ», но и необходимы не малыя ученыя и учебныя силы. Стало-быть, учредители Общества если не имѣли полной увѣренности, то находили какія нибудь серьезныя основанія для предположенія — частію найти въ своемъ составѣ и—главнымъ образомъ — привлечь въ свою среду необходимые элементы для двоякой своей дѣятельности. Въ свое время это двоякое стремленіе Общества и надежды его не были обойдены «смѣхомъ надменнымъ». Осмѣивалось стремленіе Общества слѣдить за наукою и добытыми знаніями дѣлиться съ отечественными врачами; осмѣивались и расчеты учредителей на достаточность ученыхъ силъ внутри Общества и на привлеченіе ихъ извнѣ. И до сихъ поръ, даже изъ ученыхъ сферъ, доходятъ до насъ укоры, будто наше Общество, изъ-за какого-то, никому непонятнаго, соперничества съ медицинскимъ факультетомъ, «взялось не за свое дѣло». Въ этихъ, тамъ и сямъ повторяющихся, укорахъ слышится подчасъ какое-то серьезно немыслимое, странное выраженіе надменнаго сравненія нашего Общества съ другими однородными: все же не они, а мы (т. е. не наше Общество) представляемъ изъ себя ученое Общество.» Такъ или почти такъ выражаются недоброжелатели Общества. Намъ не понятно, изъ-за какихъ серьезныхъ побужденій и кому изъ серьезныхъ людей можетъ вспадать на мысль желаніе отказывать какому бы то ни было ученому Обществу въ свойственномъ ему эпитетѣ. Съ серьезныхъ ученыхъ и даже

гражданскихъ точекъ зрѣнія слѣдуетъ привѣтствовать развитіе существующихъ и появленіе новыхъ однородныхъ и разнородныхъ ученыхъ Обществъ, и укорять ихъ можно только тогда, когда своею дѣятельностію они не оправдываютъ принятыхъ эпитетовъ. Мы уже говорили, что никто ни въ одномъ словѣ нашего Общества не укажетъ никакого намека на какой нибудь замыселъ — соперничать съ кѣмъ бы то ни было, или посягать на эпитеты какихъ бы то ни было ученыхъ Обществъ. И наоборотъ, на столбцахъ газеты Общества не разъ повторено указаніе на различіе нашего Общества отъ другихъ однородныхъ, предшествовавшихъ и современныхъ ему, ученыхъ Обществъ. Они имѣли и имѣютъ въ виду слѣдить за всемірными успѣхами наукъ и всему ученому міру о своихъ собственныхъ успѣхахъ оповѣщать не на русскомъ языкѣ,—и это по необходимости и по навыку. Наше Общество имѣло и имѣетъ въ виду точно также слѣдить за успѣхами наукъ во всемъ мірѣ и точно также посильно трудиться на пользу ихъ, но распространять собираемыя и добываемыя свѣдѣнія на отечественномъ языкѣ и по преимуществу между отечественными врачами. Эти виды нашего Общества не лишаютъ его способности уважать дѣятельность, заслуги и изданія предшествовавшихъ ему Обществъ: оно очень хорошо понимаетъ, что нужно же, чтобы иностранный ученый міръ узнавалъ на понятныхъ ему языкахъ, дѣлается ли у насъ что нибудь въ научной области. Полагаемъ, что съ другихъ, не менѣе истинныхъ, точекъ зрѣнія наше Общество имѣетъ не меньшее право на уваженіе и, по самой крайней мѣрѣ, на такую просвѣщенную терпимость, которая исключаетъ всякую придирчивость и не оправдываетъ предубѣжденій и предразсудочныхъ отношеній. Если ученое дѣло есть «дѣло свое» всякому ученому и учащемуся, то наше Общество, наравнѣ съ другими, подлежитъ укору не за то, будто бы «взялось не за свое дѣло», но только за то, какъ оно его дѣлаетъ. Эту оговорку сочли мы не

лишнею не въ отвѣтъ недоброжелательной молвѣ и всякимъ слухамъ, но чтобы отмѣтить ихъ, какъ слѣдствіе все еще праздной мысли и какъ неотрадную черту времени. Въ этой чертѣ, по нашему мнѣнію, сказывается нечистая примѣсь своекорыстныхъ побужденій и чуждыхъ дѣлу видовъ къ чистотѣ и неприкосновенности просвѣтительныхъ усилій и стремленій нашего Общества

СПИСОКЪ
ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ
ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ
въ Москвѣ,
въ хронологическомъ порядкѣ.

I. ЧЛЕНЫ УЧРЕДИТЕЛИ.

1. Смирновъ Семенъ Алексѣев. съ 1859 окт. 15 дня.
2. Тарасенковъ Алексѣй Терент. съ 1859 окт. 15 дня. Умеръ 1873 г.
3. Беркутъ Никол. Конон. съ 1859 окт. 15 дня.
4. Клементовскій Алекс. Иван. съ 1859 окт. 15 дня.
5. Эше Эмануилъ Богдан. съ 1859 окт. 15 дня
6. Мамоновъ Никол. Евграф. съ 1859 окт. 15 дня.
7. Голицинскій Васил. Алек. съ 1859 окт. 15 дня.
8. Расторовъ Рост. Яковл. съ 1859 окт. 15 дня
9. Соколовъ Констан. Матв. съ 1859 окт. 15 дня. Умеръ 1870 г.
10. Кивокурцевъ Петр. Васил. съ 1859 окт. 15 дня.
11. Розеновъ Карлъ Ѳеодор. съ 1859 окт. 15 дня.
12. Тольскій Никол. Алекс. съ 1859 окт. 15 дня Оставилъ Общ. 1871 г.
13. Шапкинъ Никол. Петров. съ 1859 нояб. 1 дня. Оставилъ Общ. 1862 г.

14. Милютинъ Матв. Карп. съ 1859 нояб. 1 дня.
15. Клинъ Эрнестъ Эрнест. съ 1859 нояб. 1 дня.
16. Виноградскій Никол. Васил. съ 1859 нояб. 1 дня.
17. Бѣловъ Васил. Никол. съ 1860 янв. 2 дня.
18. Ельцинскій Вас. Иван. съ 1860 янв. 16 дня.
19. Скопинъ Алексан. Павл. съ 1860 февр. 20 дня.
20. Иноземцевъ Ѳеод. Иван. съ 1860 марта 19 дня.
Умеръ 1869 г.
21. Ковалевскій Изм. Яковл. съ 1860 март. 19 дня.
Умеръ 1874 г.
22. Соколовъ Иван. Матв. съ 1860 апр. 9 дня.
Умеръ 1872 г.

II. ЧЛЕНЫ.

23. Монигетти Ив. Карл. съ 1861 мая 22 дня.
24. Мансуровъ Ник. Порфир. съ 1861 мая 22 дня.
25. Крейзеръ Эдуардъ Богд. съ 1861 мая 22 дня.
26. Змѣевъ Левъ Ѳеодоров. съ 1861 мая 22 дня.
27. Блюменталь Адріанъ Иван. съ 1861 іюня 15 дня.
28. Матюшенковъ Ив. Петр. съ 1861 іюня 15 дня.
29. Никитинъ Ник. Дмитр. съ 1861 іюня 15 дня.
30. Мольнаръ Иван. Иван. съ 1861 іюня 15 дня.
Умеръ 1872 г.
31. Савостицкій Гер. Афанас. съ 1861 іюня 15 дня.
Оставилъ Общ. 1870 г.
32. Левенталь Алекс. Густав. съ 1861 іюня 15 дня.
33. Богдановъ Анатол. Петр. съ 1861 іюля 1 дня.
34. Боткинъ Сергѣй Петр. съ 1861 іюля 1 дня.
35. Чистосердовъ Иванъ Павл. съ 1861 іюля 1 дня.
36. Кричевскій Влад. Егор. съ 1861 іюля 1 дня.
37. Ламбль Душанъ Ѳеодор. съ 1861 іюля 15 дня.
38. Кашинъ Никол. Иван. съ 1861 іюля 15 дня.
Умеръ 1872 г.
39. Кожевниковъ Алек. Яковл. съ 1861 іюля 15 дня.
40. Загорскій Конст. Ѳомичъ съ 1861 іюля 15 дня.
Оставилъ Общ. 1868 г.

41. Вальтеръ Александ. Петр. съ 1861 авг. 2 дня.
42. Семеновъ Викт. Семен. съ 1861 авг. 2 дня. Умеръ 1863 г.
43. Рокитанскій Карлъ съ 1861 августа 16 дня.
44. Розовъ Николай Игнат. съ 1861 авг. 16 дня.
45. Якубовичъ Никол. Март. съ 1861 сент. 2 дня.
46. Доммесъ Илья Ѳеодор. съ 1861 сент. 15 дня.
47. Розановъ Никол. Петр. съ 1861 сент. 15 дня.
48. Фрезе Алекс. Юстин. съ 1861 сент. 15 дня. Оставилъ Общ. 1868 г.
49. Каминскій Сигиз. Степан. съ 1861 сент. 15 дня.
50. Діотроптовъ Дмитр. Яковл. съ 1861 сент. 15 дня.
51. Эргардъ Адольфъ Васил. съ 1861 окт. 2 дня. Умеръ 1864 г.
52. Ивановъ Вас. Иван. Аптекарь съ 1861 окт. 2 дня. Остав. Общ. 1868 г.
53. Браунъ Густавъ Иванов. съ 1861 окт. 2 дня. Оставилъ Общ. 1870 г.
54. Николаевъ Никол. Петров. съ 1862 дек. 2 дня,
55. Соколовъ Сергѣй Семен. съ 1862 дек. 2 дня.
56. Медвѣдевъ Пав. Иван. съ 1862 янв. 2 дня.
57. Сицянко Іосифъ Семен. съ 1862 февр. 1 дня.
58. Анненковъ Никол. Иван. съ 1862 февр. 1 дня.
59. Кривошапкинъ М. П. съ 1862 мар. 1 дня.
60. Смирновъ Никол. Васил. съ 1862 мар. 1 дня. Умеръ 1870 г.
61. Бибергейль Адольфъ Ѳед. съ 1862 мая 2 дня.
62. Чистовичъ Яковъ Алексѣев. съ 1862 мая 2 дня.
63. Шереметьевскій Пав. Петр. съ 1862 авг. 16 дня.
64. Владиміровъ Пав. Яковл. съ 1862 дек. 15 дня.
65. Сукочевъ Яковъ Васил. съ 1863 февр. 15 дня.
66. Бѣляевъ Савва Григор. съ 1863 февр. 15 дня. Умеръ 1866 г.
67. Залуговскій Мих. Самсон. съ 1863 іюня 15 дня.
68. Гамбурцевъ Вас. Иван. съ 1863 іюня 15 дня.
69. Смирновъ Никол. Михайл. съ 1863 окт. 15 дня.

70. Соколовъ Никол. Семен. съ 1863 окт. 15 дня.
71. Леманъ Иванъ Петр. съ 1863 окт. 15 дня.
72. Бензенгръ Вас. Никол. съ 1863 дек. 2 дня.
73. Марконетъ Гавріилъ Θеодор. съ 1863 дек. 2 дня.
Остав. Общ. 1870 г.
74. Оранскій Θеодоръ Семен. съ 1863 дек. 2 дня.
75. Медвѣдевъ Левъ Спиридон. съ 1864 янв. 2 дня
Ост. Общ. 1870 г.
76. Делоне Борисъ Петров. съ 1864 марта 16 дня.
77. Федяевскій Конст. Васил. съ 1864 марта 16 дня.
78. Шахъ-Паропіанцъ Мих. Серг. съ 1864 іюля 15 дня.
79. Зиссерманъ Левъ Арнольд. 1864 август. 16.
Умеръ 1871 г.
80. Буяльскій Иванъ Вас. 1864 сентяб. 15 дня.
Умеръ 1866 г.
81. Заборовскій Илья Алексѣев. съ 1864 октяб. 16 дня.
Ост. Общ. 1870 г.
82. Клименковъ Иванъ Степан. съ 1865 февр. 1 дня.
Ост. Общ. 1874 г.
83. Ложечниковъ Сергѣй Николаев. съ 1865 фев. 1 дня.
Ост. Общ. 1870 г.
84. Костаревъ Сергѣй Иванов. съ 1865 февр. 1 дня.
Ост. Общ. 1870 г.
85. Маклаковъ Алексѣй Николаев. съ 1865 мая 3 дня.
Ост. Общ. по § 30 Устава 1870 г.
86. Попандопуло Васил. Конст. съ 1865 мая 15 д.
87. Глазовъ Владим. Владим. съ 1865 мая 15.
88. Роледеръ Θедоръ Карловичъ съ 1865 мая 15 дня.
89. Архангельскій съ 1865 мая 15 дня.
Умеръ 1865 г.
90. Козловскій Ипполитъ Θедор. съ 1865 іюня 1 дня.
91. Сущинскій Петръ Петров. съ 1865 іюля 15 дня.
92. Жуковскій Андр. Андріан. съ 1865 іюля 15 дня.
93. Диксонъ Иванъ Лукичъ съ 1865 сент. 1 дня.
94. Кремянскій Яковъ Семеновичъ съ 1865 нояб. 15 дня.
95. Найденовъ Димитр. Иван. съ 1865 дек. 15 дня.

96. Богословскій Викторъ Степан. съ 1866 янв. 15 дня.
97. Алмазовъ Алексѣй Иванов. съ 1866 сент. 1 дня.
88. Балашевскій Конст. Михайлов. съ 1866 нояб. 1 дня.
99. Астровъ Иванъ Николаев. съ 1866 нояб. 15 дня.
100. Вишневскій Васил. Егор. съ 1866 дек. 15 дня.
101. Троицкій Павелъ Никиф. съ 1867 янв. 17 дня.
102. Скворцовъ Митр. Иван. съ 1867 янв. 17 дня.
103. Баженовъ Влад. Никол. съ 1867 апр. 24 дня.
104. Меморскій Митр. Иван. съ 1867 мая 2 дня.
105. Зерновъ Дмитр. Никол. съ 1867 мая 2 дня
Ост. Общ. 1870 г.
106. Ефимовъ Алекс. Θедор. съ 1867 мая 15 дня.
107. Шкляревскій Конст. Конст. съ 1867 мая 15 дня.
Умеръ 1873 г.
106. Гамерникъ Іосифъ съ 1867 мая 15 дня.
108. Дучманъ Петръ Иванов. съ 1867 мая 15 дня.
110. Радивоевичъ Любоміръ Иванов. съ 1867 мая 15 дня.
111. Шафарикъ Иванъ Иванов. съ 1867 мая 15 дня.
112. Цейнова съ 1867 мая 15 дня.
113. Басанинъ Иванъ Аθан. съ 1867 іюня 1 дня
Ост. Общ. 1870 г.
114. Петровъ Григ. Семен. съ 1867 дек. 1 дня
115. Ураноссовъ Григор. Алексан. съ 1867 дек. 1 дня.
116. Станиславскій Степ. Иван. 1867 дек. 1 дня.
117. Новодворскій Иванъ Вик. съ 1867 дек. 15 дня
Умеръ 1874 г.
118. Фейгинъ Фил. Иван. съ 1868 фев. 1 дня.
119. Макѣевъ Александръ Матв. съ 1868 апр. 16 дня.
120. Догель Иванъ Мих. съ 1868 іюля 15 дня.
121. Минхъ Григ. Никол. съ 1868 іюля 15 дня.
Ост. Общ. 1870 г.
122. Погожевъ Павел. Иван. съ 1868 окт. 2 д.
Ост. Общ. 1870 г.
123. Розановъ Никол. Никол. съ 1868 нояб. 16 дня.
124. Пуркинье съ 1868 дек. 2 дня
Умеръ 1869 г.

125. Волгородскій Влад. Вас. съ 1869 март. 15 дня.
126. Драницынъ Алекс. Арс. съ 1869 мар. 15 дня.
Ост. Общ. 1870 г.
127. Румянцевъ Петр. Вас. съ 1869 апр. 15 дня.
Ост. Общ. 1874 г.
128. Покровскій Пав. Иван. съ 1869 мая 2 дня.
129. Спримонъ Вас. Феликс. съ 1869 сен. 15 дня.
Ост. Общ. 1874 г.
130. Соломка Митр. Мих. съ 1870 мар. 16 дня.
131. Покровскій Егоръ Арсен. съ 1870 мая 16 дня.
Ост. Общ. 1874 г.
132. Щуровскій Григ. Ефим. съ 1870 авг. 17 дня.
133. Аскоченскій А. Ипат. съ 1870 авг. 17 дня.
134. Краевскій Феликс. съ 1870 сент. 1 дня.
135. Воиновъ Мих. Мих. съ 1870 окт. 16 дня
Ост. Общ. 1874 г. по § 30 Уст.
136. Письменный Ник. Вл. съ 1870 нояб. 2 дня.
137. Миллеръ Никол. Өед. съ 1870 нояб. 16 дня.
138. Запольскій Ник. Вас. съ 1870 нояб. 16 дня.
Ост. Общ. 1874 года.
149. Сколозубовъ Дмит. Петр. съ 1871 фев. 16 дня.
130. Валенти Іованъ съ мар. 1 д. 1871 года.
141. Медовикъ Акимъ съ мар. 1 дня 1871 года.
142. Смѣльскій Еліазар. Никиф. съ 1871 мая 4 дня
Умеръ 1872 г.
143. Поспѣловъ Алек. Иван. съ 1871 мая 16 дня.
144. Ященко Петръ Андр. съ 1871 авг. 18 дня.
145. Кистеръ Пав. Эмил. съ 1871 окт. 15 дня.
146. Пясецкій Пав. Яков. съ 1871 нояб. 3 дня.
147. Страковскій Викт. Раф. съ 1871 нояб. 3 дня.
148. Бѣльковичъ Венц. Ник. съ 1871 нояб. 3 дня.
149. Бабухинъ Алекс. Иван. съ 1871 нояб. 3 дня.
150. Баронъ фонъ-деръ Брюгенъ Н. Н. съ 1872 февр. 1 д.
151. Мольнаръ Юрій Иванов. съ 1871 мар. 17 дня.
152. Эберманъ Алекс. Леопт. съ 1872 мар. 17.
153. Колюбакинъ Вас. Иван. съ 1872 апр. 1 дня.
Ост. Общ. 1874 года.

154. Зиновьевъ Иванъ Вас. съ 1872 мая 17 дня.
155. Лазаревичъ Иванъ Пав. съ 1872 сент. 1 дня.
156. Бѣлинъ Мих. Андр. съ 1872 окт. 3 дня.
157. Щербаковъ Ник. Сем. съ 1872 окт. 17 дня
Ост. Общ. 1874 г.
158. Корвинъ-Красинскій Г. Ѳед. съ 1872 окт. 17 дня.
159. Соломка Конст. Мих. съ 1872 нояб. 4 дня.
160. Крюковъ Андріанъ Алексан. съ 1872 декаб. 17 дня.
Ост. Общ. 1874 г.
161. Ковалевскій Мих. Осип. съ 1872 дек. 17 дня.
Ост. Общ. 1874 г.
162. Адельгеймъ Людов. Эдуар. съ 1873 февр. 3 дня.
163. Филатовъ Нилъ Ѳедор. съ 1873 апр. 2 дня.
Ост. Общ. 1874 г.
164. Савей-Могилевичъ Ѳед. Андр. съ 1873 апр. 2 дня.
Ост. Общ. 1874 г.
165. Соловьевъ Никол. Иванов. съ 1873 авг. 2 дня.
Умеръ 1874 года.
166. Штейнбергъ Самуилъ Иван. съ 1874 нояб. 5 дня.
167. Онимусъ съ 1874 нояб. 18 дня.
168. Амюсса съ 1874 нояб. 18 дня.

СПИСОКЪ

ЧЛЕНОВЪ СОРЕВНОВАТЕЛЕЙ

ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ

въ Москвѣ,

въ хронологическомъ порядкѣ.

1. Рахманиновъ Мих. Прок. съ 1862 янв. 15 дня.
2. Ржевская Нат. Серг. съ 1864 марта 16 дня.
3. Рогожинъ Ив. Ив. съ 1864 апр. 1 дня.
4. Барановъ Ник. Ив. съ 1864 апр. 1 дня.
5. Барановъ Алек. Ив. съ 1864 апр. 1 дня.
6. Найденовъ Викт. Алек. съ 1864 апр. 1 дня.
7. Олсуфьевъ Влад. Алек. съ 1864 апр. 1 дня.
8. Кн. Трубецкая Надежда Борис. съ 1864 мая 2 дня.
9. Гр. Уваровъ Алексѣй Серг. съ 1864 мая 2 дня.
10. Капустинъ М. Н. съ 1864 мая 2 дня.
11. Воронинъ Пав. Петр. съ 1864 мая 15 дня.
12. Ланинъ Пет. Никол. съ 1864 мая 15 дня.
13. Рябининъ Алексѣй Андр. съ 1864 мая 15 дня.
14. Ширяевъ Серг. Дмитр. съ 1864 іюня 2 дня.
15. Четвериковъ Дмитр. Ив. съ 1864 іюня 2 дня.
16. Варгинъ Дмитр. Ив. съ 1864 іюня 2 дня.
17. Дашкевичъ Александра Герасим. съ 1864 іюня 2 дня.

18. Воронинъ Петр. Петр. съ 1864 іюня 2 дня.
19. Алексѣевъ Сем. Влад. съ 1864 іюля 1 дня.
20. Куманинъ Кон. Кон. съ 1864 іюля 1 дня.
21. Алексѣевъ Серг. Влад. съ 1864 іюля 1 дня.
22. Галяшкинъ Ник. Яковл. съ 1864 іюля 1 дня.
23. Малютинъ Сем. Пав. съ 1864 іюля 1 дня.
24. Сорокоумовскій Пав. Петр. съ 1864 іюля 21 дня.
25. Бостанджогло Вас. Мих. съ 1864 окт. 2 дня.
26. Крюковъ Пет. Ив. съ 1864 нояб. 2 дня.
27. Хлудовъ Алексѣй Ив. съ 1864 нояб. 2 дня.
28. Бутовскій Вик. Ив. съ 1864 нояб. 2 дня.
29. Мамонтовъ Ив. Ѳед. съ 1864 окт. 6 дня.
30. Чертковъ Григ. Алекс. съ 1865 янв. 2 дня.
31. Пороховщиковъ А. А. съ 1865 янв. 2 дня.
32. Кн. Куракина Марія Александ. съ 1865 янв. 2 дня.
33. Сапожникова Вѣра Влад. съ 1865 янв. 2 дня.
34. Рахмановъ Ал. Ал. съ 1865 янв. 2 дня.
35. Варенцовъ Серг. Мих. съ 1865 янв. 2 дня.
36. Даниловъ Серг. Ив. съ 1865 янв. 2 дня.
37. Даниловъ Кон. Ив. съ 1865 янв. 2 дня.
38. Якунчиковъ Вас. Ив. съ 1865 янв. 2 дня.
39. Кирѣевскій Ник. Вас. съ 1865 февр. 15 дня.
40. Барановъ Ѳед. Ив. съ 1865 февр. 15 дня.
41. Ланинъ Ник. Петр. съ 1865 февр. 15 дня.
42. Поклевскій-Козелло Алф. Ѳ. съ 1865 февр. 15 дня.
43. Ильинъ Ник. Ив. съ 1865 марта 1 дня.
44. Дроздова Лидія Валер. съ 1865 марта 1 дня.
45. Конышевъ Алек. Никиф. съ 1865 марта 1 дня.
46. Ребровскій Ив. Никол. съ 1865 марта 6 дня.
47. Веденисовъ Пет. Ив. съ 1865 марта 15 дня.
48. Безобразовъ Вас. Григ. съ 1865 марта 15 дня.
49. Воейковъ Валгр. Алек. съ 1865 марта 15 дня.
50. Королевъ Мих. Леон. съ 1865 марта 15 дня.
51. Куликовъ Ник. Алек. съ 1865 марта 15 дня.
52. Короткій К. Вас. съ 1865 марта 21 дня.
53. Гр. Соллогубъ Марія Ѳеод. съ 1865 марта 21 дня.

54. Анпкѣева Ольга Дмитр. съ 1865 марта 21 дня.
55. Кн. Горчаковъ Петр. Дмитр. съ 1865 марта 21 дня.
56. Кн. Горчаковъ Дмитр. Петр. съ 1865 марта 21 дня.
57. Кн. Мещерская Марья Ал. съ 1865 марта 21 дня.
58. Гр. Панина Алек. Серг. съ 1865 марта 21 дня.
59. Селиванова Алек. Алек. съ 1865 марта 21 дня.
60. Солдатенковъ Коз. Тер. съ 1865 марта 21 дня.
61. Кувшиновъ Мих. Гавр. съ 1865 марта 21 дня.
62. Збороми́рскій Мих. Ник. съ 1865 марта 21 дня.
63. Гнусовъ Мит. Алексѣевс. съ 1865 март. 23 дня.
64. Кн. Щербатовъ Алекс. Алекс. съ 1865 апр. 1 дня.
65. Ѳедоровъ Мих. Пав. съ 1865 апр. 1 дня.
66. Куманинъ Конст. Конст. съ 1865 апр. 1 дня.
67. Кн. Трубецкой Н. И. съ 1865 апр. 1 дня.
68. Кн. Гагарина Анна Ив. съ 1865 апр. 15 дня.
69. Кн. Гагаринъ Левъ Никол. съ 1865 апр. 15 дня.
70. Буфѣевъ Ив. Яков. съ 1865 апр. 15 дня.
71. Борисовъ Анд. Иллар. съ 1865 апр. 15 дня.
72. Головина Люд. Ник. съ 1865 апр. 15 дня.
73. Алаева Над. Алекс. съ 1865 апр. 15 дня.
74. Медвѣдниковъ Влад. Гав. съ 1865 апр. 15 дня.
75. Медвѣдниковъ Вас. Гав. съ 1865 апр. 15 дня.
76. Дмитріевъ-Мамоновъ Мих. Алек. съ 1865 мая 2 дня.
77. Лермантова Елиз. Андр. съ 1865 апр. 15 дня.
78. Щербининъ Мих. Пав. съ 1865 апр. 15 дня.
79. Лапинъ Ник. Иліод. съ 1865 апр. 22 дня.
80. Живаго Сер. Афан. съ 1865 апр. 29 дня.
81. Горячкинъ Ив. Степ. съ 1865 мая 15 дня.
82. Чадинъ Аполлосъ Алексѣев. съ 1865 мая 15 дня.
83. Винтулова Вар. Алек. съ 1865 мая 19 дня.
84. Молчанова Елиз. Осип. съ 1865 мая 20 дня.
85. Молчановъ Евфгр. Влад. съ 1865 мая 20 дня.
86. Обидинъ Алек. Ив. съ 1865 мая 20 дня.
87. Третьякова Алек. Вл. съ 1865 мая 20 дня.
88. Лахтинъ Егоръ Тих. съ 1865 іюня 1 дня.
89. Овсянникова Анна Ник. съ 1865 іюня 1 дня.

90. Невоструевъ Алек. Ив. съ 1865 іюня 9 дня.
91. Куровъ Хрисанфъ Никит. съ 1865 авг. 16 дня.
92. Ганешинъ Ив. Вас. съ 1865 авг. 24 дня.
93. Яковлевъ Никол. Харлам. съ 1865 нояб. 1 дня.
94. Бахрушинъ В. Өед. съ 1865 нояб. 21 дня.
95. Бахрушинъ В. Алекс. съ 1865 нояб. 1 дня.
96. Мазуринъ Митр. Алекс. съ 1865 декаб. 1 дня.
97. Казаковъ Дм. Дм. съ 1865 декаб. 9 дня.
98. Аксакова Надежда Серг. съ 1865 декаб. 9 дня.
99. Сапожниковъ Вл. Гр. съ 1865 дек. 9 дня.
100. Бѣляевъ Левъ Петр. съ 1866 янв. 3 дня.
101. Андреевъ Алексѣй Вас. съ 1866 янв. 15 дня.
102. Буровъ Никита Род. съ 1866 февр. 1 дня.
103. Миляевъ Ник. Конст. съ 1866 марта 1 дня.
104. Смѣцкая Ольга Ильин. съ 1866 марта 1 дня.
105. Алексѣева Елиз. Васил. съ 1866 марта 15 дня.
106. Баклановъ Ив. Коз. съ 1866 апр. 4 дня.
107. Баклановъ Ник. Куз. съ 1866 апр. 4 дня.
108. Русановъ Юрій Ив. съ 1866 апр. 10 дня.
109. Винокурова Ольга Ив. съ 1866 авг. 31 дня.
110. Стриженовъ Ив. Өед. съ 1867 г. янв. 2 дня.
111. Миловановъ Дм. Іос. съ 1867 февр. 15 дня.
112. Ганешинъ Ив. Ник. съ 1867 февр. 15 дня.
113. Ганешинъ Алек. Вас. съ 1867 февр. 15 дня.
114. Ганешинъ Сер. Вас. съ 1867 февр. 15 дня.
115. Самаринъ Вас. Мак. съ 1867 апр. 24 дня.
116. Хомяковъ Ив. Вас. съ 1867 іюня 3 дня.
117. Хомяковъ Ст. Вас. съ 1867 іюня 3 дня.
118. Швецовъ Сем. Дмитр. съ 1867 сент. 2 дня.
119. Федоровъ Фед. Фед. съ 1867 нояб. 15 дня.
120. Шиловскій Иппол. Мих. съ 1868 г. март. 16 дня.
121. Розенъ Наталья Яков. съ 1868 окт. 2 дня.
122. Спасалинъ Конст. Яков. 1869 г. февр. 2 дня.
123. Плотниковъ Ник. Ник. съ 1869 март. 23 дня.
124. Швабе Өед. Борис. съ 1869 апр. 1 дня.
125. Тучковъ Мих. Пав. съ 1869 окт. 27 дня.

126. Пекарскій съ 1870 г. март. 1 дня.
127. Крестовниковъ Алекс. Конст. съ 1870 апр. 16 дня.
128. Зубковъ Ник. Абр. съ 1871 г. янв. 15 дня.
129. Крестовниковъ Валент. Конст. съ 1871 февр. 16 дня.
130. Полуектовъ Вл. Бор. съ 1871 март. 30 дня.
131. Волковъ Сергѣй Конст. съ 1871 дек. 2 дня.
132. Марецкій Вас. Ст. съ 1872 г. март. 1 дня.
133. Поповъ Мих. Андр. съ 1872 март. 1 дня.
134. Гамбургеръ Албертъ Ив. съ 1872 дек. 16 дня.
135. Фульда Ѳед. Ѳедор. съ 1873 г. март. 3 дня.

СПИСОКЪ
ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ
ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ

въ хронологическомъ порядкѣ.

1861 годъ. Первое полугодіе.

Управленіе Общества: Предсѣдатель Общества И. М. Соколовъ, товарищъ предсѣдателя С. А. Смирновъ, секретарь А. И. Клементовскій, казначей П. В. Кивокурцевъ.

Редакціонная коммиссія: Отвѣтственный редакторъ А. И. Клементовскій, члены коммиссіи: С. А. Смирновъ, В. А. Голицинскій, Н. Е. Мамоновъ, В. И. Ельцинскій.

1862 годъ. Годъ второй.

Управленіе Общества: Предсѣдатель И. М. Соколовъ, товарищъ предсѣдателя Н. К. Беркутъ, секретарь А. И. Клементовскій, казначей П. В. Кивокурцевъ, библіотекарь Л. Ѳ. Змѣевъ.

Редакціонная коммиссія: Отвѣтственный редакторъ А. И. Клементовскій, члены коммиссіи: В. А. Голицинскій, Н. Е. Мамоновъ, В. И. Ельцинскій, Н. П. Мансуровъ.

1863 годъ. Годъ третій.

Управленіе Общества: Предсѣдатель И. М. Соколовъ, товарищъ предсѣдателя Н. К. Беркутъ, секретарь А. И. Клементовскій, товарищъ секретаря В. А. Голицинскій, казначей П. В. Кивокурцевъ, библіотекарь Л. Ѳ. Змѣевъ.

Редакціонная коммиссія: Редакторъ А. И. Клементовскій, члены коммиссіи: В. А. Голицынскій, Н. Е. Мамоновъ, В. И. Ельцинскій, Н. П. Мансуровъ.

1864 годъ. Годъ четвертый.

Управленіе Общества: Предсѣдатель И. М. Соколовъ, товарищъ предсѣдателя Н. К. Беркутъ, секретарь А. И. Клементовскій, товарищъ секретаря В. А. Голицынскій, казначей П. В. Кивокурцевъ, библіотекарь Л. Ѳ. Змѣевъ.

Редакціонная коммиссія: Редакторъ А. И. Клементовскій, члены коммиссіи: В. А. Голицынскій, В. И. Ельцинскій, Н. Е. Мамоновъ, Н. П. Мансуровъ, Н. П. Розановъ.

1865 годъ. Годъ пятый.

Управленіе Общества. Предсѣдатель И. М. Соколовъ, торищъ предсѣдателя Н. К. Беркутъ, секретарь А. И. Клементовскій, товарищъ секретаря В. А. Голицынскій, казначей П. В. Кивокурцевъ, библіотекарь Л. Ѳ. Змѣевъ, товарищъ библіотекаря А. Г. Левенталь.

Редакціонная Коммиссія: Редакторъ А. И. Клементовскій.

Совѣтъ Лѣчебницы: Распорядитель Н. П. Николаевъ, членъ по хозяйственной части Н. Е. Мамоновъ, секретарь В. И. Ельцинскій, контролеръ С. В. Алексѣевъ.

1866 годъ. Годъ шестой.

Управленіе Общества: Предсѣдатель И. М. Соколовъ, товарищъ предсѣдателя Н. К. Беркутъ, съ 2-го мая А. Т. Тарасенковъ, съ 15-го іюня А. П. Скопинъ, секретарь А. И. Клементовскій, товарищъ секретаря В. А. Голицынскій, казначей П. В. Кивокурцевъ, библіотекарь В. К. Попандопуло.

Редакція Газеты: Редакторъ А. И. Клементовскій; члены редакціонной коммиссіи: В. И. Ельцинскій, Н. Е. Мамоновъ, Н. П. Розановъ, Э. Э. Клинъ.

Совѣтъ Лѣчебницы: Распорядитель Н. К. Беркутъ, со 2-го мая Н. Е. Мамоновъ; членъ по хозяйственной части Н. Е. Мамоновъ, со 2-го мая И. Я. Ковалевскій, секретарь В. И. Ельцинскій, контролеръ С. В. Алексѣевъ.

1867 годъ. Годъ седьмой.

Управленіе Общества: Предсѣдатель И. М. Соколовъ, товарищъ предсѣдателя А. П. Скопинъ, секретарь С. Н. Лажечниковъ, товарищъ секретаря А. Н. Маклаковъ, казначей И. Ѳ. Доммесъ, библіотекарь В. К. Попандопуло.

Редакція Газеты: Редакторъ Э. Э. Клинъ.

Совѣтъ Лѣчебницы: Распорядитель Н. Е. Мамоновъ, членъ по хозяйственной части И. Я. Ковалевскій, секретарь Н. Д. Никитинъ.

1868 годъ. Годъ восьмой.

Управленіе Общества: Предсѣдатель И. М. Соколовъ, товарищъ предсѣдателя Н. К. Беркутъ, секретарь В. И. Ельцинскій товарищъ секретаря А. Н. Маклаковъ, казначей И. Ѳ. Доммесъ, библіотекарь Н. Д. Никитинъ.

Редакція Газеты: Редакторъ С. И. Костаревъ.

Совѣтъ Лѣчебницы: Распорядитель Н. Е. Мамоновъ, членъ по хозяйственной части И. Я. Ковалевскій, секретарь Б. П. Делоне, контролеръ С. Н. Лажечниковъ.

1869 годъ. Годъ девятый.

Управленіе Общества: Предсѣдатель И. М. Соколовъ, товарищъ предсѣдателя Н. К. Беркутъ, секретарь по 15-е мая А. Н. Маклаковъ, а съ 15-го мая А. И. Алмазовъ, товарищъ секретаря по 15-е мая Алмазовъ, а съ 15-го мая П. В. Румянцевъ. Казначей И. Ѳ. Доммесъ, библіотекарь Н. Д. Никитинъ.

Редакція Газеты: Редакторъ Б. П. Делоне.

Совѣтъ Лѣчебницы: Распорядитель Н. Е. Мамоновъ, членъ по хозяйственной части И. Я. Ковалевскій, секретарь К. М. Балашевскій, казначей К. Ѳ. Розеновъ, контролеръ С. Н. Лажечниковъ.

1870 годъ. Годъ десятый.

Управленіе Общества: Предсѣдатель И. М. Соколовъ, товарищъ предсѣдателя Н. К. Беркутъ, секретарь А. И. Алмазовъ, товарищъ секретаря П. В. Румянцевъ, казначей И. Ѳ. Доммесъ, библіотекарь Н. Д. Никитинъ.

Редакція Газеты: Редакторъ Н. Е. Мамоновъ.

Совѣтъ Лѣчебницы: Распорядитель В. И. Ельцинскій, членъ по хозяйственной части Н. С. Соколовъ, секретарь В. В. Волгородскій, казначей К. Ѳ. Розеновъ, контролеръ И. Я. Ковалевскій.

1871 годъ. Годъ одиннадцатый.

Управленіе Общества: Предсѣдатель И. М. Соколовъ, товарищъ предсѣдателя Н. К. Беркутъ, секретарь

Е. А. Покровскій, товарищъ секретаря В. В. Волгородскій, казначей И. Ѳ. Доммесъ, библіотекарь Н. Д. Никитинъ.

Редакція Газеты: Редакторъ Н. Е. Мамоновъ.

Совѣтъ Лѣчебницы: Распорядитель В. И. Ельцинскій, членъ по хозяйственной части Н. С. Соколовъ, секретарь М. М. Соломка, казначей К. Ѳ. Розеновъ, контролеръ И. Я. Ковалевскій.

1872 годъ. Годъ двѣнадцатый.

Управленіе Общества: Предсѣдатель Н. К. Беркутъ, товарищъ предсѣдателя Н. Е. Мамоновъ, секретарь А. И. Алмазовъ, товарищъ секретаря П. В. Румянцевъ, казначей И. Ѳ. Доммесъ, библіотекарь Н. В. Запольскій.

Редакція Газеты: Редакторъ Н. Е. Мамоновъ.

Совѣтъ Лѣчебницы: Распорядитель В. И. Ельцинскій, членъ по хозяйственной части М. М. Соломка, казначей К. Ѳ. Розеновъ, секретарь В. В. Волгородскій, контролеръ И. С. Клименковъ.

1873 годъ. Годъ тринадцатый.

Управленіе Общества: Предсѣдатель Н. К. Беркутъ, товарищъ предсѣдателя В. И. Ельцинскій, секретарь А. И. Алмазовъ, товарищъ секретаря П. В. Румянцевъ, казначей И. Ѳ. Доммесъ, библіотекарь Н. В. Запольскій.

Редакція Газеты: Редакторъ Н. Е. Мамоновъ.

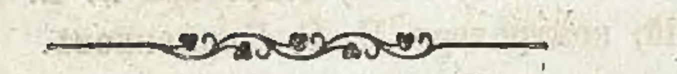
Совѣтъ Лѣчебницы: Распорядитель Лѣчебницы Н. Е. Мамоновъ, съ 2-го мая Н. П. Розановъ, членъ по хозяйственной части М. М. Соломка, казначей Совѣта К. Ѳ. Розеновъ, секретарь Н. С. Щербаковъ, контролеръ И. С. Клименковъ.

1874 годъ. Годъ четырнадцатый.

Управленіе Общества: Предсѣдатель Н. К. Беркутъ, товарищъ предсѣдателя Э. Э. Клинъ, секретарь М. М. Воиновъ, съ 2-го мая В. Н. Бензенгръ, товарищъ секретаря П. В. Румянцевъ, казначей И. Ѳ. Доммесъ, библіотекарь Н. В. Запольскій.

Редакція Газеты: Редакторъ В. И. Ельцинскій.

Совѣтъ Лѣчебницы: Распорядитель Лѣчебницы Н. П. Розановъ, членъ по хозяйственной части А. И. Алмазовъ, секретарь Д. П. Скалозубовъ, казначей К. Ѳ. Розеновъ, контролеръ С. С. Соколовъ.

ВѢДОМОСТЬ

прихода **ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ** въ **МОСКВѢ** съ 22-го мая 1861 года по 1-е января 1875 года.

ГОДЫ.	Единовремен. взносъ дѣйств. членовъ.		Годичный взносъ дѣйств. членовъ.		Пожертвованіе и кружка.		Взносъ на научную задачу Общества		На изданіе медицинской газеты.		Взносъ членовъ соревновател.		Приходъ по аптекѣ.		Приходъ по Лѣчебницѣ.		На стипендію.		% съ капитала.		Итогъ за весь годъ.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Въ 1861.......	975	—	220	—	17	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1212	80
Въ 1862.......	105	—	275	—	55	45	100	—	50	—	200	—	—	—	—	—	—	—	51	35	836	80
Въ 1863.......	36	—	240	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	31	45	307	45
Въ 1864.......	43	—	335	—	3375	—	—	—	—	—	1225	—	—	—	—	—	—	—	18	37	4996	37
Въ 1865.......	26	—	240	—	3117	72	—	—	210	—	1100	—	1525	75	—	—	—	—	—	—	6219	47
Въ 1866.......	15	—	220	—	936	80	—	—	163	—	600	—	75	—	1038	62	—	—	—	—	3048	42
Въ 1867.......	48	—	325	—	2010	70	—	—	45	—	1050	—	23129	18	5312	15	—	—	—	—	31920	03
Въ 1868.......	35	—	435	—	4892	93	—	—	25	—	900	—	21163	94	5792	80	—	—	88	38	33333	05
Въ 1869.......	55	—	560	—	419	78	—	—	35	60	375	—	22467	10	5631	40	—	—	111	8	29654	96
Въ 1870.......	33	—	400	—	628	28	—	—	27	50	325	—	24389	30	5964	20	—	—	118	50	31885	78
Въ 1871.......	35	—	285	—	644	99	—	—	10	—	250	—	33178	69	7519	40	—	—	317	26	42240	34
Въ 1872.......	30	—	345	—	431	90	57	50	1821	40	321	80	34258	55	8550	—	3195	55	395	72	49407	42
Въ 1873.......	45	—	400	—	223	61½	7	50	1976	27	296	80	33532	30	8812	—	196	80	1100	54	46590	82½
Въ 1874.......	105	—	355	—	244	30	15	—	3887	35	197	20	31707	22	7891	20	650	—	1432	59	46484	86
Итого.	1586	—	4635	—	17999	26½	180	—	8251	12	6840	80	225427	03	56511	77	4042	35	3665	24	328138	59½

ВѢДОМОСТЬ

расхода по ОБЩЕСТВУ РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ въ МОСКВѢ съ 3-го іюня 1861 года по 1-е января 1875 года.

ГОДЫ.	Канцелярскій расходъ.		На библіотеку.		На изданіе медиц. газеты.		На устройство и содер. аптеки.		На содержан. Лѣчебницы.		Выдача стипендій.		На задачу Общества.		Уплата долга и %.		Итого за весь годъ.		Остатокъ.		Передержка.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Въ 1861.......	134	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	134	35	1078	45	—	—
Въ 1862.......	249	50	131	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	380	87	455	93	—	—
Въ 1863.......	43	49	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	63	49	243	96	—	—
Въ 1864.......	305	78	88	05	—	—	1700	—	1543	70	—	—	—	—	—	—	3637	53	1358	84	—	—
Въ 1865.......	94	15	5	65	302	—	7259	57	1858	78	—	—	—	—	—	—	9520	15	—	—	3300	68
Въ 1866.......	47	35	—	—	568	74	1466	—	899	40	—	—	—	—	430	77	3457	72	—	—	409	30
Въ 1867.......	113	64	50	—	—	—	22775	—	3760	66½	—	—	—	—	4401	12	31100	42½	819	60½	—	—
Въ 1868.......	76	78	99	47	1225	—	20807	72½	3536	54	—	—	—	—	5521	10¼	31266	61¾	2066	43¼	—	—
Въ 1869.......	112	60	436	55	1000	—	23003	44½	3671	85½	—	—	—	—	—	—	28224	45	1430	51	—	—
Въ 1870.......	128	72	250	10	1400	28	24817	94	4598	55½	—	—	—	—	—	—	31195	31½	690	46½	—	—
Въ 1871.......	73	76	148	70	1281	41	31914	88¼	6494	33	—	—	—	—	—	—	39912	95¼	2327	38¾	—	—
Въ 1872.......	1421	38	156	70	3588	36	29128	10	5291	65½	15	—	—	—	—	—	39601	24½	9806	17½	—	—
Въ 1873.......	549	70	242	20	5065	—	28497	10	5308	29	180	—	—	—	—	—	39842	65	6748	17½	—	—
Въ 1874.......	951	10	195	40	8713	37	27783	85	4911	63	180	—	—	—	—	—	42735	55	3749	31	—	—
Итого.	4302	50	1824	19	23144	16	219153	61¼	41875	40	275	—	—	—	10352	99¼	301073	31½	30775	24	3709	98

2007041902